Гомилетическія произведенія св. Григорія Чудотворца, епископа Неокесарійскаго.

Просвѣтитель Понта и епископъ Неокесаріи, св. Григорій Чудотворецъ характеризуется св. Григоріемъ Нисскимъ, авторомъ похвальнаго слова о жизни его, какъ ревностный и сильный проповѣдникъ. Привлекательная сила его слова, по свидѣтельству св. Григорія Нисскаго, была такъ велика, что послѣ перваго возвѣщенія имени Христова невѣрнымъ, быстро возрастало число обращенныхъ къ вѣрѣ. По условіямъ миссіонерской и архипастырской дѣятельности св. Григорія Чудотворца содержаніе его проповѣдей было самое разнообразное. Прежде всего онъ раскрывалъ тайны христіанскаго боговѣдѣнія, существенные пункты котораго изложены имъ въ символѣ, пользовавшемся большимъ авторитетомъ въ Понтѣ,—благодаря вѣроучительной проповѣди св. Григорія Чудотворца, неокесарійцы сохранили себя „неприкосновенными отъ всякой еретической злобы" во время самаго широкаго распространенія догматическихъ заблужденій въ IV вѣкѣ. Но, кромѣ утвержденія паствы въ правомъ пониманіи христіанскаго догмата, св. Григорій Чудотворецъ, примѣнительно къ состоянію паствы и къ нуждамъ отдѣльныхъ ея членовъ, непрестанно наставлялъ вѣрующихъ въ благочестіи и христіанской жизни: „Плачущій,—говоритъ св. Григорій Нисскій—получалъ утѣшеніе, юноша—вразумленіе, старикъ наставляемъ былъ приличными рѣчами, рабы, чтобы повиновались господамъ своимъ, владѣльцы, чтобы человѣколюбиво обращались съ подчиненными; бѣднаго училъ онъ, что единственное бо-

гатство есть добродѣтель, что это имущество можетъ пріобрѣсть каждый, кто ни захочетъ; напротивъ того, обладающаго богатствомъ вразумлялъ и училъ, что онъ только распорядитель своего имѣнія, а не господинъ. Женамъ подавалъ пристойныя, дѣтямъ — соотвѣтственныя возрасту, отцамъ—приличныя правила"...

Это свидѣтельство св. Григорія Нисскаго изображаетъ въ совершенно естественныхъ чертахъ проповѣдническую дѣятельность энергичнаго святителя-миссіонера и ни въ какомъ отношеніи не можетъ быть подвергнуто сомнѣнію. Но нигдѣ мы не находимъ извѣстія о томъ, чтобы проповѣди св. Григорія Чудотворца были записаны и въ этомъ видѣ извѣстны были послѣдующимъ поколѣніямъ. Только въ рукописяхъ нѣсколько бесѣдъ надписывается именемъ знаменитаго неокесарійскаго епископа; онѣ извѣстны отчасти на греческомъ языкѣ и въ сирійскомъ переводѣ, отчасти только въ армянскомъ переводѣ.

На греческомъ языкѣ извѣстны: 1—3) три бесѣды на Благовѣщеніе Пресвятыя Богородицы Дѣвы Маріи (εἰς τὸν εὐαγγελισμὸν τῆς ὑπεραγίας θεοτόκου παρθένου τῆς Μαρίας); въ изданіяхъ обозначаются, какъ первая, вторая и третья бесѣды на Благовѣщеніе (Migne, PG. X, 1145—1177). Первая изъ нихъ сохранилась также въ сирійскомъ и армянскомъ переводахъ (у Pitra, Analecta sacra, IV, 122 sqq. и 125 sqq.—и латинск. переводъ 377 sqq. и 396 sqq.); вторая только въ армянскомъ и раздѣлена въ немъ на двѣ бесѣды: „Похвала Пресвятой Богородицѣ Маріи" и „Бесѣда на привѣтствіе Елисаветы". 4) „Бесѣда на святое Богоявленіе" (Migne, PG. X, 1177—1189),—сохранилась и въ сирійскомъ переводѣ (у Pitra, Anal. sacra, IV, 127 sqq. и 381 sqq.). 5) „Бесѣда на всѣхъ святыхъ" (Migne, PG. t. X, 1197 sqq.). Въ армянскомъ только переводѣ сохранились: 6) „Бесѣда на Рождество Христово" (у Pitra, IV, 134 sqq. и 386 sqq.); 7) отрывокъ бесѣды о воплощеніи Господнемъ (у Pitra, IV, 144 sq. и 395 sq.); 8) „Похвала Пресвятой Богородицѣ и Приснодѣвѣ Маріи" (у Pitra, IV, 156 sqq. и 404 sqq.); 9) „Похвальное слово въ честь Пресвятой Богородицы и Приснодѣвы Маріи" (у Pitra, IV, 159 sqq. и 406 sqq.); 10) „Похвальное слово въ честь святаго Стефана Первомученника" (у Pitra, IV, 162 sqq. и 408 sqq.); 11) „Бесѣда въ честь Пресвятой Богоматери, Приснодѣвы". Эта послѣдняя бесѣда, сохранившаяся въ армян-

скомъ переводѣ въ древнемъ сборникѣ гомилій библіотеки эчміадзинскаго монастыря и въ рукописи монастыря св. Лазаря, впервые была издана въ армянскомъ текстѣ въ армянскомъ журналѣ „Араратъ", сентябрь 1895 г. F. C. Conybeare въ „Expositor", March 1896, p. 161—173, напечаталъ англійскій переводъ этой бесѣды, съ котораго сдѣланъ русскій переводъ въ „Церковныхъ Вѣдомостяхъ", 1896 г., № 14. Въ 1909 г. G. La Piana въ журналѣ „Rivista storico-critica delle scienze theologiche", luglio-agosto 1909, fasc. 7—9, помѣстилъ, на основаніи греческой рукописи національной библіотеки въ Палермо, греческій текстъ неизданной бесѣды св. Григорія Нисскаго на Благовѣщеніе Пресвятой Богородицы съ предварительнымъ введеніемъ, въ которомъ доказываетъ вѣроятную принадлежность ея св. Григорію Нисскому и устанавливаетъ отношеніе къ первой (и отчасти ко второй) бесѣдѣ св. Григорія Чудотворца: по его мнѣнію, послѣдняя составлена значительно позднѣе первой и при пользованіи ею. Между тѣмъ оказывается, что вся эта работа произведена была имъ совершенно напрасно, такъ какъ вновь изданная бесѣда св. Григорія Нисскаго почти буквально совпадаетъ съ армянскою бесѣдою, напечатанною въ „Араратѣ" и переведенною F. C. Conybeare'омъ: армянскій текстъ, кромѣ вставокъ цѣлыхъ отрывковъ, имѣетъ самыя несущественныя отличія по сравненію съ греческимъ текстомъ. Но G. La Piana, видимо, совсѣмъ не зналъ этой бесѣды.

По вопросу объ авторѣ всѣхъ этихъ бесѣдъ высказываются различныя сужденія, но преимущественно отрицательныя по отношенію къ св. Григорію Чудотворцу, хотя и безъ спеціальныхъ изслѣдованій о томъ, кому же они въ дѣйствительности принадлежатъ. Только J. Dräseke безъ достаточныхъ основаній пытался доказать принадлежность трехъ бесѣдъ (№№ 1—2 и 4) Аполлинарію Лаодикійскому [1]). Третья бесѣда, отличная по содержанію и по формѣ отъ двухъ первыхъ, въ очень многихъ манускриптахъ приписывается св. Іоанну Златоусту. Бесѣда на Богоявленіе (№ 4) въ сирійскомъ переводѣ надписана именемъ св. Іоанна Златоустаго, но отпечатана также между твореніями Григорія,

[1]) Въ Jahrbüch. f. protest. Theol., X [1884], 657 ff. Разборъ этого взгляда см. у проф. А. А. Спасскаго, Историческая судьба сочиненій Аполлинарія Лаодикійскаго съ краткимъ предварительнымъ очеркомъ его жизни. Сергіевъ Посадъ 1895, стрн. 170 сл.

патріарха антіохійскаго 570—593 г. (Migne, PG. LXXXVIII, 1865—1872), хотя только въ латинскомъ переводѣ и въ сокращенной формѣ. P. Martin (у Pitra, IV, p. XXI—XXII) и Loofs (въ Theolog. Litt.-Zeit. 1884, 551) доказываютъ принадлежность св. Григорію Чудотворцу бесѣды на Рождество Христово (№ 6); а Conybeare то же утверждаетъ относительно бесѣды въ честь Пресвятой Богоматери, Приснодѣвы (№ 11). Однако Ад. Гарнакъ рѣшительно заявляетъ, что должно отвергнуть всѣ гомиліи, сохранившіяся какъ въ греческомъ оригиналѣ, такъ и въ армянскомъ переводѣ, и что вообще до насъ не дошло ни одной подлинной бесѣды св. Григорія Чудотворца [1]). Но Ад. Гарнакъ не обосновываеть своего утвержденія убѣдительной аргументаціей, почему и послѣ него остается возможность признавать подлинность, по крайней мѣрѣ, одной бесѣды на Рождество Христово [2]).

Такимъ образомъ, вопросъ объ авторѣ бесѣдъ, надписываемыхъ именемъ св. Григорія Чудотворца, въ извѣстной степени и въ настоящее время должно считать открытымъ; при чемъ неотходимо обратить особенное вниманіе на бесѣду о рождествѣ Христовомъ.

Первыя пять бесѣдъ переведены нами на русскій съ греческаго текста у Миня (t. X, 1145—1204). Въ основу перенода слѣдующихъ пяти бесѣдъ положенъ латинскій переводъ ихъ съ армянскаго, помѣщенный у Питры (Analecta sacra, IV, p. 386—395, 395—396, 404—406, 406—408, 408—412). Наконецъ, одиннадцатая бесѣда переведена съ англійскаго (Expositor, March 1906, p. 161—175), такъ какъ именно въ армянскомъ переводѣ, съ котораго сдѣланъ англійскій, бесѣда надписана именемъ св. Григорія Чудотворца; но въ виду отношенія этой бесѣды къ греческой бесѣдѣ св. Григорія Нисскаго, опубликованной G. La Piana, принятъ былъ во вниманіе и греческій текстъ, давшій возможность внести въ англійскій переводъ больше точности. При этомъ отдѣлы, которые имѣются только въ армянскомъ переводѣ отмѣчены * — *; разночтенія греческаго текста указаны въ подстрочныхъ примѣчаніяхъ. Въ тѣхъ же случаяхъ, когда было совершенно ясно, что разности между греческимъ текстомъ и

[1]) Die Chronologie der altchristlichen Litteratur, B. 2. Leipzig 1904, S. 101.

[2]) *E. Neubert*, Marie dans l'église anténicéenne, 2 ed. Paris 1908, p. 187—188.

англійскимъ переводомъ являются результатомъ двухкратнаго перевода (съ греческаго на армянскій и съ армянскаго на англійскій), поправки вносились въ текстъ русскаго перевода безъ всякихъ указаній на отступленія отъ англійскаго перевода.

На Благовѣщеніе Пресвятой Дѣвы Маріи

бесѣда первая.

Днесь чинъ ангельскій радостно воспѣваетъ хвалебныя пѣсни, и свѣтъ пришествія Христова возсіяваетъ вѣрнымъ. Днесь радостная для насъ весна, Христосъ—Солнце правды осіялъ насъ яснымъ свѣтомъ и озарилъ умы вѣрныхъ. Днесь Адамъ обновленъ и вознесенный на небо ликуетъ съ ангелами. Днесь вся вселенная объята радостію, такъ какъ совершилось пришествіе Святаго Духа къ людямъ. Днесь божественная благодать, надежда невидимыхъ, освѣщаетъ чудеса, превышающія разумъ, и явственно открываетъ намъ отъ вѣка сокровенное таинство. Днесь сплетаются вѣнцы неизсякаемой добродѣтели. Днесь Богъ, хотящій увѣнчать священныя главы любящихъ слушать и почитающихъ празднества, призвалъ любителей непоколебимой вѣры какъ званныхъ и наслѣдниковъ, и горнее царство поспѣшаетъ призвать мудрствующихъ небесное, чтобы пріобщить ихъ къ божественному служенію безплотныхъ ликовъ. Днесь исполнилось предреченіе Давида, которое говоритъ: да веселятся небеса и да торжествуетъ земля; да возрадуются поля и вся дерева дубравныя отъ лица Господня, потому что грядетъ [1]). Давидъ говоритъ [просто] деревья, а предтеча Господень называлъ деревья, приносящія плоды достойные покаянія, скорѣе же—пришествія Господня. Господь же нашъ Іисусъ Христосъ возвѣстилъ неизсякаемую радость всѣмъ вѣрующимъ въ Него. Ибо Онъ говоритъ: увижу васъ, и возрадуетесь, и радости вашей никто не отниметъ у васъ [2]).

Днесь ясно возвѣщается намъ преславное и неизреченное таинство христіанъ, добровольно запечатлѣвшихъ свою надежду на Христа. Днесь Гавріилъ, предстоящій Богу, приходитъ къ

---

[1]) Пс. XCV, 11—13. [2]) Іоан. XVI, 22.

Дѣвѣ непорочной благовѣствуя ей: радуйся благодатная [1]). Она же помышляла въ себѣ, чтó бы это было за привѣтствіе. Ангелъ безъ замедленія присовокупилъ, говоря: Господь съ Тобою; не бойся, Марія, ибо Ты обрѣла благодать у Бога. Итакъ Ты зачнешь во чревѣ и родишь Сына, и нарекутъ имя Ему Іисусъ. Онъ будетъ великъ и Сыномъ Вышняго наречется. И дастъ ему Господь Богъ престолъ Давида, отца Его, и будетъ царствовать въ домѣ Іакова во вѣки, и царству Его не будетъ конца. Марія же сказала ангелу: какъ это будетъ со Мною, когда Я мужа не знаю? Останусь ли я и далѣе дѣвой? Не будетъ ли нарушено достоинство дѣвства? Когда Святая Дѣва недоумѣвала о семъ, ангелъ возвѣщаетъ ей сущность своей рѣчи, говоря: Духъ Святый найдетъ на Тебя и сила Всевышняго осѣнитъ Тебя; посему и рождаемое отъ Тебя святое наречется Сыномъ Божіимъ [2]). Ибо чтó оно есть, тѣмъ дѣйствительно и наречется.

Итакъ, достойно изъ всѣхъ родовъ благодать избрала одну только Святую Дѣву. Ибо она истинно была мудрѣе всѣхъ, и никогда во всѣхъ родахъ не было подобнаго ей. Она [поступила] не такъ, какъ прежде дѣва Ева, которая, ликуя въ раю; своимъ слабымъ умомъ неосторожно вняла рѣчи виновника зла змія, и такимъ образомъ извратила благородство своего помышленія, и чрезъ нее коварный, изливъ свой ядъ и примѣшавъ смерть, ввелъ во весь міръ, и вслѣдствіе этого произошла всякая пагуба святыхъ; и только одною святой Дѣвой возстановлено ея [т. е. Евы] паденіе. Напротивъ, святая [Дѣва] имѣла твердость принять даръ не прежде, чѣмъ узнала, кто посылаетъ его, и что это за даръ и кто его приноситъ. Говоря это сама въ себѣ, святая недоумѣвала и обращается къ ангелу, говоря: откуда ты принесъ мнѣ такое благословеніе? Изъ какихъ сокровищъ послана мнѣ эта жемчужина слова? Въ чемъ этотъ даръ мнѣ имѣетъ свое основаніе? Ты пришелъ съ неба и шествуешь по землѣ. Ты показываешь всѣ характерныя черты человѣка, и осіяваешь блистаніемъ свѣта.

Святая въ Себѣ размышляла объ этомъ; ангелъ же разрѣшилъ ея сомнѣніе, такъ вѣщая къ ней: Духъ Святый найдетъ на Тебя, и сила Вышняго осѣнитъ Тебя; по-

---

[1]) Лук. I, 8. [2]) Лук. I, 35.

сему и рождаемое отъ Тебя святое наречется Сыномъ Божіимъ. И: не бойся, Марія, ибо я пришелъ не для того, чтобы поражать тебя страхомъ, но чтобы отогнать причину страха. Не бойся, Марія, ибо Ты обрѣла благодать у Бога. Не изслѣдуй благодати по законамъ естества; ибо благодать не терпитъ подчиненія законамъ естества. Ты познала, Марія, то, что было сокрыто отъ патріарховъ и пророковъ. Ты, Дѣво, научилась тому, что доселѣ было утаено отъ ангеловъ. Ты услышала, Всесвятая, то, чего еще не удостоился [слышать] ликъ богоносныхъ мужей. Моисей и Давидъ, Исаія и Даніилъ и всѣ пророки предвозвѣщали о немъ, но какъ [это будетъ], не знали. Ты же одна только, Всесвятая Дѣво, нынѣ воспринимаешь невѣдомыя всѣмъ имъ тайны и уразумѣваешь, какъ это возможно. Ибо гдѣ Духъ Святый, тамъ все легко совершается. Гдѣ божественная благодать, [тамъ] все возможно для Бога. Духъ Святый найдетъ на Тебя, и сила Вышняго осѣнитъ Тебя, посему и рождаемое отъ Тебя святое наречется Сыномъ Божіимъ. Если же Сынъ Божій, то и Богъ сообразный Отцу и совѣчный, въ Которомъ Отецъ обладаетъ всецѣлымъ откровѣніемъ; Онъ—начертаніе въ лицѣ и чрезъ отраженіе [въ Немъ] возсіяваетъ Его слава. И какъ изъ неизсякаемаго источника проистекаютъ рѣки, такъ и изъ сего неизсякаемаго и всегда живого источника проистекаетъ неизсякаемый и истинный Свѣтъ міра—Христосъ Богъ нашъ. Объ этомъ источникѣ пророки восклицали: рѣчные потоки веселятъ градъ Божій [1]),—не одинъ только градъ, но всѣ, ибо подобно тому, какъ одинъ градъ, онъ веселитъ и всю вселенную. Посему прилично Ангелъ возгласилъ Святой Дѣвѣ Маріи, первой изъ всѣхъ: радуйся, благодатная, Господь съ Тобою, такъ какъ съ нею сохранено было все сокровище благодати. Ибо изъ всѣхъ родовъ одна только сія Дѣва явилась святою и по тѣлу и по духу, и она одна только носитъ Того, Кто глаголомъ носитъ всяческая [2]). И должно изумляться не только тѣлесной красотѣ своей, но и добродѣтельному направленію ея души. Посему-то къ ней первой изъ всѣхъ Ангелъ обращается съ привѣтствіемъ: радуйся, благодатная, Господь съ Тобою; и не земной женихъ, но Самъ Господь освященія, Отецъ непорочности,

---

[1]) Псал. XLV, 5. [2]) Евр. I, 3.

Зиждитель нетлѣнія и Податель свободы, Ходатай спасенія Распорядитель и Раздаятель истиннаго мира, изъ дѣвственной земли создавшій человѣка и изъ ребра его взявшій Еву,— Сей Господь съ Тобою и опять изъ Тебя.

Посему пріидите, возлюбленные, и мы, послѣдуя ангельскому хваленію, благомысленно воздадимъ по силамъ говоря: радуйся, благодатная, Господь съ Тобою. Ибо Тебѣ надлежитъ по-истинѣ радоваться, такъ какъ съ Тобою божественная благодать, какъ [она одна] вѣдаетъ, вселилась; съ рабою—Царь славы, съ прекрасною—Тотъ, Кто красенъ добротою паче сыновъ человѣческихъ [1]), съ нескверною— освящающій всяческая. Съ Тобою Богъ и совершенный человѣкъ, въ которомъ обитаетъ вся полнота Божества [2]). Радуйся, благодатная, источникъ Свѣта, просвѣщающаго всѣхъ вѣрующихъ въ Него. Радуйся, благодатная, востокъ мысленнаго солнца и нескверный цвѣтъ жизни. Радуйся, благодатная, лугъ благоуханія. Радуйся, благодатная, лоза всегда цвѣтущая, веселящая души прославляющихъ тебя. Радуйся, благодатная, нива невоздѣланная и принесшая прекрасные плоды, сообразно съ естествомъ, потому что сообразно съ нами и потому что сообразно съ временемъ чревоношенія, но и противъ естества, или лучше выше естества, потому что свыше вселился Богъ Слово и въ святомъ Твоемъ чревѣ возсоздалъ Адама; и хотя способность къ рожденію Святой Дѣвѣ подалъ Святой Духъ, однако, истинное тѣло взято изъ Ея тѣла. И какъ жемчужина образуется изъ двухъ естествъ, изъ молніи и воды, сокровенныхъ явленій моря, такъ и Господь нашъ Іисусъ Христосъ неслитно и неизмѣнно происходитъ изъ чистой и непорочной, нескверной и святой Дѣвы Маріи, совершенный въ Божествѣ и совершенный въ человѣчествѣ, по всему подобный Отцу и единосущный намъ во всемъ кромѣ грѣха.

Весьма многіе изъ святыхъ отцевъ, патріарховъ и пророковъ хотѣли видѣть Его и сдѣлаться самовидцами Его и не сдѣлались. И одни изъ нихъ созерцали Его посредствомъ видѣній образно въ гаданіяхъ, другіе слышали божественный гласъ [Его] въ столпѣ облачномъ и удостоились явленія святыхъ ангеловъ. И только къ одной Маріи, Святой Дѣвѣ, свѣтозарно пришелъ архангелъ Гавріилъ, благовѣствуя Ей:

---

[1]) Псал. XLIV, 3. [2]) Кол. II, 2.

радуйся, благодатная. И такимъ образомъ, она восприняла Слово и по времени тѣлеснаго исполненія принесла многоцѣнную жемчужину.

Посему пріидите и вы, возлюбленные, воспоемъ представленное намъ богодухновеннымъ Давидомъ на гусляхъ: воскресни, Господи, въ покой Твой, Ты и кивотъ святыни Твоей [1]). Ибо во-истину Святая Дѣва—кивотъ, внутри и внѣ позлащенный, воспринявшій въ себя цѣлое сокровище освященія. Воскресни, Господи, въ покой Твой. Возстани, Господи, изъ лона Отца, чтобы возставить падшій родъ первозданнаго. Прославляя это, Давидъ пророчески говоритъ къ лозѣ, имѣющей произрастить изъ него прекраснoплодный цвѣтъ: слыши, дщерь, и смотри, и приклони ухо твое, и забудь народъ твой, и домъ отца твоего, и возжелаетъ царь красоты твоей, и поклонишься ему [2]). Слыши, дщерь, пророчествуемое о тебѣ, чтобы и очами вѣдѣнія узрѣла и самое дѣло. Слыши меня, предзнаменующаго тебѣ, и архангела, ясно возвѣщающаго тебѣ совершенное таинство.

Итакъ, пріидите, возлюбленные, воспомянемъ прежде бывшее и прославимъ лозу, такъ преестественно прозябшую отъ Іессея, восхвалимъ, ублажимъ и благоговѣйно почтимъ. Ибо не объ одномъ только Іосифѣ, но и о Богородицѣ Маріи свидѣтельствуя, Лука повѣствуетъ въ божественныхъ Евангеліяхъ до самаго родства Давидова: пошелъ также,—говоритъ онъ,—и Іосифъ изъ Галилеи, въ городъ іудейскій, называемый Виѳлеемъ, записаться съ Маріею, обрученной ему женою, которая была непраздна, потому что они были изъ дома и рода Давида. Случилось же, когда они были тамъ, исполнились дни родить Ей, и родила Сына Своего, перворожденнаго всей твари, и спеленала Его и положила Его въ ясляхъ, потому что не было имъ мѣста въ гостинницѣ [3]). Спеленала одѣвающаго свѣтомъ, какъ одеждою [4]). Спеленала создавшаго всю тварь. Положила въ ясляхъ сѣдящаго на херувимахъ и воспѣваемаго тмами ангеловъ. Въ ясляхъ безсловесныхъ возлегло Божественное Слово, чтобы людямъ, по

---

[1]) Пс. 131, 8. [2]) Пс. 44, 11, 12. [3]) Лук. II, 4—7.
[4]) Пс. 103, 2.

собственному произволенію сдѣлавшимся неразумными, даровать разумный смыслъ. На трапезѣ скотовъ предложенъ небесный хлѣбъ, чтобы скотоподобнымъ людямъ даровать причастіе таинственной пищи. И даже мѣста не было имъ въ гостинницѣ. Не имѣлъ мѣста словомъ устроившій небо и землю, потому что, будучи богатъ, Онъ обнищалъ ради насъ [1]), подъялъ на Себя крайнее уничиженіе ради спасенія нашего естества, по присущей Ему благости къ намъ. Исполнившій всякое устроеніе неизреченныхъ тайнъ домостроительства на небѣ въ лонѣ Отца, Онъ возлегъ и въ вертепѣ въ объятіяхъ Матери. Сонмы ангеловъ окружали Его, возглашая славу на небѣ и на землѣ миръ. На небѣ одесную Отца возсѣлъ, и въ ясляхъ, какъ на херувимахъ, почилъ. По-истинѣ [это] престолъ и именно херувимскій, престолъ царскій, святый изъ святыхъ, единый, славный на землѣ святѣйшій изъ святыхъ, на которомъ почилъ Христосъ Богъ нашъ. Ему слава, честь и держава, со Отцемъ безначальнымъ и всесвятымъ и животворящимъ Духомъ, нынѣ и всегда и во вѣки вѣковъ. Аминь.

На Благовѣщеніе Всесвятой Богородицы и Приснодѣвы Маріи

бесѣда вторая.

Всѣ празднества и пѣснопѣнія намъ надлежитъ приноситъ какъ жертвы Богу, прежде же всего—благовѣщеніе святой Дѣвы Богородицы, бывшее къ ней отъ ангела: радуйся, благодатная [2]), такъ какъ прежде всякой премудрости и спасительнаго ученія въ Новомъ Завѣтѣ намъ ниспослано отъ Отца свѣтовъ: радуйся, благодатная. Говоря: благодатная, Онъ объялъ вмѣстѣ все человѣческое естество. Радуйся, благодатная во святомъ зачатіи и въ славномъ чревоношеніи. Возвѣщаю вамъ великую радость, которая будетъ всему народу [3]). Далѣе, грядый на ,спасительную страсть Господь сказалъ: Я увижу васъ, и вы возрадуетесь, и радости вашей никто не отниметъ у васъ [4]). И послѣ воскресенія снова чрезъ

---

[1]) 2 Кор. VIII, 9. [2]) Лук. 1, 28. [3]) Лук. II, 10.
[4]) Іоан. XVI, 22.

святыхъ женъ прежде всего благовѣствуетъ намъ: радуйся [1]). Подобное этому и апостолъ возгласилъ: всегда, говоря, радуйтесь, непрестанно молитесь; за все благодарите [2]). Итакъ, видите, возлюбленные, какъ Господь всюду нераздѣльно даровалъ намъ превосходящую умъ и неизсякаемую радость. Поелику святая Дѣва, будучи во плоти, достигла непорочнаго жительства, проводя жизнь во всякихъ добродѣтеляхъ, живя лучше, чѣмъ согласно съ [природой] человѣка, то посему Слово, сущее отъ Бога Отца, удостоило воспринять отъ Нея плоть и совершенное человѣческое естество, чтобы чрезъ ту же плоть, чрезъ которую грѣхъ вошелъ въ міръ и чрезъ грѣхъ смерть, грѣхъ былъ осужденъ во плоти, и искуситель грѣха былъ побѣжденъ во гробѣ святой плоти, и чтобы вмѣстѣ съ тѣмъ показано было начало воскресенія, и чтобы жизнь вѣчная жительствовала въ мірѣ, и совершилось общеніе Бога Отца съ людьми. И что скажемъ, или что пропустимъ? Или кто изъяснитъ непостижимое въ этомъ таинствѣ? Но теперь возвратимся къ предложенному предмету.

Къ непорочной Дѣвѣ посланъ Гавріилъ, безплотный къ той, которая во плоти проводила непорочную жизнь, жила въ чистотѣ и въ добродѣтеляхъ. И пришедши къ ней, прежде всего такъ благовѣствуетъ ей: Радуйся, благодатная, Господь съ Тобою. Радуйся, благодатная, ибо ты совершаешь то, что дѣйствительно достойно радости, поелику ты облеклась въ незапятнанный хитонъ и препоясаніемъ цѣломудрія препоясана. Радуйся, благодатная, вмѣстилище небесной радости. Радуйся, благодатная, ибо чрезъ тебя подается радость всякой твари и родъ человѣческій возвращаетъ древнее достояніе. Радуйся, благодатная, потому что ты будешь носить въ своихъ объятіяхъ Создателя всяческихъ. Она же смутилась при этой рѣчи, ибо для нея непривычны были какія бы то ни было бесѣды съ людьми; она возлюбила молчаніе, какъ мать цѣломудрія и непорочности, и, будучи чистой, непорочной и нескверной красотой, она не устрашилась ангельскаго вида, какъ большинство пророковъ, такъ какъ и истинная дѣва имѣетъ сродство и равную долю съ ангелами. Ибо святая Дѣва заботливо охраняла свѣтильникъ дѣвства и имѣла много попеченія о томъ, чтобы не погасить или не осквернить его. И какъ облеченный въ блистательную

---

[1]) Мѳ. XXVIII, 9. [2]) I Ѳесс. V, 16, 17.

одежду много обращаетъ вниманія на то, чтобы откуда-нибудь не пристала нечистота или грязь, такъ и святая Дѣва размышляла въ себѣ и говорила: не заключаетъ ли въ себѣ это почитаніе какой-нибудь хитрости или лести? Не будетъ ли это радуйся для Меня причиной горести, какъ нѣкогда прамагери Евѣ содѣйственное принятіе льстиваго обѣщанія демона въ образѣ змія объ обоженіи? Не преобразуется ли снова въ свѣтлаго ангела виновникъ зла демонъ и, завидуя моему жениху въ совершенномъ моемъ цѣломудріи, начинаетъ борьбу съ нимъ посредствомъ какъ будто пріятной бесѣды; но не возмогши обольстить мужа, какъ крѣпкаго умомъ, подошелъ ко мнѣ, какъ одаренной болѣе слабымъ разумомъ, и взываетъ [ко мнѣ]: радуйся, которое впослѣдствіи можетъ оказаться нерадостнымъ? Не является ли ублаженіе и привѣтствіе лицемѣрнымъ? Не скрывается ли подъ медомъ какой-нибудь ядъ? Нѣтъ ли здѣсь рѣчи благовѣствующаго, а намѣренія грабителя? Ибо какъ онъ привѣтствуетъ ту, которой самъ не знаетъ? Такъ она недоумѣвала и говорила. Тогда архангелъ снова провозглашаетъ Ей радость вѣрную для всѣхъ и безраздѣльную, провозвѣщая Ей и говоря Ей: Не бойся, Марія, ибо Ты обрѣла благодать у Бога. Ты имѣешь сжатое доказательство сказаннаго: я внушаю тебѣ не только то, что не должно ничего бояться, но и самый образъ безбоязненности. Ибо чрезъ меня привѣтствуютъ тебя, святую Дѣву, всѣ небесныя силы,—лучше же сказать: Самъ господствующій надъ всѣми небесными силами избралъ изъ всего созданія тебя, святую и преукрашенную; и чрезъ святую, непорочную, чистую и нескверную твою утробу приходитъ свѣтлѣйшій жемчугъ на спасеніе вселенной, поелику и ты, святая, содѣлалась славнѣе и чище и священнѣе всякаго человѣческаго естества; имѣешь разумъ блистательнѣе снѣга и тѣло превосходнѣе всякаго испытаннаго золота, утробу же такую, какую созерцалъ Іезекіиль и о какой онъ повѣствовалъ, говоря слѣдующее: Подобіе надъ головою животныхъ, какъ бы твердь и какъ видѣніе страшнаго кристалла, и подобіе престола на немъ, какъ видѣніе камня сапфира, и вверху надъ престоломъ какъ бы подобіе человѣка и какъ видѣніе электра, и внутри его какъ видѣніе огня кругомъ [1]). Ясно, что

[1]) Іезек. I, 22, 26, 27.

пророкъ образно видѣлъ Рожденнаго отъ святой Дѣвы: Его ты, святая Дѣва, не могла бы понести, если бы въ то время не блистала всякою славою и добродѣтелью. Итакъ, какими словами похвалы опишемъ дѣвственное достоинство? Какими знаками прославленія и воскликновеніями воспоемъ непорочный твой образъ? Какими духовными пѣснями и рѣчами прославимъ славнѣйшую ангеловъ? Она возращена въ дому Божіемъ подобно плодоносной маслинѣ, въ которой вселился Духъ Святый; чрезъ нее Онъ назвалъ насъ сынами и наслѣдниками царства Христова. Она—вѣчно цвѣтущій рай нетлѣнія, въ которомъ возращенное животворящее древо всѣмъ подаетъ плоды безсмертія. Она—похвала дѣвъ, веселіе матерей. Она—утвержденіе вѣрующихъ, совершеніе благочестивыхъ. Она—одѣяніе свѣта, жилище добродѣтели. Она—неизсякаемый источникъ, въ которомъ вода живая источила пришествіе во плоти Господа. Она—крѣпость правды, и всѣ, кто возлюбили и любятъ дѣвственную непорочность и чистоту, насладятся ангельской радости. Всѣ, кто воздерживаются отъ вина и опьяненія и отъ сикера сладострастія, насладятся отъ плода живоноснаго насажденія. Всѣ, сохранившіе неугасимымъ свѣтильникъ дѣвства, увѣнчаются неувядаемымъ вѣнцомъ нетлѣнія. Всѣ, кто блюли незапятнанною одежду цѣломудрія, воспріимутся въ таинственный чертогъ правды. Всѣ, приблизившіеся къ ангельскому достоинству, совершеннѣе насладятся Господнимъ блаженствомъ. Всѣ стяжавшіе свѣтлый елей разума и чистый ѳиміамъ совѣсти, наслѣдуютъ обѣтованіе духовнаго благоуханія и сыноположенія. Всѣ, достойно празднующіе Благовѣщеніе Богородицы Дѣвы Маріи, получатъ мздовоздаяніе, болѣе дѣйствительное, чѣмъ благовѣстіе: радуйся благодатная.

Будемъ же и мы праздновать во псалмахъ и пѣніяхъ и пѣсняхъ духовныхъ. Праздновалъ нѣкогда и Израиль, но въ опрѣснокахъ и горькихъ травахъ, о которыхъ пророкъ говоритъ: обращу праздники ихъ въ печаль и въ плачъ и радость ихъ въ уныніе [1]). Наши же печали Господь нашъ обѣщалъ обратить, чрезъ плоды покаянія, въ радость [2]). Конечно, и первый завѣтъ имѣлъ постановленія о богослуженіи [3]), подобно тому, какъ при праотцѣ Авраамѣ, но въ болѣзняхъ плотского мученія чрезъ обрѣзаніе, вплоть

[1]) Амос. VIII, 10. [2]) Іерем. XXXI, 13. [3]) Евр. IX, 1.

до временъ исполненія. Законъ данъ былъ имъ чрезъ Моисея для наученія, намъ же благодать и истина дарованы Іисусомъ Христомъ. Началомъ всѣхъ благъ для насъ было благовѣщеніе благодатной Маріи, много воспѣваемое домостроительство Спасителя, Его боговдохновенное и премірное ученіе. Отсюда для насъ восходятъ лучи умнаго свѣта. Отсюда для насъ проистекаетъ источникъ мудрости и безсмертія, изливающій прозрачныя и чистыя воды благочестія. Отсюда намъ возсіяваютъ сокровища богопознанія. Ибо сія есть жизнь вѣчная да знаемъ истиннаго Бога и Іисуса Христа, Котораго Онъ послалъ [1]). И снова: изслѣдуйте Писанія, потому что въ нихъ обрѣтете жизнь вѣчную [2]). Ибо чрезъ это для изслѣдующихъ божественныя изреченія открывается сокровище познанія Бога. Нынѣ Утѣшитель изъяснилъ намъ сокровище боговдохновеннаго Писанія. Сокровищемъ же премудрости да будетъ для насъ пророческій языкъ и апостольское ученіе, ибо невозможно внѣ закона и пророковъ, или евангелистовъ и апостоловъ имѣть совершенную надежду на спасеніе; потому что чрезъ языкъ святыхъ пророковъ и апостоловъ вѣщаетъ Господь нашъ, и голосами святыхъ благоугождается Богъ, не потому что Онъ нуждается въ рѣчахъ, но потому что Онъ радуется благорасположенію сердецъ, не потому что принимаетъ какой-либо плодъ отъ людей, но потому что Онъ успокаевается въ благоразумной душѣ праведныхъ. Ибо и Христосъ возвеличивается не тѣмъ, что мы говоримъ, но тѣмъ, что мы, облагодѣтельствованные имъ, благомысленно проповѣдуемъ Его благодѣянія, [и это мы дѣлаемъ] не такъ, чтобы достигнуть соразмѣрнаго съ достоинствомъ [полученнаго], но дабы тѣмъ по нашимъ силамъ воздать нашъ долгъ.

Когда же читается Евангеліе или Апостолъ, не книгѣ или читающему внимай, но съ небесъ возглашающему Богу. Ибо книга—видимое; Христосъ же—богословствуемое. Итакъ, намъ благовѣствуется много воспѣваемое домостроительство Спасителя, потому что Онъ, будучи Богомъ, человѣколюбія ради содѣлался человѣкомъ, не оставляя предвѣчнаго достоинства, но облекшись въ спасительное домостроительство: благовѣствуется намъ много воспѣваемое домостроительство Спасителя, потому что къ труждающимся пришелъ врачъ, не лѣкарствами

---

[1]) Іоан. XVII, 3. [2]) Іоан. V, 39.

излѣчивающій, но врачующій мановеніемъ человѣколюбія. Благовѣствуется намъ много воспѣваемое домостроительство Спасителя, потому что и заблудившимся вновь показанъ путь спасенія и отчаявшимся—спасительная благодать, разнообразно всѣмъ благодѣтельствующая: заблуждшихъ взыскующая, омраченныхъ просвѣщающая, омертвѣвшихъ оживотворяющая, рабовъ освобождающая, плѣнныхъ искупающая, и для всѣхъ насъ она содѣлалась всѣмъ, путемъ спасенія, не по причинѣ нашего благомыслія, но по причинѣ самому благодѣтелю подобающей благости. Ибо Спаситель содѣлалъ все не для того, чтобы для самого Себя заниматься добродѣтелью, но чтобы намъ уготовать жизнь вѣчную. Ибо во образъ Божій создавшій человѣка повелѣлъ ему жить въ раю сладости. Но онъ, обольщенный завистью діавола и сдѣлавшись преступникомъ божественной заповѣди, оказался повиннымъ смерти. Отсюда и рождаемые отъ него преемственно подлежатъ наслѣдственному грѣху и по закону осужденія наказаны. Ибо смерть царствовала отъ Авраама до Моисея [1]). Но человѣколюбивый Богъ, видя собственное созданіе находившимся подъ державой смерти, не до конца отвратился отъ того, кого сотворилъ по образу, но посѣщая его въ каждомъ родѣ, не оставилъ его. И прежде являющійся въ отцахъ, проповѣдываемый въ законѣ, прообразованный въ пророкахъ, предвозвѣщалъ спасительное домостроительство. Когда же пришло время исполненія Его славнаго пришествія, Онъ предпослалъ архангела Гавріила къ Дѣвѣ Маріи благовѣстить. Сей же, отъ неизреченныхъ вышнихъ силъ пришедши къ Святой Дѣвѣ, прежде всего возгласилъ: радуйся, благодатная. Когда же былъ къ ней этотъ гласъ: радуйся, благодатная, чрезъ слышаніе вошелъ Духъ Святый въ нескверный храмъ Дѣвы, и освятилось ея помышленіе вмѣстѣ съ членами [тѣла], и остановилось естество напротивъ и (супружеское) сожительство вдали, съ удивленіемъ взирая на Господа естества, вопреки естеству, лучше же—превыше естества, совершающаго дивное дѣло въ тѣлѣ. И какимъ оружіемъ діаволъ боролся, противоположнымъ ему Христосъ спасъ насъ, воспріявъ подобострастное намъ тѣло, чтобы нуждающемуся даровать бо́льшую благодать. И дѣже умножися грѣхъ, преизбыточествова благодать [2]). Прилично же

---

[1]) Рим. V, 14. [2]) Рим. V, 20.

годать послана была къ Святой Дѣвѣ; такъ именно и содержится въ ангельскомъ повѣствованіи: въ шестый мѣсяцъ же посланъ былъ Гавріилъ къ дѣвѣ, обрученной мужу, именемъ Іосифу, изъ дома и отечества Давидова, и имя дѣвѣ Марія и проч.[1]). Первый же мѣсяцъ этотъ—по отношенію къ Святой Дѣвѣ, какъ говоритъ въ книгѣ закона: мѣсяцъ этотъ вамъ начало мѣсяцевъ, первый будетъ вамъ среди мѣсяцевъ года[2]). Пасху святую празднуйте Господу во всѣ роды ваши. Шестой же мѣсяцъ — по отношенію къ Захаріи. И несомнѣнно, Святая Дѣва была изъ рода Давидова и въ Виѳлеемѣ обладала отечесскимъ наслѣдіемъ и правильно была обручена Іосифу по законамъ родства. И обручникъ былъ стражемъ ей и сожителемъ ея нерастлѣнной непорочности. И у Святой Дѣвы было чрезвычайно приличное имя; именно, она наречена была Маріей, что знаменуетъ просвѣщеніе. Ибо что блистательнѣе свѣта дѣвства? Почему и добродѣтели называютъ дѣвами тѣ, которые хорошо судятъ объ ихъ сущности. Если же такое благо имѣть дѣвственное сердце, то какова будетъ плоть, вмѣстѣ съ душею упражнявшаяся въ дѣвствѣ. Такъ и Святая Марія, будучи во плоти, стяжала непорочное жительство и сказанное архангеломъ воспринимала вѣрою.

Тогда со тщаніемъ она отправилась къ Елисаветѣ, своей родственницѣ, и вошла въ домъ Захаріинъ и привѣтствовала Елисавету, подражая ангелу, и когда Елисавета услышала привѣтствіе Маріи, взыгралъ младенецъ радостно во чревѣ ея; и Елисавета исполнилась Святаго Духа[3]).

Итакъ, гласъ Маріи былъ дѣйственнымъ, и Елисавета исполнилась Святаго Духа, Который какъ бы изъ неизсякаемаго источника посредствомъ устъ излилъ рѣку дарованій чрезъ пророчество родственницѣ ея, и ногамъ младенца, связаннымъ утробой, подалъ взыграніе и радованіе. Это именно было знакомъ чудеснаго плясанія, ибо гдѣ является благодатная, тамъ все исполняется радости. И воскликнула громкимъ голосомъ Елисавета, и сказала: благословенна ты между женами, и благословенъ плодъ чрева твоего! И откуда это мнѣ, что пришла матерь

[1]) Лк. I, 26, 27. [2]) Исх. XII, 2 [3]) Лк. I, 41.

Господа моего ко мнѣ [1]). Благословенна ты въ женахъ,— ибо ты содѣлалась для нихъ началомъ возсозданія. Ты дала намъ дерзновеніе на входъ въ рай и отогнала древнюю скорбь. Ибо послѣ тебя родъ женъ больше не подвергается поношенію. Наслѣдники Евы больше не страшатся древняго проклятія и болѣзней рожденія; поелику Христосъ, Искупитель рода нашего, Спаситель всего естества, духовный Адамъ, уврачевавъ язвы земного Адама, происходитъ изъ святаго Твоего чрева. Благословенна ты въ женахъ, и благословенъ плодъ чрева твоего. Ибо плодъ Твой явился насадителемъ всѣхъ благъ. Славное мы видимъ и [слышимъ]—рѣчи неплодной (т. е. Елисаветы); но еще болѣе славное слово провѣщала святая Дѣва и возноситъ Богу пѣснь, исполненную благодаренія Богу, благоуханія и богословія; съ древнимъ она возвѣщаетъ новое; съ тѣмъ, что было отъ вѣковъ, проповѣдуетъ то, что будетъ до скончанія вѣковъ, и въ краткомъ словѣ возглавляетъ тайны Христовы. И сказала Марія: величитъ душа моя Господа, и возрадовался духъ Мой о Богѣ, Спасителѣ моемъ и далѣе. Воспринялъ Израиля отрока Своего, воспомянувъ милость свою и завѣтъ, который положилъ Аврааму и сѣмени его до вѣка [2]). Видишь, какъ святая Дѣва и превзошла совершенство патріарховъ и утверждаетъ завѣтъ къ Аврааму Бога, говорящаго: это завѣтъ, который я положу между Мною и тобою [3]). Почему, пришедши, Онъ подтверждаетъ завѣтъ къ Аврааму, таинственно воспринявши знаменіе обрѣзанія и содѣлавшись исполненіемъ закона и пророковъ. Итакъ, эту пророческую пѣснь возсылала святая Богородица Богу, говоря: величитъ душа моя Господа и возрадовался духъ мой о Богѣ Спасителѣ моемъ, что сотворилъ мнѣ величіе Сильный, и свято имя Его; ибо содѣлавши Меня Богородицей, Онъ въ то же время сохранилъ меня и дѣвой, и чрезъ мою утробу во освященіе всѣхъ родовъ возглавляется исполненіе. Ибо Онъ благословилъ всякій возрастъ, мужей и женъ, юношей и дѣтей и старцевъ. Сотвори державу мышцею своею за насъ противъ смерти и діавола и разодралъ рукописаніе нашихъ грѣховъ. Расточи

[1]) Лк. I, 42—43. [2]) Лк. I, 46—47, 54—55.
[3]) Быт. XIX, 11, Рим. IV, 11.

гордыя мыслію сердца ихъ. Расточилъ самого именно діавола и всѣхъ воинствующихъ для него демоновъ. Ибо онъ поистинѣ былъ гордъ сердцемъ, поелику дерзнулъ сказать: выше облаковъ небесныхъ поставлю престолъ мой и буду подобенъ Вышнему [1]). А какъ теперь расточилъ его, пророкъ показалъ въ слѣдующихъ затѣмъ словахъ, говоря: нынѣ же снидешь во адъ ты и все твое воинство [2]); ибо всюду расточилъ его жертвенники для служенія суетнымъ богамъ, и изъ язычниковъ уготовалъ себѣ особенный народъ. Низложи сильныя со престолъ и вознесе смиренныя. Этимъ кратко указываетъ и на изверженіе іудеевъ и на введеніе язычниковъ. Ибо іудейскіе старѣйшины и книжники, свѣдущіе въ законѣ, и тѣ, которые были богаты прочими преимуществами, противозаконно злоупотребили своимъ богатствомъ и властью, почему Онъ низложилъ ихъ со всякаго престола, именно пророчества и священства, законодательства, учительства, наслѣдственнаго богатства, жертвоприношеній и множества празднествъ и достоинства царства. Всего этого лишенные, изгнанные и обнаженные, они были отправлены въ плѣнъ. Смиренные же вмѣсто нихъ люди изъ язычниковъ, жаждущіе правды, вознеслись, поелику они, показавши свое смиреніе и одержащій ихъ голодъ боговѣдѣнія, подобно хананеянкѣ молили о словѣ Божіемъ, какъ крупицахъ, и посему они исполнились богатства божественныхъ тайнъ; ибо все наслѣдіе божественныхъ благъ родившійся отъ Дѣвы Христосъ Богъ нашъ передалъ во языки. Воспріятъ Израиля отрока своего, и не всякаго Израиля, но отрока, который дѣломъ доказываетъ свое благородное происхожденіе отъ Израиля, и посему Богородица нарекла его отрокомъ и наслѣдникомъ. Ибо обрѣтши его труждающимся въ писаніи и усердно занимающимся закономъ, она призвала его благодатію. Назвавши таковаго Израилемъ, она восприняла помянуть милости, какъ говорилъ отцамъ нашимъ, Аврааму и сѣмени его до вѣка. Въ этихъ немногихъ реченіяхъ она вмѣщаетъ все таинство домостроительства. Ибо Христосъ, желая спасти родъ человѣческій и исполнить завѣтъ ко отцамъ, приклонилъ нѣкогда небеса и нисшелъ, и такимъ образомъ, насколько мы можемъ вмѣстить, Онъ открывается намъ, чтобы мы были въ

---

[1]) Иса. XIV, 14. [2]) Иса. XIV, 15.

силахъ видѣть Его и осязать и слышать, когда Онъ говоритъ. Ради сего Богъ Слово удостоилъ воспринять плоть и совершенное человѣческое естество отъ жены, Святой Дѣвы, и родился человѣкомъ, чтобы уплатить нашъ долгъ и исполнить даже до Себя самого установленія завѣта съ Авраамомъ, обрѣзанія и прочихъ законныхъ предписаній.

Послѣ же этого Святая Дѣва отправилась въ Назаретъ, а оттуда опять распоряженіе кесаря заставило ее идти въ Виѳлеемъ; она, какъ происходящая изъ царственной семьи, была послана въ царственное наслѣдіе Давида съ Іосифомъ обручникомъ, и тамъ послѣдовало таинство превыше всякаго чуда. Дѣва раждаетъ и носитъ на рукахъ носящаго словомъ всю тварь. И даже не нашлось имъ мѣста въ гостинницѣ: не имѣлъ мѣста словомъ основавшій всю землю. Млекомъ питаетъ питающаго всякое дыханіе и оживотворяющаго; пеленами повиваетъ Того, Кто словомъ связуетъ всю тварь. Въ ясляхъ положила Того, Кто носимъ на престолѣ херувимскомъ. Свѣтъ съ неба осіявалъ просвѣщающаго всю тварь. Небесныя воинства, прославляя, предстояли прежде вѣковъ прославляемому на небесахъ. Свѣтоносная звѣзда показывала путь идущимъ издалека къ истинному востоку. Отъ востока приходятъ, неся дары обнищавшему ради насъ. Святая Богородица соблюдала глаголы эти, слагая въ сердцѣ своемъ, какъ всѣхъ таинъ вмѣстилище.

О, всесвятая Дѣво, твоя похвала превыше всякаго благохваленія, ради Бога, понесшаго отъ тебя плоть и родившагося человѣкомъ. Тебѣ всякое естество небесныхъ и земныхъ и преисподнихъ приноситъ подобающую честь. Ты воистину явилась престоломъ херувимскимъ; ты на высотахъ мысленныхъ царствъ блистаешь сіяніемъ свѣта, гдѣ прославляется Отецъ безначальный, силу Котораго ты имѣла пріосѣняющею тебя; покланяемъ Сынъ, Котораго ты по плоти родила; славословится Духъ Святый, Который во утробѣ твоей совершилъ рожденіе великаго Царя. Чрезъ тебя, благодатная, Святая и единосущная Троица познается въ мірѣ. Съ тобою и насъ удостой быть причастниками совершенной твоей благодати, во Христѣ Іисусѣ Господѣ нашемъ, съ Которымъ Отцу со Святымъ Духомъ слава нынѣ и присно и во вѣки вѣковъ. Аминь.

На Благовѣщеніе всесвятой Богородицы Дѣвы Маріи

бесѣда третья.

Опять благовѣстіе радости, опять возвѣщеніе свободы, опять воззваніе, опять возвращеніе, опять обѣтованіе веселія, опять избавленіе отъ рабства. Ангелъ бесѣдуетъ съ Дѣвою, чтобы змій не бесѣдовалъ болѣе съ женою. Въ шестой мѣсяцъ, — говоритъ,—посланъ былъ ангелъ Гавріилъ отъ Бога къ Дѣвѣ, обрученной мужу [1]). Посланъ Гавріилъ возвѣстить всемірное спасеніе. Посланъ Гавріилъ, неся Адаму запись о воззваніи. Посланъ Гавріилъ къ Дѣвѣ, чтобы безчестіе жены измѣнить въ честь. Посланъ Гавріилъ, чтобы чистому Жениху уготовать достойный чертогъ. Посланъ Гавріилъ обручить созданіе съ Создателемъ. Посланъ Гавріилъ къ одушевленному чертогу Царя ангеловъ. Посланъ Гавріилъ къ Дѣвѣ, обрученной Іосифу, но соблюдаемой для Іисуса Сына Божія. Посланъ рабъ безтѣлесный къ Дѣвѣ нескверной. Посланъ свободный отъ грѣха къ невоспріимчивой къ тлѣнію. Посланъ свѣтильникъ, возвѣщающій Солнце правды. Посланъ утренній свѣтъ—предтеча дневного Свѣта. Посланъ Гавріилъ, проповѣдующій Того, Кто и въ лонѣ Отца и въ объятіяхъ Матери. Посланъ Гавріилъ, показующій Того, Кто на престолѣ и въ вертепѣ. Посланъ воинъ, возглашающій тайну Царя,—тайну—говорю,—разумѣваемую вѣрою, но не изслѣдимую любопытствомъ, тайну поклоняемую, но не взвѣшиваемую, тайну, о которой можно богословствовать, но не измѣрять.

Въ шестой мѣсяцъ посланъ былъ Гавріилъ къ Дѣвѣ. Въ какой шестой мѣсяцъ? Въ какой? Въ тотъ, съ котораго Елисавета приняла благовѣстіе, съ котораго зачала Іоанна. Откуда это видно? Это изъясняетъ самъ ангелъ, говоря къ Дѣвѣ: вотъ, — говоритъ, — Елисавета, родственница Твоя, и она зачала сына въ старости своей; и вотъ мѣсяцъ шестой ей, называемой безплодною [2]). Въ шестой мѣсяцъ, — слѣдовательно, въ шестой зачатія Іоанна. Ибо надлежало, чтобы прежде пришелъ воинъ; надлежало, чтобы предварилъ оруже-

---

[1]) Лк. I, 26, 27. [2]) Лк. I, 36.

носецъ; надлежало, чтобы предшествовалъ вѣстникъ Владычняго пришествія.

Въ шестой мѣсяцъ посланъ былъ ангелъ Гавріилъ къ Дѣвѣ, обрученной мужу,—обрученной, но не сопряженной,—обрученной, но соблюдаемой. Для чего—обрученной? Чтобы разбойникъ не узналъ скоро тайны. Ибо, что чрезъ Дѣву придетъ Царь, это зналъ лукавый, такъ какъ и самъ онъ слышалъ слова Исаіи: се Дѣва во чревѣ пріиметъ [1]), и естественно постоянно наблюдалъ за этимъ изреченіемъ о Дѣвѣ, чтобы устроить безславіе, когда станетъ исполняться это таинство. Поэтому Господь, чтобы скрыть [тайну] отъ лукаваго, пришелъ чрезъ обрученную, ибо обрученная уже связана обѣтомъ [замужества].

Въ шестый мѣсяцъ посланъ былъ Гавріилъ къ Дѣвѣ, обрученной мужу, которому имя Іосифъ. Послушай, что говоритъ пророкъ объ этомъ мужѣ и Дѣвѣ: Дана будетъ эта запечатанная книга мужу, вѣдущему писанія [2]). Что это за книга запечатлѣнная, если, конечно, не непорочная Дѣва? Кѣмъ будетъ дана? Ясно, что священниками. Кому именно? Плотнику Іосифу. Итакъ, когда священники, сочетавъ Марію Іосифу, какъ цѣломудренному, ввѣрили ему, выжидая времени брака, онъ, принявши, долженъ былъ соблюдать Дѣву въ неистлѣніи. Это задолго предвозвѣстилъ пророкъ: дана будетъ эта книга запечатанная мужу, вѣдущему писанія, и онъ скажетъ: не могу прочитать. Почему же не можешь, Іосифъ? Не могу, — говоритъ, — прочитать, ибо книга запечатана. Для кого она соблюдается? Она сохраняется для Зиждителя всяческихъ въ жилище. Но возвратимся къ своему предмету.

Въ шестой мѣсяцъ посланъ былъ Гавріилъ къ Дѣвѣ. Онъ безъ сомнѣнія получилъ такія повелѣнія: иди, архангелъ, будь слугою страшнаго таинства, сокровеннаго, послужи чуду. Моимъ состраданіемъ Я побуждаюсь снизойти для взысканія заблудшаго Авраама. Грѣхъ сдѣлалъ ветхимъ созданнаго по Моему образу и повредилъ твореніе рукъ Моихъ, помрачилъ красоту, которую Я создалъ. Волкъ опустошаетъ Мое стадо. Райское жилище опустѣло. Древо жизни охраняется огненнымъ мечемъ, заперто мѣсто насла-

---

[1]) Иса. VII, 14. [2]) Иса. XXIX, 11.

жденія. Я смилостивился надъ завоеваннымъ и хочу схватить врага. Но Я хочу скрыть отъ всѣхъ небесныхъ силъ,—тебѣ одному только повѣряю тайну. Шествуй же къ Дѣвѣ Маріи. Отыди къ одушевленному граду, о которомъ пророкъ говорилъ: славное возвѣщается о тебѣ, градъ Божій [1]. Отыди къ моему разумному раю. Отыди къ вратамъ востока. Отыди къ жилищу, достойному Моего Слова. Отыди ко второму на землѣ небу. Отыди къ легкому облаку, возвѣсти ему дождь Моего пришествія. Отыди къ уготованному для Меня святилищу. Отыди къ храму Моего вочеловѣченія. Отыди къ чистому чертогу Моего плотского рожденія. Скажи въ уши разумнаго кивота, да уготоваетъ Мнѣ входы слуха. Но не смути и не разстрой души Дѣвы. Прилично предстань предъ святилищемъ; прежде всего возопій ей гласъ радости. Ты скажи Маріи: радуйся, благодатная, [2] чтобы Я умилостивился надъ бѣдствующей Евой.

Ангелъ выслушалъ это и, вѣроятно, размышлялъ самъ съ собою: необыкновенное это дѣло; превосходитъ разумѣніе то, что сказано мнѣ. Страшный для херувимовъ, на Котораго не могутъ взирать серафимы, непостижимый для всѣхъ ангельскихъ силъ, обѣщаетъ отроковицѣ особенное событіе, возвѣщаетъ Свое личное пришествіе, лучше же сказать — обѣщаетъ вхожденіе посредствомъ слуха. И осудившій Еву не поспѣшаетъ ли столь много прославить ея дочь? Ибо Онъ говоритъ: уготовай мнѣ входы слуха. Но можетъ ли чрево вмѣстить невмѣстимаго? Страшно поистинѣ это таинство!

Когда ангелъ размышлялъ объ этомъ. Владыка говоритъ ему: что смущаешься и изумляешься, Гавріилъ? Не былъ ли ты недавно посланъ Мною къ священнику Захаріи? Не далъ ли ты ему благовѣстія о рожденіи Іоанна? Не наложилъ ли ты на невѣровавшаго священника наказанія молчаніемъ? Не осудилъ ли ты старца на безмолвіе? Не ты ли предвозвѣстилъ, а Я подтвердилъ? Не послѣдовало ли дѣло за твоимъ благовѣствованіемъ? Не зачала ли неплодная? Не повиновалась ли утроба? Не удалилась ли болѣзнь безплодія? Не отбѣжало ли бездѣйствіе природы? Не сдѣлалась ли нынѣ плодоносящею та, которая прежде была неплодною? Развѣ изнеможетъ у Меня—Создателя всякъ глаголъ [3]. Итакъ, почему ты охваченъ сомнѣніемъ? Что же опять ангелъ? Вла-

---

[1] Пс. LXXXVI, 3. [2] Лк. I, 28. [3] Лк. I, 37.

дыко, исцѣлить недостатки естества, прекратить бурю страданій, омертвѣвшіе члены воззвать къ жизненной способности, повелѣть естеству проявить силу дѣторожденія, уничтожить неплодство въ вышедшихъ уже за установленные предѣлы членахъ, состарѣвшійся стебель превратить въ зеленѣющій видъ, безплодную ниву внезапно показать матерью колосьевъ,—это дѣло Твоего могущества, совершаемое обычнымъ образомъ. Свидѣтели сему—Сарра и послѣ нея Ревекка, и еще Анна, рабствовавшія тяжкому страданію неплодства, а потомъ принявшія отъ Тебя освобожденіе. Но чтобы родила дѣва, не вступавшая въ брачныя отношенія съ мужемъ, это—выше всѣхъ законовъ естества, а Ты возвѣщаешь Твое пришествіе дѣвѣ. Предѣлы неба и земли не вмѣщаютъ Тебя, и какъ вмѣститъ Тебя дѣвическая утроба? И Владыка говоритъ: какимъ образомъ вмѣстила Меня палатка Авраама? Ангелъ говоритъ: поелику онъ имѣлъ бездну гостепріимства, Владыко,—тамъ Ты явился Аврааму въ лежащей при пути палаткѣ, и Ты прошелъ ее, какъ все наполняющій. Но какимъ образомъ Марія стерпитъ огонь Божества? Престолъ Твой пылаетъ, озаряемый сіяніемъ,—и можетъ ли носить Тебя дѣва, легко опалимая? И Владыка говоритъ: подлинно, если бы огонь въ пустынѣ повредилъ купинѣ, то несомнѣнно повредило бы и Маріи Мое присутствіе; если же тотъ огонь, таинственно изображавшій явленіе съ неба божественнаго огня, оросилъ купину, а не сжегъ, то что ты можешь сказать о самой истинѣ, сходящей не въ пламени огненномъ, но въ видѣ дождя?

Тогда, наконецъ, ангелъ исполнилъ повелѣнное и, войдя къ Дѣвѣ, воскликнулъ къ ней, говоря: радуйся, благодатная, Господь съ Тобою. Діаволъ уже не противъ Тебя, ибо гдѣ прежде врагъ нанесъ рану, тамъ впервые теперь врачъ наложилъ спасительное врачество. Откуда вышла смерть, тамъ жизнь устроила свой входъ. Чрезъ жену разливается зло, чрезъ жену источается и благо. Радуйся, благодатная. Не стыдись, какъ виновница осужденія, ибо Ты дѣлаешься матерью осудившаго и искупившаго. Радуйся, непорочная родительница жениха, когда міръ пребывалъ во вдовствѣ! Радуйся, въ утробѣ своей потопившая смерть матери! Радуйся, одушевленный храмъ Божій! Радуйся, равночестное неба и земли жилище! Радуйся, пространное вмѣстилище невмѣстимаго естества.

При такихъ обстоятельствахъ явился чрезъ нее немощ-

нымъ Врачъ, сидящимъ во тьмѣ—Солнце правды, для всѣхъ обуреваемыхъ—якорь и безопасная отъ бурь пристань, для непримиримо ненавидимыхъ враговъ родился Владыка и союзъ мира, плѣнныхъ рабовъ посѣтилъ Избавитель, для подвергающихся нападенію явился миръ. Ибо Онъ есть миръ нашъ [1]), которымъ да насладимся всѣ мы, по благодати и человѣколюбію Господа нашего Іисуса Христа, Которому слава, честь и держава, нынѣ и присно и во вѣки вѣковъ. Аминь.

На святое Богоявленіе.

Мужи христолюбивые, страннолюбивые и братолюбивые, окажите и сегодня гостепріимство моему слову и, отверзши слухъ вашъ, какъ врата, вмѣстите въ нихъ мою рѣчь, и пріимите отъ меня спасительную проповѣдь о погруженіи Христа, которое было въ рѣкѣ Іорданѣ, чтобы вамъ болѣе возжелать столько къ намъ снисходящаго Владыку. Ибо, если и прошло торжество явленія Спасителя, однако благодать Его навсегда пребываетъ. Итакъ, насладимся его ненасытными душами, ибо прекрасна ненасытность въ спасительныхъ вещахъ, прекрасна. Пріидите же всѣ изъ Галилеи на Іорданъ и устремимся вмѣстѣ со Христомъ. Блаженъ спутешествующій пути жизни. Пріидите, мысленными стопами достигнемъ Іордана и увидимъ Крестителя Іоанна, крестящаго Того, Кто не требуетъ крещенія, да даруетъ намъ благодать крещенія. Пріидите, узримъ образъ нашего возрожденія, сѣннописанный въ тѣхъ водахъ. Тогда приходитъ Іисусъ отъ Галилеи на Іорданъ креститися отъ него [2]). О, сколь великое смиренномудріе Владыки! Какое снисхожденіе! Царь небесъ притекъ къ Предтечѣ своему, не двигая небесныхъ воинствъ и не предпосылая предтечами безплотныхъ силъ; но просто приходя въ образѣ воина, приходитъ къ своему воину; приходитъ къ нему, какъ одинъ изъ многихъ. Искупитель сочисляетъ себя съ плѣнниками, и судія поставляетъ себя вмѣстѣ съ виновными; присовокупляетъ себя къ погибшимъ овцамъ пастырь добрый, который ради заблудшей овцы снисшелъ съ небесъ и небесъ не оставилъ, и съ плевелами смѣшано небесное сѣмя, безсѣменно произрасшее. Посему Іоаннъ Креститель, увидѣвши Его и узнавши [въ Немъ] Того, Котораго

[1]) Ефес. II, 14. [2]) Мѳ. III, 3.

отъ чрева матери позналъ и поклонился, и ясно уразумѣвъ, что это—Тотъ, ради Котораго онъ въ утробѣ матери превыше возраста взыгралъ, нарушая предѣлы естества, онъ скрылъ свою десницу подъ одеждою. и подклонивъ голову, какъ любящій владыку рабъ, такими словами провѣщалъ къ Нему: мнѣ надобно креститься отъ Тебя, и Ты ли приходишь ко мнѣ [1])? Что Ты дѣлаешь, Владыко? Зачѣмъ измѣняешь порядокъ вещей? Зачѣмъ съ рабами требуешь отъ твоего раба того, что свойственно рабамъ? Зачѣмъ хочешь получить то, въ чемъ не нуждаешься? Зачѣмъ отягчаешь Твоего раба столь многимъ снисхожденіемъ? Мнѣ надобно креститься отъ Тебя. Ты же не имѣешь нужды креститься отъ меня; худшее лучшимъ благословляется. а не лучшее худшимъ благословляется и освящается. Свѣтильникъ возжигается отъ солнца, а не солнце отъ свѣтильника освѣщается. Глина скудельникомъ приготовляется, но не скудельникъ глиной образовывается. Созданіе создателемъ возобновляется, а не создатель созданіемъ исправляется. Немощный врачемъ врачуется, а не врачъ отъ немощнаго принимаетъ попеченіе. Нуждающійся у богатаго заимствуется, а не богатый отъ бѣднаго вспомоществуется. Мнѣ надобно креститься отъ Тебя, и Ты ли приходишь ко мнѣ. Развѣ я не знаю, кто Ты и отъ кого возсіялъ и откуда пришелъ? Развѣ я, поелику Ты содѣлался сообразнымъ мнѣ, отрину величіе Твоего Божества? Развѣ я, поелику Ты настолько снисшелъ ко мнѣ, насколько сдѣлался близкимъ по тѣлу, и всего меня носишь въ Себѣ, чтобы спасти всего человѣка, могу не замѣтить ради видимаго въ Твоемъ тѣлѣ умопостигаемаго въ [Твоемъ] Божествѣ? Развѣ, поелику ради моего спасенія Ты облекся въ мой начатокъ, я не познаю Тебя, одѣвающагося свѣтомъ, какъ одеждою? Развѣ, поелику Ты носишь сродную мнѣ плоть и являешься людямъ, чтобы они возмогли видѣть Тебя, сокроется отъ меня сіяніе блистающаго Твоего Божества? Развѣ, поелику вижу въ Тебѣ свой образъ, отвергну божественное, невидимое и непостижимое существо Твое? Знаю Тебя, Владыко! Знаю Тебя ясно! Знаю Тебя, наученный Тобою; ибо никто не можетъ познать Тебя, если не вкуситъ Твоего просвѣщенія. Знаю Тебя, Владыко, ясно, ибо видѣлъ Тебя духовно. прежде чѣмъ увидѣлъ сей свѣтъ. Когда Ты, будучи всецѣло въ безплотныхъ нѣдрахъ

---

[1]) Мѳ. III, 14.

небеснаго Отца, былъ всецѣлъ и въ утробѣ Твоей рабы и матери, а я во утробѣ Елисаветы, какъ въ темницѣ естествомъ былъ содержимъ и связанъ неразрѣшимыми узами младенчества, то взыгрався, я торжествовалъ, предпразднуя рождество Твое. Посему, если прежде рождества Твоего я проповѣдывалъ пришествіе Твое, развѣ не познаю явленія Твоего послѣ рождества Твоего? Будучи въ утробѣ учителемъ о Твоемъ пришествіи, неужели нынѣ, при совершенномъ познаніи, буду младенчествовать? Не могу не почитать Тебя, покланяемаго всей тварью; не могу не проповѣдывать Того, на Кого небо указало звѣздою и земля чрезъ волхвовъ привѣтствовала, ангельскіе лики, радуясь по причинѣ снисхожденія Твоего къ намъ, воспѣли, и пастыри, ночевавшіе на полѣ, воспрославили архипастыря словесныхъ овецъ. Не могу молчать въ Твоемъ присутствіи, ибо я—гласъ, гласъ—говоритъ—вопіющаго въ пустынѣ: уготовайте путь Господень. Мнѣ надобно креститься отъ Тебя, и Ты ли приходишь ко мнѣ? Я, родившись, разрѣшилъ неплодство родившей меня матери и, будучи еще младенцемъ, сдѣлался врачомъ безмолвія моего отца, получивъ отъ Тебя съ дѣтства благодать чуда. Ты же, родившись отъ Дѣвы Маріи, какъ восхотѣлъ и какъ единъ вѣдаешь, не разрушилъ дѣвства ея, но и сохранилъ его и ей даровалъ наименованіе матери. Ни дѣвство не воспрепятствовало рождеству Твоему, ни рождество не нарушило дѣвства; но двѣ противоположнѣйшія вещи, рожденіе и дѣвство, стеклись въ единый союзъ, потому что это возможно для Тебя, Создателя естества. Я только человѣкъ, причастный божественной благодати, Ты же Богъ и человѣкъ, поелику по естеству человѣколюбивъ. Мнѣ надобно креститься отъ Тебя, и Ты ли приходишь ко мнѣ?—Ты, сущій въ началѣ и къ Богу и Богъ, Ты—сіяніе Отчей славы, Ты—совершенный образъ совершеннаго Отца, Ты—свѣтъ истинный, просвѣщающій всякаго человѣка, грядущаго въ міръ, Ты—сущій въ мірѣ и пришелъ туда, гдѣ былъ, Ты плотью содѣлался, но не обратился въ плоть, Ты обиталъ среди насъ и рабамъ Своимъ явился въ образѣ раба, Ты небо и землю Своимъ святымъ именемъ соединилъ какъ бы мостомъ,—Ты приходишь ко мнѣ? Ты—столь великій къ таковому? Царь къ предтечѣ? Владыка къ рабу? Но если Ты не устыдился родиться въ смиренныхъ предѣлахъ человѣчества, однако, я не могу прейти мѣры естества. Знаю, каково разстояніе между

землею и Зиждителемъ; знаю, каково различіе между глиной и создателемъ; знаю, насколько Ты, Солнце правды, выше меня, свѣтильника Твоей благодати. Если и чистое облако тѣла объемлетъ Тебя, но я познаю Твое владычество. Исповѣдую свое рабство, проповѣдую Твое великолѣпіе, познаю Твое совершенное владычество, познаю свое недостоинство. Я недостоинъ разрѣшить ремень сапога Твоего, и какъ я дерзну прикоснуться къ чистой Твоей главѣ? Какъ я простру десницу мою на Тебя, простершаго небо какъ кожу и утвердившаго землю на водахъ? Какъ возложу мои рабскіе персты на божественную Твою главу? Какъ омыю непорочнаго и безгрѣшнаго? Какъ просвѣщу свѣтъ? Какую молитву произнесу надъ Тобою, принимающимъ и молитвы не вѣдущихъ Тебя?

Крестя другихъ, я крещу ихъ въ Твое имя, чтобы вѣровали въ Тебя, грядущаго со славою. Крестя же Тебя, кого воспомяну? Въ чье имя крещу Тебя? Во имя Отца? Но Ты всего Отца имѣешь въ Себѣ и весь Ты въ Отцѣ. Во имя Сына? Но нѣтъ, кромѣ Тебя, другого по естеству Сына Божія. Во имя Святаго Духа? Но Онъ всегда соприсущъ Тебѣ, какъ единосущный съ Тобою, единохотящій, единомысленный, единомощный и единочестный и съ Тобою отъ всѣхъ принимаетъ поклоненіе. Крести, если хочешь, Владыко! Крести меня— крестителя. Возроди того, кто въ Тебѣ имѣетъ причину своего рожденія. Простри Твою страшную десницу, которую Ты Самъ уготовалъ Себѣ, и увѣнчай главу мою Твоимъ прикосновеніемъ, чтобы поспѣшая увѣнчанный впереди Твоего царства, какъ предтеча, непрестанно благовѣствовалъ грѣшникамъ, вопія къ нимъ: Се агнецъ Божій, вземляй грѣхи міра [1]). Іорданъ рѣка, воспой и взыграй со мною, стройно подвигни потоки, какъ игралища, ибо у тебя стоитъ твой Зиждитель съ тѣломъ. Видѣлъ ты нѣкогда Израиля, переходящаго чрезъ тебя, и, раздѣливши воды, остановился, ожидая прохожденія народа. Нынѣ же сильнѣе раздѣляйся и теки медленнѣе и объемли непорочные члены тогда проведшаго іудеевъ.

Горы и холмы, равнины и стремнины, моря и рѣки, благословите Господа, входящаго въ Іорданъ рѣку; ибо Онъ чрезъ эти воды посылаетъ освященіе всѣмъ водамъ. Іисусъ

---

[1]) Іоан. I, 29.

сказалъ ему въ отвѣтъ: оставь теперь, ибо такъ надлежитъ намъ исполнить всякую правду [1]). Остави нынѣ: воздай, креститель, молчаніе времени Моего домостроительства; научись хотѣть того, чего Я [хочу], научись совершать для Меня служеніе, къ которому Я побуждаю. Не любопытствуй о томъ, чего Я хочу. Остави нынѣ: не проповѣдуй еще Моего Божества, не прославляй твоими устами Моего царства, чтобы мучитель, узнавши, не убѣжалъ отъ своего замысла противъ Меня. Предоставь діаволу подходить ко мнѣ, какъ ко всякому другому, и сталкиваться и получать благовременное пораженіе. Предоставь Мнѣ исполнить цѣль, ради которой Я пришелъ на землю. То, что совершается нынѣ въ Іорданѣ, есть таинство. Мои тайны—для Меня и для Моихъ. Таинство есть—не Мою нужду исполнять, но помышлять объ уврачеваніи уязвленныхъ. Таинство есть—въ этихъ водахъ преднаписать небесные источники пакибытія человѣческаго. Остави нынѣ. Когда увидишь Меня, богоприлично производящаго въ Моихъ твореніяхъ то, что Мнѣ угодно, тогда къ совершившемуся приспособь [соотвѣтствующія] пѣсни; когда увидишь Меня очищающимъ прокаженныхъ, тогда наименуй меня Зиждителемъ естества; когда увидишь Меня хромыхъ содѣлывающимъ бѣгающими, тогда съ благоподвижными ногами и ты приведи въ порядокъ языкъ свой для Моего благохваленія; когда увидишь Меня словомъ изгоняющимъ демоновъ, тогда поклонись Моему царству; когда увидишь Меня словомъ мертвыхъ изъ гробовъ пробуждающимъ, тогда и Меня съ возставшими прославь, какъ Подателя жизни; когда увидишь Меня одесную Отца сидящимъ, тогда богословствуй обо Мнѣ, какъ сопрестольномъ и совѣчномъ и единочестномъ Отцу и Святому Духу. Оставь теперь. ибо такъ надлежитъ намъ исполнить всякую правду. Я — законоположникъ и Сынъ законоположника, и Мнѣ надлежитъ прежде пройти чрезъ все установленное, и затѣмъ повсюду предложить доказательства Моего дара. Мнѣ надлежитъ исполнить законъ и затѣмъ подать благодать. Мнѣ надлежитъ представить тѣнь и потомъ истину. Мнѣ надлежитъ уничтожить ветхій завѣтъ и тогда проповѣдать новый и начертывать на сердцахъ человѣческихъ и подписывать Моею кровію и запечатлѣвать Моимъ

[1]) Мѳ. III, 15.

Духомъ. Мнѣ надлежитъ взойти на крестъ и быть пронзенному гвоздями и претерпѣть то, что только возможно претерпѣть, и страданіемъ исцѣлить страсти, и древомъ уврачевать происшедшее для людей чрезъ древо уязвленіе. Мнѣ надлежитъ сойти и до самаго основанія ада ради содержимыхъ тамъ мертвыхъ. Надлежитъ Мнѣ тридневною смертью Моей плоти низложить державу долговременной смерти. Надлежитъ Мнѣ возжечь свѣтильникъ Моего тѣла для сидящихъ во тьмѣ и сѣни смерти. Надлежитъ Мнѣ взойти плотію туда, гдѣ есмь Божетвомъ. Надлежитъ Мнѣ привести ко Отцу Адама во Мнѣ царствующимъ. Надлежитъ Мнѣ это совершить. ибо ради этого Я и поставленъ надъ Моими тварями. Мнѣ надлежитъ креститься этимъ крещеніемъ нынѣ, и потомъ даровать всѣмъ людямъ крещеніе единосущной Троицы. Одолжи Мнѣ, Креститель, твою десницу для настоящаго домостроительства, какъ Марія одолжила Мнѣ для рожденія утробу Свою. Погрузи Меня въ струи Іордана, какъ родившая повила Меня младенческими пеленами. Дай Мнѣ крещеніе, какъ Дѣва млеко; прикоснись къ Моей главѣ, которую чтутъ серафимы; прикоснись къ [главѣ] сродной твоей десницѣ; прикоснись къ [главѣ], могущей по своему естеству быть удержанной; прикоснись къ уготованной Мною и Отцемъ для этого; прикоснись къ Моей главѣ, благочестно прикасающійся къ которой никогда не обуревается. Крести Меня, имѣющаго крестить вѣрующихъ водою и Духомъ и огнемъ,—водою, могущею омывать нечистоты грѣховъ, Духомъ, могущимъ содѣлать перстныхъ духовными, огнемъ, который по естеству сжигаетъ тернія беззаконій. Креститель, услышавши эти слова и остановивъ свою мысль на цѣли спасенія и вмѣщая въ себѣ таинство, которое принялъ, повиновался Божію велѣнію, ибо онъ былъ благочестивъ и благопослушливъ, и простерши трепещущую слегка и радующуюся свою десницу, крестилъ Владыку.

Когда же іудеи, присутствующіе вблизи и вдали, размышляли и самимъ себѣ и другимъ говорили: развѣ мы напрасно думали, что Іоаннъ лучше Іисуса? развѣ мы напрасно считали его превосходнѣе того? Само крещеніе не даетъ ли о крестителѣ лучшаго свидѣтельства? Не крестилъ ли онъ, какъ превосходящій, и не крестился ли тотъ, какъ низшій. Когда они объ этомъ шумно говорили между собою и не разумѣли тайны домостроительства, единый Господь и по естеству Отецъ Еди-

нороднаго, единый знающій точно Того, Кого Онъ единъ родилъ безстрастно, исправляя заблуждающееся подозрѣніе іудеевъ, отверзъ небесныя врата и послалъ Духа Святаго въ видѣ голубя на главу Іисуса, показуя перстнымъ новаго Ноя и Зиждителя Ноя и благого кормчаго для обуреваемаго естества, и Самъ съ неба вопіетъ, явственно говоря: Сей есть Сынъ Мой возлюбленный. Сей—Іисусъ, а не Іоаннъ, крестившійся, а не креститель, — рожденный прежде всякаго временнаго пространства отъ Меня, а не отъ Захаріи, отъ Маріи рожденный по плоти, а не отъ Елисаветы явившійся сверхъ надежды; ненарушеннаго дѣвства невоздѣланный плодъ, а не отрасль нарушеннаго неплодія; съ вами обращавшійся, а не въ пустынѣ воспитанный. Сей есть Сынъ Мой возлюбленный, о немъ же благоволихъ, Сынъ единосущный, а не иносущный; единосущный Мнѣ по невидимому и единосущный вамъ по видимому, кромѣ грѣха. Сей есть создавшій со Мною человѣка. Сей есть Сынъ Мой возлюбленный, о немъ же благоволихъ. Не иной есть сей Мой Сынъ и иной Сынъ Маріи; но сей есть Сынъ Мой возлюбленный, видимый и умопостигаемый. Сей есть Сынъ Мой возлюбленный, о немъ же благоволихъ, того послушайте[1]). Если Онъ скажетъ: Азъ и Отецъ едино есма,[2]) — того послушайте. Если Онъ скажетъ: видѣвшій Меня видѣлъ и Отца[3]), — Того послушайте. Если Онъ скажетъ: пославшій Меня больше Меня[4]),—согласуйте этотъ гласъ съ домостроительствомъ. Если онъ скажетъ: кого Мя глаголютъ быти человѣцы Сына человѣческаго,—отвѣчайте Ему: Ты еси Христосъ Сынъ Бога живаго[5]). Этими словами, подобно грому сходящими съ неба отъ Отца, просвѣтился родъ человѣческій. [Люди] познали различіе Творца и твари, Царя и воина, Художника и художества, и, утвердившись вѣрою, пришли чрезъ крещеніе Іоанново къ крещающему Духомъ и огнемъ Христу, истинному Богу нашему. Съ Нимъ Отцу слава со всесвятымъ животворящимъ Духомъ нынѣ и присно и во вѣки вѣковъ. Аминь.

---

[1]) Мѳ. III, 17; Мрк. I, 11. [2]) Іоан. X, 30.
[3]) Іоан. XIV, 9. [4]) Іоан. XIV, 28. [5]) Мѳ. XVI, 13.

Бесѣда на всѣхъ святыхъ.

Я хотѣлъ молчать и не выставлять публично деревенской грубости моего языка; ибо великое дѣло молчаніе, когда слово скудно, и чудно безмолвіе при необразованности: лучшій философъ посредствомъ молчанія скрываетъ невѣжество. И я рѣшился было сдѣлать это, зная слабость собственнаго языка. Но меня влечетъ къ рѣчи видъ того, что я созерцаю. Посему, такъ какъ празднество блистательное и зрѣлище непрестанное и пылаетъ вѣрою наше собраніе, то я приступлю къ своему дерзновенному слову, особенно, когда отецъ проситъ, церковь оказываетъ содѣйствіе и святые мученики укрѣпляютъ для этого мою слабость. Ибо они и старцевъ убѣдили со многимъ по́томъ совершить длинное путешествіе и заставили укрѣпить нетвердыя ноги посохомъ слова; и женщинъ поощряли совершать путь вмѣстѣ съ юношами, и младенчествующій возрастъ, ползающій, увлекли сюда мученики, которые плясали предъ лицомъ смерти, смѣялись надъ мечами, привлекали на себя гнѣвъ тиранновъ, у смерти исторгали заступника безсмертія, во время своего паденія пріобрѣтали побѣду, посредствомъ тѣла восходили къ небу, разсѣивали свои члены, чтобы скрѣпить свои души, разрывали затворы жизни, чтобы открыть ключи неба. Кто не вѣритъ, что смерть упразднена, адъ попранъ, что разорваны узы его, что тираннъ связанъ, тотъ пусть посмотритъ на мучениковъ, подвергающихся смертной опасности и воспѣвающихъ побѣду Христа. О, чудо! Съ того времени, какъ Христосъ обезоружилъ адъ, люди стали смѣяться надъ смертью. С м е р т ь, г д ѣ т в о е ж а л о? а д ъ, г д ѣ т в о я п о б ѣ д а? [1]). Обезоруживается адъ и діаволъ,—онъ лишенъ древняго всеоружія и изгоняется изъ собственной державы. И подобно тому, какъ Голіаѳу отсѣчена была голова его собственнымъ мечемъ, такъ и діаволъ, родившій смерть, смертью обращается въ бѣгство, и въ легкомъ способѣ собственнаго коварства находитъ сильное оружіе для своей собственной погибели. Какъ удочкой онъ пронзенъ Божествомъ и, проглотивши обычную приманку, ясно уловляется тотъ, который надѣялся уловить, и захватилъ Бога вмѣсто человѣка. Вслѣдствіе этого мученики пляшутъ на головѣ дракона и

---

[1]) 1 Кор. XV, 55.

презираютъ всякій видъ пытокъ. Ибо съ того времени, какъ второй Адамъ возвелъ перваго со дна адова, какъ Іону изъ кита, и обольщеннаго, въ посрамленіе обольстившаго, явилъ жителемъ неба, врата ада заключены и врата небесныя отверсты, предоставляя безпрепятственный доступъ всѣмъ восходящимъ съ вѣрою. Въ древности Іаковъ созерцалъ лѣстницу, утвержденную до небесъ, и ангеловъ Божіихъ, восходящихъ и нисходящихъ; а нынѣ ради человѣка содѣлавшійся человѣкомъ человѣколюбецъ, поправши ногою Божества безчеловѣчнаго и понесши человѣка на рукѣ благости, уготовалъ непроходимый эѳиръ для совершенія пути по нему человѣческими ногами. Тогда ангелы восходили и нисходили; теперь же великаго совѣта Ангелъ не восходитъ и нисходитъ, ибо откуда и куда перемѣстится вездѣ сущій и все наполняющій и въ Своей рукѣ содержащій концы [міра]? Ибо Онъ одинъ разъ сошелъ и одинъ разъ восшелъ, воспользовавшись [для этого] не измѣненіемъ природы, но снисхожденіемъ человѣколюбивой благости: Слово, сосѣдящее Отцу, и Слово, водворяющееся въ утробѣ, и Слово, вездѣ обрѣтающееся и отъ [Бога] всяческихъ никогда неотдѣляющееся. Смѣялся нѣкогда діаволъ надъ человѣческой природой великимъ смѣхомъ и нашимъ несчастіямъ радовался, какъ празднествамъ. Но смѣхъ трехдневный, а плачъ вѣчный, и великій смѣхъ уготовалъ ему еще болѣе великій плачъ, непрестающую слезу, неутѣшный плачъ, стрѣлу въ сердце. Эту стрѣлу военачальникъ выковалъ противъ врага въ дѣвственной печи, какую хотѣлъ и какъ хотѣлъ, посредствомъ огня, закаливши силою непобѣдимаго Божества, погрузивши въ воду незапятнаннаго крещенія, заостривши безстрастными страданіями и сдѣлавши блестящимъ посредствомъ таинственнаго воскресенія, всѣмъ воинствомъ своимъ умертвилъ злодѣя. Какое посему слово можетъ изложить или нашу радость или его [діавола] бѣдствіе? Ибо нѣкогда архангелъ, теперь діаволъ; нѣнѣкогда обитающій на небесахъ, теперь какъ змій видится влекомымъ по землѣ; нѣкогда блистающій съ херувимами, теперь мучимый, заключенъ въ загородкѣ для свиней. Его и мы обратимъ въ бѣгство, если будемъ помышлять противное его волѣ, — благодатію и человѣколюбіемъ Господа нашего Іисуса Христа, Которому слава и держава во вѣки вѣковъ. Аминь.

Н. Сагарда.

Воспоминанія стараго профессора

(съ 1847 по 1913 г.).

IV. Въ Московской Духовной Академіи—начало службы 1863—1867 г.г.

Изъ многомятежнаго Петербурга и отъ волненій Петербургской Академіи суждено было мнѣ переселиться въ Троице-Сергіевъ Посадъ, въ тихую обитель пр. Сергія, въ находившуюся подъ его покровомъ Московскую Академію. Въ ней витали: духъ Филарета, митрополита Московскаго, громадная ученость, необыкновенная сердечность и отеческая доброта тогдашняго идеальнаго ея ректора, прот. А. В. Горскаго, традиціи знаменитаго ея профессора-философа прот. Ѳ. А Голубинскаго и патріарха академической корпораціи, составлявшаго ея душу, соединявшаго ее во единое братство, первенца І-го ея курса, прот. П. С. Делицына. Словомъ, попалъ я въ совершенно особое царство, нисколько не похожее на ту среду, въ которой провелъ четыре года своего студенчества.

Назначеніе мое въ Московскую Академію представляло весьма рѣдкій, всего второй въ ея исторіи, Филаретовскаго періода, случай, когда посылался въ нее воспитанникъ другой академіи [1]). Первый случай—назначеніе, въ 1839 г., на каѳ. словесности, 2-го магистра XIII курса (1839 г.) Петербургской Академіи, Е. В. Амфитеатрова (товарища моего наставника,

[1]) Исключая перехода изъ Петерб. академіи ея воспитанника, Н. А. Сергіевскаго (2 маг. XVIII к. 1849), баккалавра математики, москвича родомъ и родственника митр. Филарета. Н. А. Сергіевскій, согласно его прошенію, переведенъ въ 1850 г. на ту же каѳедру въ московскую академію и занималъ ее до 1854 г. † Прот. проф. Московскаго университета, основатель и редакторъ—издатель „Прав. Обозр.".

К. И. Лучицкаго), родственника митр. кіевскаго Филарета Амфитеатрова. Вызовъ въ 1863 г. изъ Петербургской Академіи двухъ воспитанниковъ въ Московскую для занятія двухъ ея каѳедръ (патристики и церковной археологіи) былъ, вѣроятно, со стороны митр. Филарета (безъ котораго не дѣлалось въ академіи ничего самаго маловажнаго) отплатою Петербургской Академіи за ея вызовъ московскаго воспитанника XXII курса (1860 г., 2-го магистра этого курса), А. М. Иванцова-Платонова, для занятія въ ней каѳедры новой церковной исторіи. А что Московская Академія просила прислать, вмѣсто одного, двухъ воспитанниковъ, это походило на отплату за любезность сугубою любезностью. Митр. Филаретъ, когда хотѣлъ, умѣлъ быть такимъ. Не было ли, однако, у него и какого-нибудь другого умысла? Въ 1861 г. онъ разбиралъ наше октябрьское (4 окт.) дѣло и отнесся къ намъ крайне снисходительно. И вдругъ изъ этого самаго курса октябристовъ (если только онъ не забылъ нашей исторіи) вызываетъ въ свою академію, да еще не одного, а двухъ воспитанниковъ и при томъ безъ всякой настоятельной нужды [1]).

Охотно ѣхалъ я въ Московскую Академію. Она выдавалась тогда изъ ряда другихъ нашихъ духовныхъ академій своею солидною ученостью. О Кіевской у насъ составилось почему-то представленіе, какъ о неособенно симпатичной, проникнутой іезуитскимъ духомъ, о молодой Казанской, какъ приближающейся по типу къ Петербургской. Московская обрисовывалась какъ строго ученое царство, Филаретовскаго закала, своего рода русскій Оксфордъ, какъ ее называли иностранцы, посѣщавшіе Россію.

Правда, о ней въ Петербургѣ слышались не совсѣмъ пріятные отзывы, какъ о царствѣ, полномъ гордаго сознанія своего превосходства предъ другими академіями и нетерпимости ко всему, что вышло не изъ нея, почему мнѣ прихо-

---

[1]) Можно было бы подождать окончанія XXIV курса Моск. акад., въ 1864 г., для замѣщенія обѣихъ каѳедръ, или по крайней мѣрѣ одной собственными ея воспитанниками. Черезъ полгода послѣ моего пріѣзда въ Посадъ, это и случилось. Изъ означеннаго курса былъ назначенъ на каѳедру патристики 1-й его магистръ, А. А. Смирновъ, родной братъ прот. П. А. Смирнова, бывшаго также баккал. въ этой академіи, по церк. археологіи († предсѣд. Учеб. Ком. при Св. Синодѣ). А потомъ въ слѣдующемъ 1865 г. на каѳедру философіи избранъ былъ 2-й маг. того же курса однофамилецъ перваго, А. П. Смирновъ.

дилось выслушивать совѣты отказаться отъ назначенія въ нее [1]. Несмотря, однако, на такіе охлаждающіе отзывы о мѣстѣ моей будущей службы, я нимало не поколебался въ своемъ рѣшеніи отправиться на мѣсто своего назначенія. Слишкомъ сильно было во мнѣ желаніе попробовать свои силы на академической каѳедрѣ. И потому, собравъ свои пожитки, въ томъ числѣ полный академическій постельный приборъ, считавшійся собственностью каждаго студента, получивъ прогоны и, кажется, еще 50 р. на первоначальное обзаведеніе, 4 декабря 1863 г., отправился въ Москву, а оттуда уже по желѣзной, недавно открытой, дорогѣ, въ Троице-Сергіевъ Посадъ. Пріѣхалъ туда утромъ, 6 декабря, въ Николинъ день, остановился въ старой монастырской гостинницѣ и немедленно отправился къ своему земляку, тогдашнему инспектору архим. Михаилу Лузину. О. Михаила никогда прежде не видалъ, а зналъ только по слухамъ, да по сохранившемуся въ нашемъ семействѣ свѣдѣнію, что онъ былъ другомъ одного изъ моихъ дядей, товарища его по семинаріи (Петра Г. Елеонскаго). Не имѣя ни одного знакомаго въ академіи, счелъ за лучшее явиться прежде всего именно къ нему, какъ къ земляку, въ надеждѣ, что онъ поможетъ мнѣ оріентироваться въ совершенно незнакомомъ мѣстѣ и въ новой обстановкѣ. Пришелъ къ нему рано утромъ, около 9—10 часовъ. О. Михаилъ, по легкому нездоровью, въ этотъ день не служилъ и былъ очень радъ пріѣхавшему земляку. Среди разговоровъ о Нижнемъ, Петербургѣ и Московской Академіи онъ чуть не съ первыхъ словъ выразилъ сожалѣніе о кончинѣ за нѣсколько дней тому назадъ (30 ноября 1863 г.) старѣйшаго изъ всѣхъ профессоровъ, прот. П. С. Делицына. Вотъ что онъ сказалъ мнѣ. «Вы пріѣхали въ тяжелую для всего нашего академическаго братства годину. Всего три дня тому назадъ мы опустили въ могилу нашего патріарха, человѣка, который соединялъ всѣхъ насъ воедино. Мы потеряли душу нашей академической корпораціи. Что будетъ теперь съ нами не знаю. Думаю, что на-

---

[1]) Вотъ, напримѣръ, что говорилъ мнѣ проф. А. И. Предтеченскій, котораго, забывъ всѣ прежнія огорченія, посѣтилъ я передъ отъѣздомъ въ Посадъ: „не совѣтую вамъ ѣхать въ эту деревенскую академію. Тамъ свой особый духъ и тамъ не любятъ чужихъ. И имѣйте еще въ виду, что если вы тамъ понравитесь, никогда оттуда васъ не выпустятъ, а если не понравитесь,—выгонятъ“. Къ счастію, онъ оказался плохимъ пророкомъ.

ступитъ раздѣленіе и прежняго единодушія не будетъ». Слова моего достопочтеннаго собесѣдника къ несчастію сбылись!

Среди такихъ разговоровъ прошло часа 2—3, окончилась литургія, и о. Михаилъ напомнилъ мнѣ, что нужно явиться къ начальнику академіи, «высокопочтенному и всѣми нами глубокоуважаемому, нашему общему наставнику и руководителю, о. ректору, прот. А. В. Горскому». Сдѣлать это тѣмъ болѣе удобно теперь же, прибавилъ онъ, что вы застанете у него всю академическую корпорацію и съ нею познакомитесь. У насъ существуетъ обычай посѣщать о. ректора во всѣ праздничные и воскресные дни послѣ литургіи. Устрояется у него по этому случаю нѣкое утѣшеніе братіи—небольшая закуска. Но среди разговоровъ мы не замѣтили, что пропустили времени болѣе надлежащаго и когда я явился къ о. ректору, оказалось, что всѣ его посѣтители уже разошлись по домамъ и оставался только одинъ, баккалавръ физики Д. Ѳ. Голубинскій, сынъ покойнаго философа Ѳ. А. Голубинскаго. Обладавшій завиднымъ аппетитомъ, онъ доканчивалъ оставшееся отъ предложеннаго на закуску. Болѣе чѣмъ скромно одѣтый и далеко непредставительной наружности этотъ единственный въ тотъ моментъ представитель академической корпораціи заставилъ меня задать себѣ вопросъ: неужели всѣ здѣшніе профессоры такіе оригиналы? О. ректоръ А. В. Горскій, видной наружности, убѣленный сѣдинами старецъ, съ очень симпатичнымъ лицомъ, глубокими, задумчивыми, куда-то вдаль смотрящими глазами, принялъ меня съ распростертыми объятіями, съ свойственною ему сердечностью и предложилъ мнѣ также закусить, при чемъ, наливая рюмку какого-то винограднаго вина, съ милою шутливостью, прибавилъ: «приступите же къ исполненію своихъ обязанностей». Такъ оригинально началъ я службу въ Московской Академіи!

Еще прежде представленія о. ректору, о. Михаилъ простеръ свою любезность ко мнѣ до того, что уговорилъ меня перейти къ нему изъ гостинницы, со всѣмъ моимъ багажемъ, и временно у него поселиться. Послѣ обѣда, несмотря на легкое нездоровье, онъ повезъ меня вечеромъ на такъ называемый «казенный дворъ» (обычное неофиціальное названіе) или въ «замонастырскій академическій домъ» (офиціальное— см. въ «Истор. акад.» С. К. Смирнова), гдѣ въ принадлежавшихъ академіи двухъ деревянныхъ домахъ занимали квар-

тиры семейные профессоры. Въ большомъ домѣ жили: семейство только что скончавшагося проф. П. С. Делицына, два его сына, уже взрослые и даже служившіе въ Виѳанской семинаріи наставниками (Петръ Петр. 18-й маг. XVI к. и Д. П. 14-й маг. XIX к. моск. акад.) и экстраорд. проф. свящ. Ф. А. Сергіевскій. Въ маломъ домѣ: экстраорд. проф. А. Ѳ. Лавровъ († архіеп. литовскій Алексій) и баккал. П. И. Горскій—холостой (но у него жила его мать). Передъ тѣмъ какъ отправиться туда о. Михаилъ сказалъ мнѣ: «хочу познакомить васъ съ первенцемъ моего академическаго курса, А. Ѳ. Лавровымъ. Онъ человѣкъ семейный. Жена его Марія Николаевна очень симпатичная дама, есть у него и дочка—Саша». Приняли меня очень привѣтливо, но глядѣли на меня, что называется, во всѣ глаза, стараясь распознать, что за-птица прилетѣла къ нимъ изъ Петербурга. Сейчасъ же, какъ только мы явились къ А. Ѳ. Лаврову, къ намъ присоединился его визави по квартирѣ, бакк. П. И. Горскій, однофамилецъ, но не родственникъ А. В. Горскаго, отличавшійся болѣе всѣхъ своихъ сослуживцевъ любопытствомъ, хотя и другіе, въ большей или меньшей степени, не были чужды этого недостатка захолустныхъ провинціальныхъ городовъ и мѣстечекъ. Онъ въ особенности испытующе посматривалъ на меня для того, чтобы на другой день разнести по Посаду вѣсть о новопріѣзжемъ изъ Петербурга баккалаврѣ и подѣлиться своими впечатлѣніями отъ новаго знакомства. Крайняя монотонность жизни академической корпораціи, совершенное отсутствіе разнообразія впечатлѣній въ кругу обыденной жизни дѣлали совершенно естественными и понятными подобныя проявленія житейской любознательности. Въ силу такихъ обстоятельствъ, мнѣ суждено было сдѣлаться, на нѣсколько дней, героемъ, или, какъ теперь выражаются, гвоздемъ декабрьскаго сезона 1863 г. въ Московской Академіи. А встрѣтили меня тамъ вначалѣ, какъ потомъ оказалось, съ большимъ предубѣжденіемъ и подозрѣніемъ. Въ послѣдствіи, когда познакомились поближе, нѣкоторые изъ наиболѣе близкихъ ко мнѣ сослуживцевъ признались, что, питая предубѣжденіе противъ петербуржцевъ, они думали, что въ моемъ лицѣ пріѣхалъ къ нимъ изъ Петербурга «хлыщъ», но теперь въ этомъ разубѣдились. О томъ же предубѣжденіи москвичей противъ петербуржцевъ говорили мнѣ потомъ: прот. Н. А. Сергіевскій, проф. моск. университета и прот. П. А. Преображенскій,

воспитанники Петерб. Академіи. П. А. Преображенскій сказалъ мнѣ разъ, уже долго спустя, при встрѣчѣ на годичномъ актѣ Петерб. Академіи: «насъ, петербуржцевъ, въ Москвѣ вѣдь не любятъ», и прибавилъ, обращаясь ко мнѣ: «хорошо, что вы поддержали честь нашей Петерб. Академіи».

Вскорѣ водворили меня въ одну изъ квартиръ профессорскаго или, какъ мы называли его, баккалаврскаго корпуса, примыкавшаго къ главному корпусу или «чертогамъ», гдѣ были вверху квартира ректора и залъ собранія, а внизу жилыя комнаты и спальни студентовъ старшаго курса (младшаго— были въ инспекторскомъ корпусѣ). Всѣ баккалаврскія квартиры были почти совершенно одинаковы по размѣрамъ и расположенію комнатъ, различаясь только большею или меньшею уютностью, зависѣвшею, впрочемъ, отъ ихъ обитателей, да еще тѣмъ, на какую сторону выходили ихъ окна: на сѣверную, обращенную къ зданіямъ академической библіотеки и больницы, или южную, выходившую въ академическій садикъ. На сѣверную выходили только двѣ квартиры: та, въ которой поселили меня,—ближайшая къ главному зданію, и на противоположномъ концѣ корридора — квартира бакк. Е. Е. Голубинскаго. Другія части этой стороны были заняты входною лѣстницею, служительскою комнатою и редакціонною. На южной сторонѣ были лучшія квартиры: противъ моей—бакк. П. М. Хупотскаго, и далѣе по корридору, квартиры — бакк. Н. К. Соколова, бакк. В. Н. Потапова и экстраорд. проф. Н. И. Субботина. Самыми лучшими были квартиры этихъ послѣднихъ—по обстановкѣ и потому, что были оклеены обоями, а не выкрашены свѣтлоголубою клеевою краскою, какъ всѣ остальныя.

Квартира моя состояла изъ трехъ комнатъ и была обставлена въ достаточномъ количествѣ казенною мебелью. Были диванъ, кресла, стулья, обитыя зеленаго цвѣта клеенкой, столы, письменный и для гостиной, шкафъ для книгъ, желѣзная кровать и даже ширмы для спальни. Всѣ эти предметы, не отличаясь изяществомъ отдѣлки, были сдѣланы прочно и способны были долго служить, переходя отъ одного лица къ другому.

Всѣмъ моимъ коллегамъ счелъ долгомъ сдѣлать, конечно, визиты и прежде всего вышеупомянутымъ моимъ сожителямъ по корридору, а потомъ и другимъ, жившимъ въ разныхъ мѣстахъ: орд. профессорамъ: Е. В. Амфитеатрову—въ своемъ

домѣ, П. С. Казанскому—въ инспекторскомъ корпусѣ (противъ квартиры инспектора архим. Михаила, который называлъ его въ шутку своимъ супостатомъ) [1]), С. К. Смирнову—въ квартирѣ близъ «казеннаго двора», В. Д. Кудрявцеву—въ домѣ Е. В. Амфитеатрова. экстраорд. проф. Ф. А. Сергіевскому—на «казенномъ дворѣ», бакк. Д. Ѳ. Голубинскому—на квартирѣ вблизи «казеннаго двора». Экстраорд. проф. А. Ѳ. Лаврову и бакк. П. И. Горскому были сдѣланы также визиты, хотя я уже былъ у нихъ въ первый день моего пріѣзда въ Посадъ.

На святкахъ о. ректоръ повезъ меня въ Москву для представленія митр. Филарету. Условились встрѣтиться у пр. Саввы (Тихомирова) [2]), бывшаго, предъ А. В. Горскимъ, ректора Московской Академіи, а въ то время московскаго викарія, жившаго въ одномъ изъ московскихъ монастырей, чтобы оттуда отправиться къ митрополиту. Былъ какой-то праздничный день, пр. Савва служилъ и послѣ литургіи я явился въ его покои. Здѣсь меня, непривыкшаго къ церемоніалу московскихъ архіерейскихъ пріемовъ, поразила торжественность пріема посѣтителей московскимъ викаріемъ. Въ Петербургѣ викарные епископы держали себя гораздо проще. Отъ пр. Саввы мы съ о. ректоромъ отправились къ митр. Филарету. Принялъ онъ меня благосклонно, задавъ обычные вопросы и выразивъ также обычныя пожеланія и надежду относительно успѣшности предстоявшей моей службы. Ничего особеннаго онъ не сказалъ, но таково было обаяніе этой необыкновенной личности, что все сказанное имъ казалось очень умнымъ. Какъ въ началѣ, такъ и въ заключеніе представленія послѣдовалъ нашъ общій съ о. ректоромъ земной поклонъ владыкѣ. Такъ обычно кланялись ему тогда въ

---

[1]) Переводъ франц. слова „визави“ и двойной намекъ какъ на это обстоятельство, такъ и на принятіе о. Михаиломъ монашества, которымъ онъ былъ обязанъ П. С. К—му. Раскавывали, что проф. Казанскій доставилъ студента М. И. Лузина (о. Михаила) въ академію начальству, въ очень нетрезвомъ видѣ, вслѣдствіе чего оканчивающему уже курсъ студенту было предложено принять монашество съ оставленіемъ при академіи баккалавромъ.

[2]) Іером. Савва Тихомировъ, владим., 10-й маг. XVII к. (1850 г.) моск. акад., изъ вдовыхъ священниковъ, 1850—1859 ризничій моск. синодальной ризницы, 1859—ректор. москов. сем., 1861—рект. моск. акад., 1862—еп. можайскій, вик. моск., 1866—еп. полоцкій, 1874—архіеп. харьковскій, † архіеп. тверской.

Москвѣ всѣ, не только духовныя, но и свѣтскія лица. Когда митр. Филаретъ пріѣзжалъ въ Сергіевъ Посадъ и представлялась ему академическая корпорація, всѣ поголовно падали предъ нимъ ницъ, въ началѣ и въ концѣ представленія.

Во время моего пріѣзда въ академію, 6 декабря, чтеніе лекцій прекратилось, наступили рождественскіе экзамены. Лекціи начались послѣ святокъ. Когда наступило это время, А. В. Горскій самъ ввелъ меня въ аудиторію старшаго (XXIV к. 1860—1864) курса и по этому случаю сказалъ небольшую рѣчь. Помнится, онъ рекомендовалъ моимъ будущимъ слушателямъ быть внимательными къ изученію православнаго богослуженія, которое представляетъ «цвѣтъ и плодъ» древа жизни церкви Христовой. Сказавъ эту рѣчь, онъ оставилъ классъ и на первой моей лекціи не присутствовалъ.

Началъ я чтенія по церковной археологіи съ общаго обозрѣнія исторіи развитія христіанскаго богослуженія, затѣмъ перешелъ къ краткому обозрѣнію литературы предмета, оживляя свои чтенія и восполняя естественную ихъ сухость и отрывочность общими церковно-историческими обозрѣніями. Потомъ перешелъ къ чтеніямъ объ обрядовой сторонѣ важнѣйшихъ церковныхъ священнодѣйствій, семи церковныхъ таинствъ, согласно совѣту, данному мнѣ моимъ бывшимъ профессоромъ В. И. Долоцкимъ. Въ этого рода чтеніяхъ я слѣдовалъ, на первыхъ порахъ, манерѣ своего бывшаго наставника, не задаваясь трудно исполнимою задачею (какою задался въ слѣдующіе годы)—прослѣдить исторію постепеннаго образованія чинопослѣдованія таинствъ. Пришлось мнѣ читать лекціи оканчивающимъ XXIV курсъ (1860—1864 гг.) студентамъ, въ послѣднее полугодіе ихъ ученья въ академіи [1]).

Кромѣ церковной археологіи, мнѣ пришлось читать еще гомилетику, или «церковное краснорѣчіе», какъ этотъ предметъ назывался въ Московской Академіи. А. Ѳ. Лавровъ

---

[1]) Къ этому курсу принадлежали: А. А. Смирновъ (1-й маг., съ 1864 г. бакк. патристики), А. П. Смирновъ (2-й маг., съ 1865 г. бакк. психологіи и нравств. философіи), Д. Ѳ. Касицынъ (3-й маг., съ 1867 г. бакк. новой церк. исторіи), П. И. Казанскій (4-й маг., съ 1867 г. бакк. педагогики), Н. Я. Фортинскій (7-й маг., съ 1864 г. бакк. матем.), И. Кратировъ (9-й маг., послѣ службы въ волгод. сем., секретарь правл. моск. акад. послѣ 1869 г., препод., а потом ректоръ харьк. сем., викарій харьк. епарх., ректоръ спбург. акад., еп. саратовскій, † на покоѣ).

(† архіеп. литовскій Алексій) признался мнѣ, что это онъ наградилъ меня этимъ предметомъ, который былъ до тѣхъ поръ соединенъ съ «церковнымъ законовѣдѣніемъ» и который ему былъ не по душѣ, въ особенности потому, что приходилось читать студенческія проповѣди,—занятіе далеко не изъ интересныхъ. Въ первое полугодіе моей службы къ чтеніямъ по этому предмету я не приступалъ, отложивъ ихъ на одинъ изъ слѣдующихъ двухъ лѣтъ курса XXV-го.

Мои сослуживцы на первыхъ же порахъ сообщили мнѣ, что у нихъ въ академіи лекціи не пользуются вниманіемъ студентовъ, не то, что, какъ они слышали, въ петербургской, поэтому совѣтовали не особенно заботиться о составленіи и отдѣлкѣ лекцій, а изучать предметъ для себя. Кромѣ того, грозили мнѣ такъ называемымъ «первымъ выстрѣломъ», на публичномъ экзаменѣ, отъ митрополита Филарета, который имѣлъ обычай смирять гордость молодыхъ баккалавровъ, немилосердо обрывая ихъ и раздавая имъ очень нелестные комплименты, до дурака включительно [1]). Изъ слышанныхъ мною разсказовъ оказалось, однако, что подобныхъ комплиментовъ, по временамъ, удостоивались отъ владыки даже и старшіе заслуженные профессоры, вродѣ прот. Ѳ. А. Голубинскаго [2]).

---

[1]) Изъ разсказовъ этого рода помнится одинъ, именно—какъ митр. Филаретъ отнесся, на первомъ публичномъ экзаменѣ, къ одному изъ ближайшихъ моихъ предшественниковъ по каѳедрѣ церковной археологіи, бакк. П. А. Смирнову († прот. Предсѣд. Учебн. Комит. при Св. Синодѣ). Этотъ молодой баккалавръ вздумалъ выдать къ публичному экзамену лекціи по катакомбной символической живописи. Митр. Филаретъ, незнакомый съ этою тогдашиею новинкою, напалъ на молодого преподавателя и сильно разбранилъ его. Окончился, однако, этотъ инцидентъ тѣмъ, что когда, послѣ уже экзамена, митрополиту разъяснили (кажется, А. В. Горскій) важность открытій западныхъ археологовъ для церковной исторіи и археологіи, митр. Филаретъ смягчился и даже косвенно извинился за свою рѣзкость, а потомъ далъ П. А. Смирнову хорошее священническое мѣсто въ Москвѣ. Подробный разсказъ объ этомъ случаѣ пришлось мнѣ слышать изъ устъ самого прот. П. А. уже въ Петербургѣ, лѣтъ 25—30 тому назадъ.

[2]) Разсказывали тогда о слѣдующей забавной сценѣ. Разъ какъ-то, Ѳ. А. Голубинскій, крайне огорченный подобнымъ обращеніемъ съ нимъ митр. Филарета, сидитъ пригорюнясь на крыльцѣ своего дома. Къ нему подходитъ также старѣйшій сослуживецъ, товарищъ его по студенчеству и сожитель по замонастырскому академическому дому, П. С. Делицынъ, и спрашиваетъ: „что вы, Ѳ. Ал., такъ пригорюнились?“ „Да какъ же не

Пророчество о «первомъ выстрѣлѣ» не сбылось. Ни перваго и никакого выстрѣла отъ митр. Филарета мнѣ не послѣдовало. На публичныхъ экзаменахъ по моему предмету ни въ этотъ первый, ни въ послѣдующіе годы онъ не присутствовалъ. Публичные экзамены въ Московской Академіи продолжались два дня; первый день назначался для главныхъ предметовъ, второй—для второстепенныхъ, къ числу которыхъ относились церковная археологія съ церковнымъ краснорѣчіемъ, церковное законовѣдѣніе и нѣк. друг. На первомъ экзаменѣ всегда присутствовалъ самъ митрополитъ, на второмъ, въ мое время, его викарій, пр. Савва. Въ виду возраженій митр. Филарета, на публичные экзамены избирались трактаты съ большимъ разборомъ и осторожностью, по большей части бывшіе уже не разъ на испытаніи. И по моему предмету студенты откопали гдѣ-то тетрадки старыхъ временъ. Были извѣстны по преданію и возраженія, какія обыкновенно дѣлалъ митрополитъ.

Оба дня публичныхъ экзаменовъ заканчивались обѣдами для всѣхъ служащихъ въ академіи лицъ, въ первый день у митрополита, во второй—у ректора. На эти обѣды приглашались и начальство и преподаватели виѳанской семинаріи, въ свою очередь приглашавшіе и насъ, академическихъ преподавателей, также на свои обѣды, по случаю публичныхъ экзаменовъ въ семинаріи. Эти празднества вносили немалое оживленіе въ нашу монотонную жизнь. Митр. Филаретъ на своихъ обѣдахъ держалъ себя довольно привѣтливо съ академическою братіею и не стѣснялъ насъ своимъ присутствіемъ, по крайней мѣрѣ мы, молодежь, порядочно шумѣли на своемъ концѣ стола. У ректора на обѣдѣ онъ не присутствовалъ. Въ виѳанской семинаріи проводили время еще пріятнѣе, гуляли въ Платоновскихъ рощахъ и около Виѳанскихъ прудовъ и заходили послѣ обѣда къ тогдашнимъ виѳанскимъ преподавателямъ, изъ которыхъ особенно выдавались: М. И. Каринскій, впослѣдствіи долголѣтній мой сослуживецъ по Петер-

горевать мнѣ; вѣдь вы слышали, какъ назвалъ меня владыка". „Такъ-то, такъ. Но, Ѳ. Ал., если хорошо поразмыслить, да взвѣсить, то окажется, что тутъ нѣтъ достаточнаго основанія обижаться и огорчаться. Вѣдь владыка—такой великій, необыкновенный умъ, что, по правдѣ сказать, всѣ мы предъ нимъ въ сущности оказываемся дураками". „А вѣдь и то правда", будто бы отвѣтилъ Ѳ. Ал. и совершенно успокоился и повеселѣлъ.

бургской Академіи, братья Делицыны, Петръ и Димитрій Петровичи, и С. Линьковъ (6-й маг. XXIII к. 1862 г. москов. акад. † Симеонъ, еп. минскій). Первые трое отличались общительностью и гостепріимствомъ. Всего чаще собирались у М. И. Каринскаго.

На лѣтніе каникулы 1864 г. на родину не ѣздилъ, въ видахъ приготовленія за это время къ лекціямъ слѣдующаго учебнаго года, 1864—1865 г.

50-ти-лѣтній юбилей Московской Академіи—1 октября 1864 г. Немного не заставъ 50-ти-лѣтній юбилей Петербургской Академіи, праздновавшійся (17 февр. 1859 г.) за 6 мѣсяцевъ до моего въ нее поступленія (въ августѣ того же 1859 г.), я имѣлъ зато рѣдкое счастье участвовать въ юбилейномъ торжествѣ Московской Академіи, 1 октября 1864 года.

Въ памяти осталось, однако, немногое. Какъ теперь вижу двухъ преклонныхъ старцевъ, подруку вступающихъ въ академическій залъ для торжественнаго засѣданія. Это были: митрополитъ Филаретъ и, какъ тогда говорили, его учитель, архіепископъ Евгеній Казанцевъ, бывшій ярославскій, а въ то время управлявшій московскимъ Донскимъ монастыремъ [1]). Онъ былъ тогда слѣпецъ и потому-то митрополитъ Филаретъ велъ его подруку. Помню рѣчь ректора А. В. Горскаго и чтеніе исторической записки проф. С. К. Смирнова. Изъ привѣтствій очень живо помнится рѣчь ректора Московскаго Университета С. И. Баршева, бывшаго воспитанника Московской Академіи [2]), произнесенная чрезвычайно громкимъ, высокаго тембра голосомъ. Нѣсколько словъ произнесъ также отъ себя и знаменитый нашъ историкъ С. М. Соловьевъ, бывшій въ составѣ депутаціи отъ Московскаго Университета, поражавшій своимъ цвѣтущимъ здоровьемъ, несмотря на усиленные труды

---

[1]) Евгеній Казанцевъ, 1800 г.—изъ Троице-Лаврской сем., 1804—постриженъ, 1809—инсп. петерб. акад., 1810—ркт. троицкой сем., 1814—московск. сем., 1817—архим. Донского мон., 1818—еп. курскій, 1822—архіеп. псковской, 1825—тобольскій, 1831—рязанскій, 1837—ярославскій, 1853—на покоѣ, управл. Донск. мон. съ зван. Члена Св. Синода, † 1876 г. 27 іюля.

[2]) Былъ въ составѣ VII к. (1830) моск. акад., товарищъ по студенчеству архіеп. Филарета Гумилевскаго, но пробылъ въ академіи только 3 года, на четвертомъ былъ вызванъ въ Петербургъ для изученія права подъ руководствомъ гр. М. М. Сперанскаго, а потомъ посланъ заграницу

и выпускъ ежегодно по одному тому исторіи. По поводу этихъ выпусковъ тогда острили, что у С. М. каждый годъ, вмѣстѣ съ очереднымъ томомъ исторіи, появляется на свѣтъ и новый, также очередной членъ семейства. Изъ остальныхъ рѣчей и привѣтствій помнятся: привѣтствія настоятеля московскаго, тогда каѳедральнаго Архангельскаго собора (нынѣ придворный), прот. П. Е. Покровскаго († главн. свящ. арміи и флотовъ) [1]) и делегата отъ С.-Петербургскаго Университета проф. прот. В. П. Полисадова [2]). Характерныя фигуры ихъ обращали на себя вниманіе, а о. прот. В. П. Полисадовъ, кромѣ того, выдавался еще своею живостью, общительностью и говорливостью. Замѣтно было, что за П. Е. Покровскимъ ухаживали нѣсколько болѣе, чѣмъ за другими членами московскаго духовенства. Тогда говорили о какомъ-то значительномъ денежномъ пожертвованіи, изъ его ли личныхъ средствъ или изъ суммъ, собранныхъ имъ у московскаго духовенства. Наконецъ, помнятся, хотя и не такъ живо: тов. Оберъ-Прокурора Св. Синода кн. С. Н. Урусовъ, съ его невзрачною фигурою, и затѣмъ—М. Н. Катковъ, И. С. Аксаковъ и Н. П. Гиляровъ-Платоновъ.

Здѣсь же, на актѣ, были объявлены, по случаю юбилея, и награды профессорамъ и баккалаврамъ академіи. Денежныя—профессорамъ П. С. Казанскому и В. Д. Кудрявцеву (по 500 р.), С. К. Смирнову и экстраординарному профессору священнику Ф. А. Сергіевскому (по 429 р.), баккалаврамъ — П. И. Горскому-Платонову, Н. К. Соколову, Евг. Евс. Голубинскому и П. М. Хупотскому (по 214 р.). Другого рода награды получили: баккалавры—Дм. Ѳед. Голубинскій — званіе ординарнаго профессора, В. Н. Потаповъ—экстраординарнаго профессора, бакк. іеромом. Іоаннъ Митропольскій — званіе соборнаго іеромонаха московскаго Донского монастыря, бакк. А. Л. Катанскій—благословеніе Св. Синода, вмѣстѣ съ

---

[1]) Петръ Евдокимовичъ Покровскій, москв., 8-й маг. VI к. (1828) моск. акад., 1828—преп. виѳан. сем., 1834—свящ. Параскіев. ц., 1855—настоят. Арханг. соб., 1871—глав. свящ. арм. и флотовъ.

[2]) Василій Петровичъ Полисадовъ, костром., 5-й маг. XIII к. (1842) моск. акад., товар. по студ. Іоанна Соколова († еп. смолен.) и проф. П. С. Казанскаго; 1842—препод. спб. сем., 1845—свящ., 1847—въ Женевѣ въ Швейцаріи, 1848—1854 причисленъ къ миссіи въ Парижѣ, 1854—настоят. посольской ц. въ Берлинѣ, 1858—проф. богословія въ спб. универс. и настоят. Петропавловскаго собора, 1871—1874—при Исакіевск. соб., † 1878 г.

экономомъ академіи іером. Геронтіемъ и внѣшними членами конференціи (числомъ 6). Въ списокъ награжденныхъ не вошли: ректоръ А. В. Горскій инспекторъ архим. Михаилъ, орд. проф. Е. В. Амфитеатровъ и экстраординарные профессоры Н. И. Субботинъ и А. Ѳ. Лавровъ. Всѣ эти лица, за исключеніемъ Е. В. Амфитеатрова, не оказались въ числѣ награжденныхъ, вѣроятно, потому, что въ предшествовавшіе два года получили тѣ или другія награды и для нихъ не наступилъ еще срокъ (трехлѣтній) полученія слѣдующей очередной награды [1]). Оказался обойденнымъ одинъ, старѣйшій послѣ ректора, профессоръ Е. В. Амфитеатровъ. Но это произошло по совершенно независѣвшимъ отъ учебнаго и вообще духовнаго начальства причинамъ [2]).

---

[1]) Ректоръ прот. А. В. Горскій въ декабрѣ 1862 г. награжденъ митрою, инсп. архим. Михаилъ получилъ въ 1863 г. званіе ордин. проф., а А. Ѳ. Лавровъ, въ томъ же 1863 г., экстраорд. проф., Н. И. Субботинъ—орд. св. Анны 3-й ст.

[2]) Онъ оказался тогда состоявшимъ нѣкоторымъ образомъ подъ судомъ, по слѣдующему случаю. Разсказывали, что вскорѣ по открытіи участка желѣзной дороги отъ Посада до Москвы, находясь у кассы III кл для полученія билета въ Москву, онъ оттолкнулъ жандарма, недопускавшаго его до кассы внѣ очереди, при многочисленномъ стеченіи пассажировъ. Почему Е. В. Ам—въ дозволилъ себѣ такой поступокъ или, какъ теперь любятъ выражаться, „жестъ", объясняли такъ. Старѣйшій въ академіи, заслуженный профессоръ, считавшій себя первымъ, послѣ ректора и намѣстника Лавры, лицемъ въ Посадѣ, ктому же человѣкъ довольно гордаго характера, онъ возмущенъ былъ непочтительнымъ къ себѣ отношеніемъ жандармскаго унтеръ-офицера и притомъ гдѣ же?—въ вокзалѣ, строившемся на глазахъ Е. В., почти возлѣ его дома, какъ бы въ области его владѣній. Таковъ, какъ тогда говорили, былъ источникъ, изъ котораго возникъ у него конфликтъ съ жандармомъ. Жандармъ донесъ о поступкѣ профессора своему ближайшему начальству, а то—въ Петербургъ, въ III тогдашнее отдѣленіе, шефу жандармовъ, всесильному тогда, гр. Петру Андр. Шувалову; III-е же отдѣленіе сообщило объ этомъ происшествіи духовному начальству. Словомъ, возникло очень непріятное дѣло о нанесеніи оскорбленія нижнему чину, при исполненіи имъ обязанностей по службѣ. Какъ шло это дѣло, не могу сказать; возникла, конечно, переписка, потребовано было отъ Е. В. объясненіе и т. д. Навѣрное могу сказать только одно, что долго, вѣроятно до 1867 или даже до 1869 г., тяготѣло надъ Е. В. обвиненіе въ его поступкѣ съ жандармомъ, пока мой тесть, прот. І. В. Васильевъ, сдѣлавшійся въ 1867 г. предсѣдателемъ Учеб. Комит. при Св. Синодѣ, не упросилъ гр. П. А Шувалова, большого своего почитателя, замять это дѣло и возстановить почтеннаго, уважаемаго профессора, ктому же земляка (орловца), во всѣхъ его правахъ по части наградъ. Объ исходѣ этого дѣла слышалъ отъ самого прот. І. В. Васильева, уже въ Петербургѣ, слѣд. не ранѣе 1867 года.

Юбилейный обѣдъ былъ, сколько помнится, въ помѣщеніи конференціи, гдѣ находится монументальная, изъ старинныхъ изразцовъ, печь (вѣроятно она сохранилась донынѣ). Рѣчей не помню.

Два учебныхъ года *186*$^{4}/_{5}$—*186*$^{5}/_{6}$ были годами усиленныхъ моихъ трудовъ по изученію предметовъ преподаванія, въ особенности церковной археологіи.

Громадную пользу при этомъ принесли мнѣ указанія незабвеннымъ о. А. В. Горскимъ источниковъ и пособій для изученія разныхъ отдѣловъ этой науки. При началѣ каждаго новаго отдѣла я неизмѣнно отправлялся къ многоученому своему ректору, который съ видимымъ удовольствіемъ принималъ эти мои посѣщенія. Встрѣчая меня сначала съ нѣкорою напускною, не свойственною ему, ректорскою важностью, затѣмъ, когда заходила рѣчь о книгахъ, совершенно преображался, видимо забывалъ, что онъ ректоръ, а передъ нимъ младшій изъ баккалавровъ, лазилъ подъ диваны и кресла, доставая оттуда нужныя книги и нагружалъ меня ими, обыкновенно въ большомъ количествѣ. При чемъ никогда, однако, не указывалъ, гдѣ что взять и въ какомъ именно отношеніи важно то или другое сочиненіе, предоставляя мнѣ самому разбираться въ грудѣ полученныхъ книгъ. Въ одномъ только можно было быть увѣреннымъ, что уносишь съ собою все, что въ тогдашней литературѣ было самаго лучшаго, важнаго и новѣйшаго. Считаю нелишнимъ еще прибавить, что библіотека Московской Академіи была чрезвычайно богата (гораздо богаче, чѣмъ библіотека Петербургской) книгами по церковной исторіи вообще и церковной археологіи въ частности, да, кажется, и по другимъ предметамъ академическаго курса. Здѣсь сказалось также вліяніе проф. А. В. Горскаго, въ его 20-ти лѣтнее библіотекарство (1842—1862 г.).

Началъ и на сей разъ съ церковныхъ таинствъ, но при этомъ задался другою, несравненно болѣе трудною, чѣмъ въ первое полугодіе (съ января 1864 г.), задачею, именно—прослѣдить исторію постепеннаго образованія литургической стороны семи церковныхъ таинствъ въ нашей православной восточной церкви. Трудность выполненія такой задачи обусловливалась какъ отсутствіемъ въ литературѣ пособій, преслѣдовавшихъ эту цѣль, такъ и крайнею отрывочностью съ одной стороны и скудостью матеріала съ другой—для связнаго и послѣдовательнаго изображенія исторической судьбы каждаго изъ чино-

послѣдованій церковныхъ таинствъ. Для первыхъ IV—V вѣковъ имѣлось, правда, достаточно матеріала въ трудахъ западныхъ протестантскихъ и римско-католическихъ литургистовъ (Бингама, Августи и Бинтерима) [1]), но этотъ матеріалъ былъ сырой, разбитый на рубрики и требовалось немало труда и искусства, чтобы изъ этой мозаики составить мѣсто цѣльное, а для исторіи православнаго восточнаго обряда, начиная съ V—VI вѣковъ, не оказывалось и такого матеріала, и тутъ уже приходилось по крупицамъ самому собирать историческія данныя, сюда относящіяся. Въ томъ и другомъ отношеніяхъ, особенно въ послѣднемъ, незамѣнимую помощь оказалъ А. В. Горскій рекомендаціей различныхъ ученыхъ трудовъ. Такъ, для исторіи литургіи и другихъ важнѣйшихъ священнодѣйствій усиленно рекомендовалъ трудъ Гоара (Евхологіонъ), и въ частности для выясненія схемы литургіи, въ первоначальной стадіи ея развитія, сочиненіе Бунзена—Hyppolitus und seine Zeit—и трудъ Людольфа (Historia Aetiopica—XVII в.,—она также была у меня въ рукахъ), на которомъ этотъ ученый (Бунзенъ) построилъ свою гипотезу о древнѣйшей схемѣ литургіи, затѣмъ труды Ренодота (Liturgiarum orientalium collectio) и Даніеля (Codex liturgicus—важный для сравненія всѣхъ литургій, восточныхъ и западныхъ, древнихъ и новыхъ) и нѣсколько другихъ сочиненій, менѣе капитальныхъ. Для исторіи литургической стороны таинствъ въ послѣдующее, съ V—VI в., время огромное значеніе имѣлъ для меня послѣдній томъ «Описанія рукописей Московской Синодальной библіотеки», данный мнѣ незабвеннымъ А. В. Горскимъ—въ корректурныхъ листахъ (тогда этотъ томъ только еще печатался). Этотъ томъ содержалъ по истинѣ богатую сокровищницу драгоцѣнныхъ указаній на то, что въ православномъ восточномъ обрядѣ явилось съ XI—XII вѣковъ и чего не было до того времени. Правда, имъ не восполнялась огромная пустота, недостатокъ историческихъ данныхъ для промежуточнаго періода между V, VI и XI и XII вѣками. Тутъ уже приходилось прибѣгать по большей части къ догадкамъ, вѣроятнымъ предположеніямъ, пробавляясь тѣми крупицами фактовъ, которыя можно было находить или въ тво-

---

[1]) Bingam—Origines eccles., Augusti—Denkwürdigkeiten aus der chistl. Archeologie, Binterim—Die vorzuglichsten Denkwürdigkeiten der christl. Kirche.

реніяхъ отцевъ и писателей церкви или въ трудахъ римско-католическихъ ученыхъ, вродѣ Бинтерима, въ тѣхъ случаяхъ, когда нашъ православный восточный обрядъ совпадалъ съ средневѣковымъ римскимъ. Изъ нашей отечественной литературы очень полезными были труды архіеп. Филарета (Гумилевскаго) по патрологіи («Историч. ученіе объ отцахъ церкви»), въ особенности же — «Историческій обзоръ пѣснопѣвцевъ и пѣснопѣній греческой церкви» и изданіе СПБ. Академіи — «Писанія св. отцевъ и учителей церкви, относящіяся къ истолкованію православнаго богослуженія». О характерѣ моихъ чтеній по этому отдѣлу церковной археологіи можно судить по напечатаннымъ мною впослѣдствіи статьямъ: «Очеркъ исторіи литургіи нашей православной церкви» («Христ. Чтен.» 1868 г.), «Къ исторіи литургической стороны таинства брака» («Христ. Чтен.» 1880 г.) и «Очеркъ исторіи обрядовой стороны таинства елеосвященія» («Христ. Чтен.» 1880 г.). Въ основѣ этихъ статей лежатъ прежнія, московскія мои лекціи, правда съ значительною ихъ переработкою и дополненіемъ.

Ту же задачу преслѣдовалъ и того же въ сущности метода держался въ своихъ чтеніяхъ и по другимъ отдѣламъ литургики, т. е. стремился представить историческій очеркъ постепеннаго развитія различныхъ частей и сторонъ православнаго восточнаго богослужебнаго обряда, какъ ни трудно было подчасъ удовлетворить такого рода цѣлямъ и задачамъ. Вдобавокъ, всегда по возможности старался проводить параллель между восточнымъ и западнымъ (римскимъ, англиканскимъ и лютеранскимъ) обрядами, по большей части въ окончательно уже сложившемся ихъ видѣ, по временамъ только входя въ изслѣдованіе исторической судьбы нѣкоторыхъ частностей западнаго обряда.

Покончивъ съ отдѣломъ о семи церковныхъ таинствахъ, перешелъ къ отдѣлу о храмѣ, какъ мѣстѣ общественнаго богослуженія, разсматривая его съ двухъ сторонъ: со стороны внѣшняго его вида — архитектурной и со стороны внутренняго его устройства, расположенія и назначенія его частей.

Въ первомъ отношеніи, — послѣ трактата о домашнихъ церквахъ и катакомбахъ первыхъ христіанъ и древнихъ базиликахъ, — долженъ былъ пуститься въ область архитектуры, изучать различные ея стили, начиная съ ассирійско-вавилонскаго, египетскаго, древне-греческаго и древне-римскаго, продолжая византійскимъ, переходнымъ къ готическому (ломбардо-

флорентійскимъ), средневѣковымъ готическимъ, романскимъ и оканчивая древнерусскимъ, постройками деревянныхъ церквей въ древней Россіи и каменныхъ, разныхъ смѣшанныхъ стилей, церквей на Руси—въ Кіевѣ, Новгородѣ, Владимірѣ на Клязьмѣ, Москвѣ и другихъ городахъ. При этомъ, подъ руками оказалось, благодаря конечно тому же А. В. Горскому, все, что было тогда самаго лучшаго и даже рѣдкаго и дорогого по этой части. Для изученія базиликъ было сочиненіе Цестермана—Die antiquen und christl. Basiliken, для изученія стилей ассиро-вавилонскаго и египетскаго—рѣдкое и очень дорогое изданіе наполеоновской экспедиціи въ Египетъ — Description de l'Egypte (t. 1—26) [1]), для древне-греческаго, римскаго, готическаго и романскаго стилей—нѣсколько руководствъ по церковной археологіи на французскомъ языкѣ (подъ церковной археологіей у французовъ разумѣлась исключительно архитектурная археологія), для византійскаго стиля—Зальценберга—Altchristliche Baudenkmale von Constantinopel VI—XII Jahrh.), для русскихъ храмовъ—труды гр. Строганова («Дмитріевскій соборъ во Владимірѣ»), Снегирева («Москва», «Памятники московскихъ древностей»), Мартынова («Памятники московскихъ древностей»), сборники матеріаловъ Севастьянова и нѣкотор. друг.

По исторіи внутренняго расположенія частей храма находились данныя отчасти въ западныхъ археологическихъ трудахъ Бингама, Августи, Бинтерима и др., отчасти въ нашихъ отечественныхъ изслѣдованіяхъ. Изъ послѣднихъ въ особенности важную услугу оказало соч. Филимонова—«Церковь св. Николая на Липнѣ», для рѣшенія вопроса объ алтарныхъ преградахъ, русскомъ иконостасѣ.

Отдѣлъ о церковной иконографіи началъ съ катакомбныхъ символическихъ изображеній, пользуясь, главнымъ образомъ, трудомъ Ажинкура (Histoire de l'art) и отчасти Мартиньи (Dictionnaire d'antiqu. chret.) и статьями русскихъ духовныхъ журналовъ («Христ. Чтен.» 1864—«Катакомбы», Дух. Вѣстн.» 1864, іюнь и др.), потомъ перешелъ къ византійскому иконо-

---

[1]) Замѣчательно, что это по истинѣ драгоцѣнное роскошное и многотомное изданіе пріобрѣтено московскою академіею дешевле, чѣмъ за грошъ,—только за 50 р. (?!!), по смерти архіеп. тобольскаго Аѳанасія, а имъ куплено за 1.000 р. ассигнаціями (?!). См. С. К. Смирнова—Истор. моск. дух. акад. 1814—1870 г., стр. 286.

писанію, при чемъ имѣлъ подъ руками «Менологій имп. Василія Македонянина» (какое-то очень старинное изданіе) и Дидро—объ аѳонскихъ иконописцахъ XII в. (Didrot—Manuel d'iconographie greque et latin [1]). Для ознакомленія съ русскимъ иконописаніемъ пользовался трудами Ѳ. И. Буслаева («О русскомъ иконописномъ подлинникѣ» — въ очеркахъ, «Общія понятія о русскомъ иконописаніи»—въ «Сборн. общ. древне-русск. искус.»), И. П. Сахарова («О русскомъ иконописаніи»—1 и 2 вып.), «Древности и символика Кіево-Софійскаго Собора» (Твор. св. отц. 1859) и др. Въ концѣ этого отдѣла представилъ характеристику византійской религіозной живописи, нашей древнерусской иконописи, съ ея различными школами до суздальской включительно, наконецъ, западной итальянской, оказавшей вліяніе чрезъ Новгородъ и Псковъ и на старую московскую живопись (въ XVI в.—дѣло дьяка Висковатаго). Въ заключеніе, воспользовавшись очень интересной статьей въ одномъ нѣмецкомъ сочиненіи, далъ очеркъ развитія всей вообще западной живописи не только религіозной, но и свѣтской, въ связи съ возвышеніемъ или упадкомъ религіозности или возвышавшейся до недосягаемой высоты (вѣкъ Рафаеля, Микель-Анджело и др.), или постепенно падавшей до очень низкаго уровня, какъ и въ переживаемое нами время.

Въ отдѣлѣ о свящ. одеждахъ и сосудахъ прежде всего рѣшался вопросъ: были ли богослужебныя одежды первыхъ вѣковъ христіанства вообще отличны отъ обыкновенныхъ одеждъ и не были ли онѣ заимствованы отъ одеждъ, употреблявшихся въ ветхозавѣтной церкви. Для рѣшенія этого вопроса пользовался очень хорошею статьею Гефеле (въ Beitrage zur Kirchengesch., Archeol. und Liturgik 1864), затѣмъ, въ частности, трактовалъ объ одеждахъ діаконскихъ, священническихъ и архіерейскихъ—съ опредѣленіемъ сравнительной ихъ древности. Окончательный результатъ: древнѣйшія свящ. одежды: подризникъ съ его видоизмѣненіемъ стихаремъ, фелонь, орарь съ епитрахилью и омофоръ. Изъ позднѣйшихъ ранѣе другихъ явилась митра, позднѣе—саккосъ, палица, панагія и, наконецъ, набедренникъ (особенность нашей русской церкви). Кромѣ западныхъ археологическихъ трудовъ пользовался, между прочимъ, «Обозрѣніемъ москов-

[1]) Былъ у меня въ рукахъ и трудъ Пипера—описаніе берлинскаго музея (т. 1). Но тогда вышелъ только первый томъ, своимъ содержаніемъ не представлявшій для меня интереса.

ской патріаршей ризницы»—пр. Саввы, гдѣ встрѣчается немало цѣнныхъ исторических и археологическихъ замѣчаній.— Въ отдѣлѣ о священныхъ сосудахъ трактовалось прежде всего о сосудахъ, употребляемыхъ при совершеніи таинства Евхаристіи: потирѣ («Древности» въ Труд. моск. археол. общ. 1865), дискосѣ, звѣздицѣ, лжицѣ, копьѣ, дарохранительницѣ, а потомъ и о другихъ свящ. сосудахъ и принадлежностяхъ богослуженія. Пособія были тѣ же, что и для трактата о свящ. одеждахъ. Въ заключеніе трактата о свящ. одеждахъ и сосудахъ проводилась параллель между тѣмъ, что сохранено отъ древнихъ временъ нашею православною церковью и что есть въ римской церкви и осталось въ англиканствѣ и лютеранствѣ.

Чтенія по церковной археологіи заканчивались обширнымъ отдѣломъ о временахъ богослуженія въ кругѣ годичномъ, седмичномъ и суточномъ. Начиналъ съ круга годичнаго, продолжалъ — седмичнымъ и оканчивалъ суточнымъ. Въ годичномъ кругѣ, около великихъ праздниковъ Пасхи, Пятидесятницы и Богоявленія Господня, съ Рождествомъ Христовымъ, какъ около трехъ центровъ, группируются всѣ праздники и посты года, а потому и разсматривались они, какъ части трехъ цикловъ: Пасхи, Пятидесятницы и Рождества Христова. Начиналъ съ цикла пасхальнаго, переходилъ къ циклу Пятидесятницы и заканчивалъ цикломъ Рождества Христова. Вмѣстѣ съ исторіею праздниковъ и постовъ, группировавшихся около этихъ центровъ, занимался исторіею пасхаліи, календаря, мѣсячной минеи и тріоди постной и цвѣтной. Что касается круга седмичнаго богослуженія, то послѣ рѣшенія вопроса о томъ, откуда и когда явилось дѣленіе года не только на мѣсяцы, но и на недѣли, трактовалось о характерныхъ чертахъ и особенностяхъ богослуженія въ различные дни недѣли. Въ связи съ этимъ трактатомъ сообщались свѣдѣнія объ октоихѣ. Суточное богослуженіе сформировалось въ окончательномъ видѣ въ древнихъ восточныхъ монастыряхъ, а потому вмѣстѣ съ трактатомъ о различныхъ частяхъ его (повечеріи, вечернѣ, полунощницѣ, утренѣ, всенощномъ, часахъ и литургіи), сообщались свѣдѣнія о трудахъ по этой части Василія Вел. и объ уставахъ іерусалимскомъ и студійскомъ. Этотъ важный отдѣлъ литургики (разумѣемъ весь отдѣлъ о временахъ богослуженія и различныхъ церк. службахъ и богосл. книгахъ) былъ тогда очень мало разработанъ въ нашей литературѣ. Разработка его весьма значительно подвинулась впередъ впо-

слѣдствіи, благодаря солиднымъ трудамъ профессоровъ: И. Д. Мансветова (моего преемника по каѳедрѣ церк. археологіи), А. А. Дмитріевскаго (кіевск. проф.) и Н. Ѳ. Красносельцева (казан. проф.+проф. новороссійскаго унив.). Приходилось по частямъ отвсюду собирать историческія данныя, относящіяся къ указаннымъ предметамъ и вопросамъ. Много помогало извѣстное сочиненіе прот. Дебольскаго—«Дни богослуженія», но далеко не удовлетворяло всѣмъ научнымъ запросамъ по части историческихъ свѣдѣній. Для исторіи праздниковъ находились пособія въ отечественной литературѣ, въ статьяхъ «Твор. св. отц.» (1857 г. XVI—праздн. Пятидесятницы, 1858 г. XVII—праздн. Вознесенія Господня). Для исторіи праздника Рождества Христова было въ рукахъ весьма хорошее сочиненіе берлинскаго проф. Касселя—Weihnachten, Ursprung, Brauche und Aberglauben 1856. Для исторіи постовъ—диссертація, изданная при Моск. Акад. (точнаго заглавія не помню). Для исторіи пасхаліи, календарей, началѣ новаго года и т. п.—трудъ Араго, посвященный изложенію популярной астрономіи.

Вообще для всѣхъ моихъ лекцій по церк. археологіи старался собирать данныя отвсюду, не только изъ духовныхъ журналовъ, но и изъ свѣтскихъ. Чего изъ всѣхъ моихъ предположеній осуществить мнѣ не удалось, это составить очеркъ исторіи церковнаго пѣнія вообще и у насъ, въ нашей отечественной церкви, въ частности. Въ этомъ случаѣ помѣшало мнѣ совершенное отсутствіе музыкальнаго образованія и даже природная къ нему неспособность и потому пришлось ограничиться только краткими замѣчаніями по этому предмету, хотя подъ руками были уже нѣкоторые матеріалы для болѣе обстоятельнаго очерка исторіи церковнаго пѣнія [1]).

Соединенному съ церковною археологіею предмету—гомилетикѣ или (какъ она называлась въ Моск. Акад.) «церковному краснорѣчію» посвящалъ гораздо менѣе вниманія, удѣляя этому предмету не болѣе $^1/_4$ всего двухгодичнаго курса, читалъ гомилетику въ теченіе одной половины года, въ первую его треть, до Рождества Христова. Этого рода чтенія

[1]) В. М. Ундольскаго—„Замѣчанія для исторіи церк. пѣнія въ Россіи“ („Чтен. въ общ. истор. и древн. 1846—1847), Безсонова—„Судьба нотныхъ пѣвческихъ книгъ“ („Прав. Обозр.“ 1864 г., май), Сахарова—„Изслѣдов. о русск. церковн. пѣсноп“. („Журн. Мин. Нар. Просв.“ 1849 г.) и даже труды извѣстнаго знатока русскаго церк. пѣнія, прот. Разумовскаго, о нашихъ крюковыхъ нотахъ и напѣвахъ.

имѣли также характеръ историческій, а не теоретическій. Они состояли изъ очерковъ исторіи церковной проповѣди, начиная съ первыхъ вѣковъ христіанства. Для исторіи древнѣйшаго ея періода, до V в., прекраснымъ пособіемъ былъ извѣстный трудъ Паниля — Pragmat. Gesch. der christl. Bereds. Для очерковъ дальнѣйшихъ періодовъ—съ V по X в., средневѣковаго и на протестантскомъ и римско-католическомъ Западѣ (о знаменитыхъ французскихъ проповѣдникахъ — Боссюэтѣ, Бурдалу, Фенелонѣ и Массильонѣ)—различныя менѣе выдающіяся пособія. Впрочемъ, нужно признаться, эти очерки имѣли довольно общій, поверхностный характеръ. Исторіи же нашей очественной проповѣди не коснулся вовсе, спѣша перейти къ любимымъ своимъ занятіямъ по церковной археологіи. Лекціи по гомилетикѣ читалъ только одинъ разъ за все время службы въ Моск. Академіи, XXV ея курсу (1862—1866 г.).

Лекціи свои читалъ, а не говорилъ, не надѣясь на небогатый свой даръ слова и опасаясь природной застѣнчивости и конфузливости.

Мои идеалы академическаго профессора совершенно расходились съ идеалами сослуживцевъ, которые, какъ замѣчено уже выше, совѣтовали больше всего заниматься изученіемъ предмета для себя и обращать поменьше вниманія на составленіе лекцій, не посѣщаемыхъ студентами. Мнѣ же хотѣлось, вмѣстѣ съ серьезнымъ изученіемъ церк. археологіи, имѣть у себя поболѣе и внимательныхъ слушателей и въ концѣ концовъ мнѣ удалось до нѣкоторой степени достигнуть желаемаго. Студенты посѣщали мои лекціи, правда, въ умѣренномъ количествѣ, но во всякомъ случаѣ моя аудиторія никогда не была пуста. Всего болѣе бывало слушателей при началѣ каждаго отдѣла и постепенно уменьшалось къ его концу. Мои слушатели замѣтили мое усердіе и даже однажды поручили одному изъ своихъ товарищей, посѣщавшему меня, сказать мнѣ: «зачѣмъ вы такъ усердно занимаетесь составленіемъ лекцій, онѣ у насъ мало посѣщаются и цѣнятся. Вѣдь, если бы Ангелъ пришелъ къ намъ съ неба и началъ читать намъ лекціи, на первыхъ порахъ мы бы конечно его послушали, сказали бы, что его лекціи прекрасны, а потомъ... все-таки перестали бы ходить къ нему». Но на меня не особенно подѣйствовало и это предупрежденіе студентовъ и я продолжалъ вести свое дѣло попрежнему. Результатомъ было крайнее мое переутомленіе въ двухлѣтній учебный курсъ 1864—

1866 гг., но зато моя репутація, какъ хорошаго лектора, прочно утвердилась между студентами, что и выразилось разъ въ лестныхъ по моему адресу надписяхъ въ классномъ журналѣ [1]) и апплодисментами на одной изъ лекцій [2]).

Нельзя сказать, чтобы студенты мало занимались. Они много читали серьезныхъ научныхъ книгъ; но особенно много времени употребляли на составленіе сочиненій. Замѣчательно, какъ они держали себя на экзаменахъ. Съ поразительнымъ спокойствіемъ, нимало не безпокоясь относительно удовлетворительнаго отвѣта на вопросы. Кто мало зналъ, тотъ прямо такъ и заявлялъ, что онъ не можетъ ничего сказать на извѣстный билетъ (экзамены производились по билетамъ, какъ и въ петербургской академіи), а когда къ нему приставали, что не можетъ быть, чтобы онъ не зналъ того или другого изъ общеизвѣстныхъ фактовъ, неохотно отвѣчалъ кое-что, повторяя въ заключеніе, что въ сущности онъ все-таки ничего не знаетъ. Вообще, отъ студенческихъ отвѣтовъ получалось такое впечатлѣніе, какъ будто, присутствуя на экзаменахъ, студенты дѣлаютъ нѣкоторое одолженіе экзаменаторамъ, проявляютъ нѣкую къ нимъ любезность. Происходило это отъ того, что экзаменскимъ отвѣтамъ придавалось въ Московской Академіи еще меньшее значеніе, чѣмъ въ Пе-

[1]) Разъ студенты дозволили себѣ одну очень дерзкую выходку: испещрили классный журналъ замѣчаніями относительно достоинства лекцій преподавателей и вообще краткими характеристиками личностей профессоровъ и баккалавровъ. По большей части эти замѣчанія были очень грубыми и неблагопріятными для тогдашняго состава академической корпораціи; исключеніе составляли очень немногія надписи, въ томъ числѣ, противъ бакк. А. К—го надпись: „достоинъ профессора". Эта дерзкая выходка студентовъ довольно благополучно сошла имъ съ рукъ. Виновные не найдены.

[2]) Прервавъ свои лекціи по археологіи, я вздумалъ однажды посвятить одну лекцію гомилетикѣ, съ цѣлію подѣлиться своими впечатлѣніями отъ чтенія студенческихъ проповѣдей, о чемъ, въ концѣ предшествующей лекціи, и сообщилъ своимъ слушателямъ. Въ назначенный день собрался весь курсъ, аудиторія была полна, какъ никогда. И хотя мои слушатели услышали отъ меня весьма мало для себя лестнаго, такъ какъ со всею откровенностью я высказалъ довольно безотрадныя впечатлѣнія, вынесенныя изъ чтенія ихъ произведеній, они однако сочли нужнымъ наградить меня въ концѣ лекціи громкими апплодисментами. Потомъ сообщили мнѣ, что о. ректоръ А. В. Гор., которому ежедневно приносили классный журналъ съ записями о содержаніи лекцій, спрашивалъ дежурнаго, что именно говорилъ я о студенческихъ проповѣдяхъ. Со мною объ этомъ предметѣ разговора у него не было.

тербургской, можно сказать, почти никакого. Кстати, экзамены по церковной археологіи и гомилетикѣ соединялись съ экз. по канононическому праву, такъ что А. Θ. Лавровъ († Алексій, архіеп. литовскій) и А. К--кій были одинъ у другого ассистентами, а студенты отвѣчали одинъ по одному предмету, другой—по другому. Предсѣдательствовалъ на этихъ экзаменахъ ректоръ, А. В. Горскій. Жутко было мнѣ, такому, такъ сказать, пигмею выступать съ результатами своихъ чтеній предъ такимъ колоссомъ науки богословской вообще и церковно-исторической вчастности, какъ А. В. Горскій, но о. ректоръ по своей деликатности и такту ниразу не далъ мнѣ почувствовать громадной между нами разницы и не дѣлалъ никакихъ возраженій по поводу моихъ тезисовъ; по крайней мѣрѣ ничего подобнаго не припоминается.

Студенты Московской Академіи, какъ уже замѣчено выше, были мало похожи на насъ петербуржцевъ. Они держали себя съ большимъ сознаніемъ своего достоинства, такъ какъ составляли единственную интеллигенцію Посада и не видѣли ничего выше себя. Вели себя очень свободно и по отношенію къ своимъ наставникамъ. Нисколько не стѣсняясь ихъ, едва удостоивая на улицѣ раскланиваться съ ними, преспокойно продолжали ухаживать за мѣстными дамами и барышнями, такъ что мы, по крайней мѣрѣ молодые баккалавры, болѣе стѣснялись ихъ, чѣмъ они насъ. Иногда они задавали концерты, играя на скрипкахъ, віолончеляхъ и флейтахъ въ студенческихъ комнатахъ съ открытыми окнами, между тѣмъ какъ въ академическомъ садикѣ, предъ жилыми студенческими комнатами, прогуливалась посадская публика, наслаждаясь музыкою академическихъ артистовъ. Впрочемъ, послѣ нѣсколькихъ такихъ концертовъ они прекратились, вслѣдствіе протеста лаврскихъ монастырскихъ властей. И послѣ того, однако, этотъ студенческій оркестръ не разъ игралъ, но уже не публично, а въ квартирахъ академическихъ профессоровъ, напр. у С. К. Смирнова, Ф. А. Сергіевскаго и, кажется, у А. Θ. Лаврова, когда собирались у нихъ гости. Разъ, помнится, былъ такой вечеръ у Ф. А. Сергіевскаго и на немъ между прочимъ присутствовалъ родной его братъ Н. А. Сергіевскій [1]) (одно-

[1]) Ник. Ал. Сергіевскій, 3-й маг. XX к. (1856 г.) моск. акад., 1856—1858 бакк. библ. исторіи и греческаго языка, 1858—чин. особ. поруч. при Оберъ-Прок. Св. Синода, 1861—чин. особ. пор. при мин. Нар. Просв., 1862—оберъ-секретарь канц. Св. Синода, 1864—инсп. акад. комм. наукъ,

именникъ проф. Моск. унив., прот. Н. А. С.), бывшій въ то время инспекторомъ московской практической академіи коммерческихъ наукъ, замѣчательный типъ необыкновенно холоднаго, выдержаннаго бюрократа. Былъ онъ со своею супругою, москвичкою, изъ купеческаго рода. Солидные люди играли въ карты, а мы молодежь танцовали, подъ музыку студенческаго оркестра. Особенно много такихъ вечеровъ провели мы у проф. С. К. Смирнова, у котораго было много дочерей подростковъ. Студенческій оркестръ составляли: С. И. Миропольскій (извѣстный потомъ педагогъ, † вице-дир. Синод. канцеляріи), Н. Н. Корсунскій (шуринъ А. Ѳ. Лаврова), М. Свѣтовидовъ и др.

Наиболѣе даровитыми въ этомъ XXV курсѣ студентами были: С. И. Миропольскій, В. П. Сланскій († на служ. въ Госуд. Контролѣ), Д. Извѣковъ (преп. Спб. сем.), А. Кудрявцевъ († прот. проф. одного изъ университетовъ, одесскаго или харьковскаго), вдовый свящ. Петръ Леонтьевичъ Лосевъ († епископъ пермскій), П. Ѳ. Комаровъ (и. д. бакк. въ спб. акад., потомъ библіотекарь ея, наконецъ свящ.) [2]).

А. Катанскій.

1866—директоръ канц. Оберъ-Прок. Св. Синода, 1869—попечитель виленскаго учебн. округа.

[2]) Изъ нихъ: С. И. Митропольскій, воронеж., 8-й маг., В. П. Сланскій, вонеж. 9-й маг., Д. Извѣковъ, калуж. 1-й маг., А. Кудрявцевъ, виѳан., 2-й маг., свящ. П. Лосевъ рязан., 5-й маг., П. Ѳ. Комаровъ не получилъ никакой степени, хотя стоялъ въ спискахъ подъ № 1. Правда, какъ теперь помню, при составленіи списка въ теченіе курса на вопросъ, кого ставить подъ № 1, обыкновенно отвѣчали: „не кого", „ну, такъ поставимъ Комарова", замѣчалъ А. В. Гор. Зависѣло это отъ того, что даровитѣйшіе студенты (Миропольскій и Сланскій) не удовлетворяли требованіямъ или дисциплины или аккуратнаго исполненія учебныхъ студенческихъ обязанностей, а Комаровъ, не выдаваясь особенно своею даровитостью, казался подходящимъ для занятія этого мѣста. Судьба П. Ѳ. Комарова, вызваннаго пр. Іоанномъ (смоленскимъ, тогда ректоромъ спб. акад.) для занятія каѳедры нравств. бог. въ спб. академіи, въ надеждѣ, что онъ приметъ монашество, оказалась довольно необыкновенною: монашества онъ не принялъ, диссертаціи не представилъ и хотя прослужилъ, не имѣя никакой ученой степени, баккалавромъ съ 1866 до 1869 г., но съ уставомъ 1869 г. долженъ былъ оставить каѳедру, сдѣланъ былъ библіотекаремъ, а затѣмъ принялъ священство и былъ гдѣ-то въ калужск. епархіи священникомъ. Въ этомъ курсѣ были еще довольно замѣчательныя личности, люди не безъ способностей, но хромавшіе относительно поведенія: С. Раевскій, тульск., 42 канд., и М. Семеновскій, владим., 43 канд. († прот. цер. Лазенковскаго дворца въ Варшавѣ). О нихъ говорили тогда, что они „составляютъ больное мѣсто инспектора о. Михаила".

Павелъ Конюшкевичъ, митрополитъ тобольскій.

I.

НЕДАВНО специально образованная комиссія производила оффиціальное освидѣтельствованіе покоящихся въ Кіево-Печерской Лаврѣ останковъ сибирскаго митрополита Павла Конюшкевича. Освидѣтельствованіе это связано съ предполагаемымъ прославленіемъ памяти святителя. Останки митр. Павла давно уже пользовались почитаніемъ, какъ нетлѣнныя мощи. Впервые нетлѣніе ихъ было обнаружено въ 1827 г., при кіевскомъ митрополитѣ Евгеніи Болховитиновѣ. Митр. Евгеній самъ передаетъ объ этомъ случаѣ слѣдующимъ образомъ: «Сего 1827 года іюня въ 12 день, доложили мнѣ, что въ усыпальницѣ, подъ Стефановскимъ придѣломъ, тѣло тобольскаго архіерея Павла, почивающее во гробѣ поверхъ земли и назначенное къ погребенію на новомъ мѣстѣ, оказалось нетлѣннымъ, почему и велѣлъ я оставить посмотрѣть мнѣ самому, но того дня не успѣлъ сдѣлать осмотра. Въ слѣдующую же ночь, когда я заснулъ, представилась мнѣ буря, колебавшая зданіе, отъ коей я проснулся и услышалъ, что по заламъ мѣрно и весьма твердо шествуетъ нѣкто въ мою спальню. Двери растворились и вошелъ неизвѣстный мужъ, озаренный свѣтомъ, въ архіерейскомъ облаченіи, съ гнѣвомъ на лицѣ. Приподнявшись на постелькѣ, я хотѣлъ встать и поклониться ему, но не могъ, потому что ноги, и особенно колѣна, у меня сильно задрожали. Явившійся сказалъ мнѣ: «Чи дасы намъ почывати, чи ни? Не дасы намъ почывати, не дамъ тоби и я николы почывати». Затѣмъ онъ вышелъ мѣрными шагами изъ спальни. На

утро я пришелъ ко гробу архіерея, коего наканунѣ предположилъ осмотрѣть, и, по снятіи крышки, увидѣлъ того самаго святителя Божія Павла, который явился мнѣ ночью, и въ томъ же облаченіи. Со слезами лобызалъ я руки его, отслужилъ панихиду и велѣлъ оставить гробъ на прежнемъ мѣстѣ» [1]). Посѣтившій въ 60-хъ годахъ кіевскую Лавру вмѣстѣ съ Государемъ Императоромъ Александромъ II графъ М. В. Толстой разсказываетъ свое впечатлѣніе отъ мощей митр. Павла такимъ образомъ. «Приподняли крышку простого деревяннаго гроба, сняли пелену съ лика святителя, и всѣ мы были поражены изумительнымъ нетлѣніемъ мощей. Митрополитъ Павелъ представляется какъ бы теперь только уснувшимъ: русые съ просѣдью волосы и борода, лицо спокойное, съ закрытыми, нѣсколько впалыми, очами, руки сложенныя на персяхъ, митра и облаченіе,—все вполнѣ сохранилось, хотя прошло уже почти сто лѣтъ, какъ тѣло святителя покоится въ гробѣ» [2]). Тѣло Павла съ тѣхъ поръ такъ и стояло въ соборной Успенской лаврской церкви и сдѣлалось предметомъ особаго почитанія. Многіе начали прибѣгать къ молитвамъ святителя и, по разсказамъ, нѣкоторые получали исцѣленія. Свидѣтельства о такихъ исцѣленіяхъ, хотя очень немногія, напечатаны въ «Кіев. Еп. Вѣдом.» [3]). Среди кіевлянъ укрѣпилось убѣжденіе, что митр. Павелъ—святой угодникъ Божій. Поэтому 12 іюня 1913 г., въ кіевской городской думѣ было высказано пожеланіе о всенародномъ прославленіи памяти святителя. Высшая церковная власть пошла на встрѣчу мѣстному настроенію, и было назначено освидѣтельствованіе мощей комиссіей, какъ то принято со времени духовнаго Регламента. Прославленіе памяти святителя Павла ожидается въ 1915 году, въ связи съ предстоящимъ юбилеемъ кіевской духовной академіи.

Имя Павла Конюшкевича—имя извѣстное въ исторической наукѣ, но получившее извѣстность въ другомъ отношеніи. Митр. Павелъ—одинъ изъ опальныхъ архіереевъ екатерининскаго времени, удаленный съ каѳедры при необычныхъ обстоятельствахъ. Съ этой стороны личность его давно при-

---

[1]) Этотъ разсказъ въ числѣ другихъ свидѣтельствъ напечатанъ въ № 47 „Кіев. Еп. Вѣд." 1913 г.

[2]) Чт. въ О. И. и Др. Рос. 1870 г. кн. II, стр. 158.

[3]) 1913 г. №№ 48 и 49.

влекала къ себѣ вниманіе; но до сихъ поръ не получила достаточнаго выясненія. Въ литературѣ нашей нѣтъ ни одной солидной работы, посвященной Павлу Конюшкевичу, а существующія статьи [1]) оставляютъ многое темнымъ и почти всѣ грѣшатъ нѣкоторыми ошибками. Между прочимъ большинство повторяетъ легенду о какомъ-то протестѣ Павла противъ секуляризаціи церковныхъ имѣній и сопоставляетъ его съ Арсеніемъ Мацѣевичемъ, связывая съ этимъ протестомъ и его удаленіе съ каѳедры. На самомъ же дѣлѣ таковаго протеста совершенно неизвѣстно, и судьба Павла ни въ какой связи съ нимъ не стоитъ. Поэтому представляется вполнѣ своевременнымъ точнѣе установить нѣкоторыя обстоятельства жизни преосв. Павла.

По свидѣтельству историка кіевской академіи, располагавшаго необходимыми документами, Павелъ Конюшкевичъ (или Конюскевичъ, Конючкевичъ: фамилія его пишется трояко) родился въ 1705 году, въ галицкомъ мѣстечкѣ Самборѣ. Родители его были мѣщане. Для обученія онъ поступилъ въ Кіевскую академію, должно быть, около 1717 г. На двадцать восьмомъ году жизни, т. е. въ 1733 году, Павелъ принялъ въ лаврѣ монашество; надо полагать, что это совпадало съ окончаніемъ академическаго курса. 5-го декабря 1734 г. онъ былъ посвященъ въ іеродіаконы кіевскимъ архіеп. Рафаиломъ Заборовскимъ. Послѣдній біографъ Павла [2]) дѣлаетъ весьма вѣроятное предположеніе, что въ началѣ по окончаніи курса Конюшкевичъ былъ учителемъ въ низшихъ академическихъ классахъ. Но это продолжалось недолго. Въ первыхъ числахъ августа 1735 года мы видимъ Павла уже въ должности шафара, т. е. продавца книгъ, при лаврской типо-

---

[1]) Изъ литературы о м. Павлѣ достойно упоминанія очень немногое. Біографическіе очерки о немъ напечатаны: у В. Аскоченскаго, Кіевъ съ училищемъ его Академіею, ч. II, Кіевъ 1856 г., стр. 59—62 (кратк., но документ.); въ „Странникѣ“ 1868 г. ноябрь, статья Абрамова: „Павелъ II Конюшкевичъ, митроп. тобольскій и сибирскій“; въ „Чт. И. О. И. и Др. Росс.“ 1870 г. кн. II, стр. 158—168, статья графа М. В. Толстого: „Павелъ, м. тоб.“; въ Кіев. Еп. Вѣд. 1913 г., №№ 42—46; въ Тобол. Еп. Вѣд. 1882 г. № 23—24; въ маленьк. брошюрѣ А. Козырева, „Краткія свѣдѣнія о Павлѣ, м. тоб.“, Кіевъ 1880 г.; документ. матеріалы—въ Тоб. Еп. Вѣд. 1885 г. № 20 и 1888 г. № 7—8; въ „Хр. Чт.“ 1891 г., II, А. Н. Львова: „Архивныя данныя по дѣлу преосв. Павла Конюшкевича“. Перечень всей литературы въ ст. о Павлѣ въ „Русск. Біографич. Словарѣ“.

[2]) Въ „Кіев. Еп. Вѣд.“ 1913 г. № 42, стр. 1075.

графіи [1]). Отсюда осенью 1738 года, въ ноябрѣ, Павелъ былъ вторично, а можетъ быть и въ первый разъ, приглашенъ въ академію учителемъ піитики, въ каковой должности, 30 дек. 1739 г., получилъ рукоположеніе въ іеромонахи [2]). Въ академіи онъ пробылъ до весны 1740 года. Какъ памятникъ его учительства, въ академической библіотекѣ сохранились приписываемые Павлу духовные стихи: «Образъ страстей міра сего образомъ страждущаго Христа исправися» [3]).

Весною 1740 г. отправлялся въ Петербургъ новый лаврскій архимандритъ Тимофей Щербацкій. Въ свиту его, въ качествѣ казначея, былъ взятъ и іеромонахъ Павелъ Конюшкевичъ. Почему былъ онъ оторванъ отъ академическаго дѣла для финансовыхъ обязанностей, можно догадываться по его прежней дѣятельности шафара въ типографіи. Повидимому, Павелъ здѣсь заявилъ себя особой честностью и исполнительностью; а потому архимандритъ и поручилъ ему свою походную казну, которая достигала нѣсколькихъ тысячъ рублей, что дѣлало казначейскую должность весьма отвѣтственной [4]). Архимандритъ выѣхалъ изъ Кіева 3-го іюня, но вернулся уже не скоро: лишь 9 марта 1741 г. Задержали его въ Петербургѣ, должно быть, событія осени 1740 г., связанныя съ смертью имп. Анны Іоанновны и дворцовыми переворотами. Іером. Павелъ въ академію не вернулся. Въ бытность въ Москвѣ, на пути изъ Кіева и въ Кіевъ, онъ, видимо, былъ перезванъ на службу въ московскую академію и, заѣхавъ ненадолго въ Кіевъ, отправился въ Москву [5]). Въ московской академіи Павелъ исполнялъ должность проповѣдника въ теченіи двухъ лѣтъ.

Во время поѣздки съ архим. Тимофеемъ, и затѣмъ во время службы въ московской академіи іером. Павелъ, несомнѣнно, долженъ былъ познакомиться съ представителями тогдашней іерархіи. Между прочимъ, его замѣтилъ и, видимо, оцѣнилъ митр. новгородскій Амвросій (Юшкевичъ), который и перезвалъ его въ скоромъ времени къ себѣ въ новгородскую епархію. Павелъ, повидимому, отличался не столько та-

---

[1]) Ibid., № 43, стр. 1096. [2]) Ibid., стр. 1097. [3]) Ibid.

[4]) Сохранилась приходо-расходная книга, выданная Павлу. Первый листъ ея напечатанъ въ „Чт. О. И. и Др." 1870 г., II, стр. 167—168.

[5]) „Кіев. Еп. Вѣд." 1913 г. № 43, стр. 1103. Павелъ былъ назначенъ въ моск. академію опредѣленіемъ Синода 19 янв. 1741 г. (см. въ дѣлѣ Арх. Син. 1743 № 136, л. 2).

лантами преподавателя, сколько талантами хозяина и администратора. Его служба шафаромъ, выборъ его Тимофеемъ въ качествѣ эконома, показываютъ, что на подобныя должности онъ считался болѣе подходящимъ. И митр. Амвросій перезвалъ въ Новгородъ Павла именно на хозяйственно-административную должность. Онъ не сдѣлалъ его префектомъ или ректоромъ семинаріи, что было бы вполнѣ естественно для академическаго преподавателя, а сдѣлалъ архимандритомъ Юрьева монастыря, что было связано обычно съ участіемъ въ дѣлахъ консисторіи. 29-го іюня 1743 года Амвросій подалъ въ Синодъ доношеніе такого содержанія: «Въ новгородской моей епархіи имѣется праздное архимандрическое мѣсто въ первой степени находящееся; а къ произведенію на то праздное мѣсто во архимандрита въ епархіи моей достойнаго нынѣ не обрѣтается. А понеже имѣется въ московской академіи слова Божія проповѣдникъ іером. Павелъ Канючкевичъ, который уже чрезъ два года въ проповѣди слова Божія потрудился, а третій годъ нести оному такое послушаніе, кажется, будетъ не безъ тяжести, и по таковыхъ трудахъ награжденія онъ достоинъ; того ради вашего святѣйшества прошу для произведенія на помянутое... архимандрическое мѣсто онаго проповѣдника іером. Павла Канючкевича изъ московской академіи въ епархію мою уволить, отъ чего и онъ не отрицается» [1]). 25 іюля Синодъ удовлетворилъ представленіе Амвросія [2]). 5 февраля 1744 г. Павелъ былъ въ Новгородѣ произведенъ Амвросіемъ въ архимандриты Юрьева монастыря [3]).

Въ Новгородѣ Павелъ прожилъ 14 лѣтъ на одномъ мѣстѣ. Это былъ стажъ, слишкомъ продолжительный для будущаго архіерея. Выдающіеся іерархи средины XVIII в. большею частью получали архіерейство лѣтъ въ 35, много 40. Продолжительное служеніе Павла въ званіи архимандрита показываетъ, что онъ не принадлежалъ къ числу лицъ, быстро восходящихъ по іерархической лѣстницѣ. Что было причиной того, сказать трудно. Новгородскіе архіереи, сначала Амвросій, а потомъ (1745—1753 г.г.) Стефанъ Калиновскій, учитель Павла по кіевской академіи [4]), могли бы продвинуть

---

[1]) Дѣло А. С. 1743 г № 136, л. 1. [2]) Ibid., л. 3.

[3]) Ibid., л. 5. А не 18 февраля, какъ говорятъ другіе біографы.

[4]) См. у Аскоченскаго, II, стр. 53.

Павла; но, должно быть, они находили это почему-либо затруднительнымъ. Можетъ быть самъ Павелъ не проявлялъ честолюбія; можетъ быть его считали нужнымъ въ Новгородѣ для епархіальныхъ дѣлъ; а можетъ быть онъ и считался по характеру не совсѣмъ удобнымъ для архіерейства. На архіерейскую вакансію архим. Павелъ былъ рекомендованъ лишь въ 1755 году. Высочайшимъ указомъ 8 октября 1754 г. былъ переведенъ въ Суздаль тобольскій митрополитъ Сильвестръ. 11 января 1755 года Синодъ представилъ на тобольскую каѳедру кандидатомъ архим. новгородскаго хутынскаго монастыря Іоасафа, а одновременно на вновь открытую тамбовскую каѳедру вторымъ кандидатомъ юрьевскаго архим. Павла. Но замѣщеніе вакантныхъ каѳедръ на этотъ разъ почему-то сильно задержалось. 3-го іюня 1757 года Синодъ долженъ былъ повторить свой докладъ, но назначеніе опять не состоялось. 2-го августа 1757 г. докладъ былъ поданъ третій разъ, при чемъ на тобольскую каѳедру представлялся первымъ кандидатомъ казанскій раиѳскій архимандритъ Германъ. Но и на этотъ разъ ни тобольская, ни тамбовская каѳедра не были замѣщены. 10 марта 1758 года Синодъ въ четвертый разъ подалъ свое представленіе. На него, наконецъ, 17 апрѣля послѣдовалъ указъ, но сильно измѣнившій синодальное предположеніе. Павла представляли вторымъ кандидатомъ въ Тамбовъ, т. е. онъ имѣлъ мало вѣроятія получить назначеніе. Однако, онъ именно былъ назначенъ, но не въ Тамбовъ, а въ Тобольскъ [1]. Кто измѣнялъ синодскія предположенія,—неизвѣстно. Весьма возможно, что тутъ дѣйствовало вліяніе протоіерея Дубянскаго, чрезъ котораго государыня и по этому дѣлу сносилась съ Синодомъ. 22 мая состоялось нареченіе Павла, а 23 мая—его хиротонія [2]. 23 іюля новый тобольскій митрополитъ получилъ подорожную [3], а 20-го ноября прибылъ въ Тобольскъ [4].

Павелъ Конюшкевичъ получилъ каѳедру, можно сказать, уже на склонѣ дней своихъ, 53 лѣтъ. Онъ получилъ сразу высокое званіе митрополита. Но въ этомъ званіи было больше чести, чѣмъ дѣйствительной привлекательности. Архіереи тобольскіе, хотя именовались митрополитами, но охотно бы помѣнялись мѣстами со многими простыми епископами. То-

---

[1]) Дѣло Арх. Син. 1754 г. № 174. 9 сент.

[2]) Ibid. [3]) Ibid. [4]) „Кіев. Еп. Вѣд.“ 1913 г. № 44, стр. 1121.

больская епархія была весьма обширна, обнимая почти половину Сибири, бѣдна и разноплеменна. Во всѣхъ описаніяхъ Сибири XVIII и даже XIX в. населеніе ея характеризуется весьма темными чертами. Нравы здѣсь были грубы, почти дики; людей образованныхъ—очень мало; масса ссыльныхъ всякаго рода, раскольниковъ, полу-христіанизованныхъ и совсѣмъ нехристіанизованныхъ инородцевъ. Епархіальному архіерею предстояла тяжелая задача: наблюдать за огромной епархіей, пріискивать духовенство, дисциплинировать его, бороться съ расколомъ, просвѣщать инородцевъ, укрѣплять вѣру въ новокрещенныхъ. Ни одинъ сибирскій архіерей не былъ въ состояніи справиться со всѣми своими задачами успѣшно, потому что это было слишкомъ трудно, и всѣ они почти покидали Сибирь при необычной обстановкѣ. Предшественникъ Павла Сильвестръ былъ удаленъ вслѣдствіе жалобъ на него и переведенъ съ пониженіемъ въ Суздаль. Неудивительно, что подобная участь постигла и Павла Конюшкевича.

О дѣятельности Павла Конюшкевича въ Тобольскѣ имѣется очень мало опредѣленныхъ свѣдѣній. Таковыхъ, очевидно, надо искать въ мѣстныхъ архивахъ, а изслѣдователей даннаго предмета еще почти не находилось. Не касаясь пока инкриминируемыхъ Павлу дѣяній, мы найдемъ лишь нѣсколько отрывочныхъ сообщеній о его тобольскомъ служеніи.

Однимъ изъ первыхъ предметовъ попеченія всякаго архіерея XVIII вѣка была организація мѣстнаго духовнаго образованія. Со времени Петра Великаго правительство настойчиво требовало отъ архіереевъ устройства духовныхъ училищъ, а при Аннѣ Іоанновнѣ потребовали непремѣнно заведенія и латинскихъ семинарій. Нѣкоторые епископы, въ томъ числѣ изъ предшественниковъ Павла на тобольской каѳедрѣ, неохотно отзывались на правительственныя побужденія. Митрополитъ Павелъ въ данномъ отношеніи былъ достойнымъ ученикомъ кіевской академіи, матери русскихъ школъ. Тобольская семинарія сдѣлалась предметомъ его вниманія съ самаго начала. Къ концу 50-хъ годовъ семинарія эта, кажется, единственная въ Россіи, еще не успѣла обзавестись полнымъ курсомъ. Въ ней не было высшихъ классовъ философіи и богословія. Отчасти это, конечно, объяснялось тѣмъ обстоятельствомъ, что въ обширной епархіи спросъ на кандидатовъ на церковныя должности былъ такъ великъ, что ждать окончанія семинаристами полнаго курса было некогда. Однако, митр.

Павелъ довелъ семинарію до полнаго состава классовъ, кончая богословскимъ [1]). Благодаря своимъ связямъ съ Кіевомъ, онъ сумѣлъ достать оттуда для семинаріи и ученыхъ монаховъ-учителей, вообще ѣхавшихъ въ Сибирь чрезвычайно неохотно. По его просьбѣ, были посланы въ Тобольскъ въ 1764 году изъ кіевской лавры два ученыхъ іеромонаха—Савватій Исаевичъ и Веніаминъ Бялковскій [2]). Не довольствуясь развитіемъ семинаріи, митр. Павелъ задумалъ образовать въ епархіи цѣлую сѣть низшихъ латинскихъ училищъ [3]). Семинарія въ Тобольскѣ была, во-первыхъ, недостаточно помѣстительна, чтобы вмѣстить всѣхъ сыновей духовенства школьнаго возраста: въ ней помѣщалось лишь до 200 учениковъ; во-вторыхъ же, епархія тобольская, занимавшая всю западную Сибирь, была столь огромна, что духовенству было очень затруднительно изъ отдаленныхъ пунктовъ возить дѣтей въ епархіальный городъ. Въ 1759—1761 г.г. въ тобольской епархіи былъ учрежденъ рядъ такъ называемыхъ «заказныхъ» школъ, расположенныхъ въ «заказахъ». Въ 1759 году были учреждены школы въ Барнаулѣ и Троицкѣ, въ 1760 году—въ Красноярскѣ и Верхотурьѣ, въ 1761 году—въ Екатеринбургѣ, Далматовѣ, Рафаиловѣ. Затѣмъ открылись еще школы и въ другихъ заказахъ—тарскомъ, томскомъ, самаровскомъ, ишимскомъ, туринскомъ. Заказныя школы состояли изъ четырехъ низшихъ классовъ семинаріи: фары, инфимы, грамматики и синтаксимы. Отсюда ученики должны были поступать въ піитическій классъ семинаріи. По распоряженію митр. Павла была составлена инструкція для этихъ школъ. Въ 1763 году митр. Павелъ распорядился ввести въ латинскихъ школахъ обученіе пѣнію. Въ нѣкоторыхъ мѣстахъ вмѣстѣ съ латинскими школами учреждались и славяно-русскія, подготовительныя къ латинскимъ. Митрополитъ наблюдалъ, чтобы духовенство отдавало своихъ сыновей въ школы, чтобы изъ уѣздныхъ школъ ученики отправлялись въ Тобольскъ. Однако, латинскія заказныя школы мало оправдывали свое назначеніе. Учениковъ въ нихъ бывало немного, а главное—латинская наука практически была мало полезна. Огромное большинство

---

[1]) Аскоченскій, Кіевъ, II, стр. 60; Абрамовъ въ „Странникѣ“ 68 г. ноябрь, стр. 6.

[2]) Аскоченскій, II, стр. 60.

[3]) Объ этомъ по документамъ тобольскаго архива въ „Тоб. Еп. Вѣд.“ 1885 г. № 20.

учащихся не доходило до старшихъ классовъ и поступало на церковныя должности. А на что была латынь сибирскому пономарю, діакону, да даже и священнику? Должно быть митр. Павелъ опытомъ убѣдился въ безполезности латыни, и въ послѣдній годъ его управленія епархіей, въ 1767 году латинскія школы въ заказахъ были закрыты, а вездѣ открыты славяно-русскія. Это было ниже рангомъ, но практичнѣе, и для интересовъ епархіи гораздо полезнѣе [1]).

Какъ видно, мѣропріятія митр. Павла относительно церковнаго образованія показываютъ въ немъ человѣка и просвѣщеннаго и заботливаго. Не даромъ «ученымъ» человѣкомъ называетъ его и бывшій въ Сибири въ 1762 году для астрономическихъ наблюденій французскій аббатъ Шопе-де-Трошъ [2]). Въ данномъ отношеніи Павла нельзя ставить на одну доску съ Арсеніемъ Мацѣевичемъ, съ которымъ его любятъ сближать. Къ сожалѣнію, менѣе положительныхъ фактовъ сохранилось изъ епархіальной дѣятельности митр. Павла. Почти все, что пока извѣстно объ его отношеніи къ духовенству, относится къ слѣдственному о немъ матеріалу, конечно, одностороннему. Можно съ несомнѣнностью установить одно: Павелъ былъ строгъ и требователенъ въ поддержаніи церковнаго благочинія. Отъ духовенства онъ требовалъ исполнительности, благоповеденія, и за проступки не стѣснялся налагать суровыя взысканія въ духѣ елизаветинскаго времени. Съ цѣлью пресѣченія злоупотребленій онъ, между прочимъ, по старому обычаю, старался помѣщать вдовыхъ поповъ и діаконовъ въ монастыри и даже постригать въ монахи. Зорко наблюдалъ онъ и за монастырями, желая видѣть въ нихъ, дѣйствительно, обители благочестія. Узнавъ изъ одного донесенія архимандрита Рафаилова Троицкаго монастыря въ 1766 году, что монахи ложатся спать рано, потому что рукодѣлія никакого не имѣютъ, онъ сдѣлалъ распоряженіе: «дабы монахи праздны не были, то онымъ по силѣ ихъ труды налагать, и со временемъ по перемѣнамъ псалтырь съ молитвами и поклоны читать единому искуснѣйшему, а другимъ съ благоговѣніемъ

---

[1]) Біографы приписываютъ м. Павлу, будто по его ходатайству въ 1765 году тобольская семинарія получила штатный окладъ. Но это ошибка: окладъ былъ назначенъ по общему штатному положенію (П. С. П. и Распор. по вѣд. прав. исп., цар. Ек. II, т. I, № 219).

[2]) Историческое обозрѣніе Сибири *Словцова*, кн. II, 1844 г., стр. 14.

слушать, и въ свое время сна употреблять, а не чрезъ мѣру, а табаку отнюдь не мять, и чесноку по калязинскому не толочь, о чемъ во всѣ монастыри съ прописаніемъ случая послать указы» [1]). Свою требовательность митр. Павелъ распространялъ и на мірянъ, когда они оказывались подсудны церковной юрисдикціи. Онъ практиковалъ, напримѣръ, отлученіе отъ церкви за незаконные браки и незаконныя сожительства, весьма ригористически толкуя каноны на этотъ счетъ. Подобный образъ дѣйствій не могъ не навлекать на митрополита нареканій и недовольства. Строгость всегда вызываетъ недовольство, даже когда она соединена съ справедливостью. Но въ положеніи епархіальнаго архіерея такой епархіи, какъ тобольская, гдѣ самъ архіерей физически не могъ за всѣмъ слѣдить и все контролировать, трудно было всегда соблюсти и справедливость.

Кромѣ обычныхъ дѣлъ, сибирскіе владыки, какъ выше сказано, стояли болѣе, чѣмъ какіе-либо другіе архіереи, лицомъ къ лицу съ задачами миссіонерскими. Борьба съ расколомъ и просвѣщеніе инородцевъ были здѣсь первыми задачами. Митр. Павелъ по своему характеру едва ли подходилъ къ роли миссіонера. Взгляды его на задачи миссіи были, видимо, устарѣлы уже для его времени и довольно шаблонны. Онъ не возвышался надъ старыми пріемами административныхъ ограниченій для раскола и не придумалъ ничего лучшаго для миссіи инородческой по сравненію съ прежнимъ. Раскольниковъ въ тобольской епархіи въ 1760 году значилось лишь оффиціально около 6000 чел.; на самомъ дѣлѣ ихъ было гораздо больше. До Екатерины II духовная власть заботилась лишь о томъ, чтобы остановить распространеніе раскола. Но внѣшнія мѣры въ этомъ направленіи мало помогали, а мѣръ органическихъ по тогдашнему состоянію церкви и духовенства и предпринять было почти невозможно. Слово увѣщанія на раскольниковъ не дѣйствовало, потому что малокультурное духовенство не могло сказать «дѣйственнаго» слова. Расколъ быстро росъ, явилось множество потаенныхъ раскольниковъ. По отношенію къ такимъ раскольникамъ, какъ нелегальнымъ, законодательство до Петра III было очень строго: ихъ полагалось подвергать суду и наказанію и за ними не признавалось права на существованіе. Этимъ

[1]) „Кіев. Еп. Вѣд." 1913 г. № 51—52, стр. 1293—1294.

духовныя власти ставились въ весьма затруднительное положеніе. Разъ потаенныхъ раскольниковъ велѣно было сыскивать, слѣдить за непоявленіемъ таковыхъ, то «сыскъ» становился уже обязанностью. А если найденные раскольники увѣщаній не принимали, то чѣмъ же было воздѣйствовать на нихъ, какъ не принужденіемъ? Законодательство не давало естественнаго выхода, легализаціи непреклонныхъ раскольниковъ. Дѣло въ томъ, что хотя въ свое время раскольники были записаны въ двойной окладъ, но вовсе не дозволялось еще этимъ всѣмъ желающимъ и вновь записываться. Петровское законодательство хотѣло какъ бы фиксировать число раскольниковъ, воспретивъ его увеличеніе. Императоръ Петръ III измѣнилъ правительственное отношеніе къ расколу въ сторону большей терпимости. Изъ указа 29 января 1762 года видно, что государь намѣревался дать всѣмъ раскольникамъ свободу исповѣданія своей вѣры. Сенатскимъ указомъ 1 февраля 1762 года было велѣно поэтому прекратить всѣ начатыя о раскольникахъ слѣдствія. Но эти распоряженія были неопредѣленны. Слѣдствія о раскольникахъ прекращались, а старыя узаконенія о нихъ не отмѣнялись. Екатерина II манифестомъ 22 октября 1762 г. подтвердила распоряженіе объ уничтоженіи слѣдственныхъ дѣлъ о раскольникахъ и велѣла освободить всѣхъ находящихся подъ карауломъ. Въ 1763 году при новой переписи населенія раскольникамъ дозволено было заявлять о себѣ и записываться въ двойной окладъ, т. е. легализоваться. Въ декабрѣ 65 года Сенатъ потребовалъ у Синода закрытія всѣхъ учрежденныхъ по раскольническимъ дѣламъ комиссій. Но и въ распоряженіяхъ Екатерины оставались недомолвки, которыя на практикѣ вызывали большія недоразумѣнія. Не было сказано, имѣютъ ли право записываться желающіе въ расколъ и впредь, послѣ переписи 1763—1764 г. и послѣ указаннаго тогда срока, а если не имѣютъ, то что съ ними дѣлать. Не были отмѣнены опять-таки и всѣ прежнія узаконенія, такъ что по буквѣ закона къ вновь появляющимся раскольникамъ, не попавшимъ въ перепись, слѣдовало примѣнять всю прежнюю систему сыска и наказанія.

Въ такихъ условіяхъ долженъ былъ дѣйствовать митрополитъ Павелъ по отношенію къ раскольникамъ. Нѣтъ ничего удивительнаго, что до 1762 года онъ дѣйствовалъ такъ, какъ принято было дѣйствовать по закону. Поэтому, когда въ

1760 году открылось существованіе потаенныхъ раскольниковъ на Уралѣ, то Павелъ учредилъ въ Екатеринбургѣ для обнаруженія таковыхъ особую комиссію [1]). По сообщенію екатеринбургской судныхъ и земскихъ дѣлъ конторы въ главное правленіе заводовъ, слѣдственной комиссіи было велѣно слѣдующее: «Здѣсь въ Екатеринбургѣ и вѣдомства онаго въ прочихъ заводахъ о находящихся раскольникахъ, неправильно женившихся и вѣнчанныхъ въ лѣсахъ потаенными раскольническими попами, такихъ и послѣ ревизіи о вновь рожденныхъ дѣтяхъ произвесть въ той комиссіи въ неотлагательномъ времени, въ силу именныхъ ея Импер. Величества указовъ, слѣдствіе... Буде кто по какимъ-либо доносамъ и обличеніямъ окажется въ подозрѣніи, брать въ ту комиссію и допрашивать, ежели же до пряма окажется, что они раскольники такъ учинили, въ противность святыхъ апостолъ и богоносныхъ отецъ правилъ, правъ государственныхъ и ея Императорскаго Величества Высочайшихъ указовъ, таковыхъ раскольниковъ содержать кованныхъ въ ручныхъ и ножныхъ кандалахъ, подъ особымъ и неослабнымъ карауломъ» [2]). Митр. Павелъ донесъ объ образованіи комиссіи Синоду и просилъ его утвержденія. «Не соблаговолитъ ли Св. Синодъ, писалъ онъ отъ 5-го іюня 1761 г.,—для способнѣйшаго удоба возможнѣйшаго раскольническихъ поповъ и происходившихъ отъ нихъ дѣйствъ изысканія и истребленія, чтобы въ епархіи нашея оная прелесть долѣе не размножалась... быть особо учрежденной на то въ Екатеринбургѣ комиссіи. Это признается мною за лучшее къ скорому тѣхъ раскольниковъ искорененію потому что о сыску таковыхъ прелестниковъ пока еще по командамъ идетъ время въ перепискахъ, а за дальность разстояній и въ пересылкахъ, они раскольники прежде времени свѣдавъ, укрываются въ другія, имъ свѣдомыя мѣста и прельщая простой народъ сгорѣнію предаютъ, а сами оставшимися отъ нихъ пожитками, заграбливая оныя, корыстуются и богатѣютъ, и такъ съ мѣста на мѣсто переходя, лжеученіе свое разсѣваютъ и сожженіе отъ времени до времени усугублять крайне не унимаются. И ежели комиссія учреждена и уполномочена будетъ, то оная, кто-бъ къ тому слѣдствію по раскольническимъ дѣламъ ни вознадобился, могла сама собою

---

[1]) О ней въ „Тоб. Еп. Вѣд.“ 1888 г. № 7—8.

[2]) „Тоб. Еп. Вѣд.“ 1888 г. № 7—8, стр. 142.

яхъ сыскивать въ скоромъ времени безъ упущенія и разглашенія, такъ чтобъ оные раскольническіе льстецы и свѣдать о себѣ, а потомъ куда-либо скрыться не могли. А если такого учрежденія опредѣлено не будетъ, то за вышеписанными обстоятельствами и разнообразными препятствіи никакимъ образомъ искоренить и въ противныхъ церкви святого и государственнымъ правомъ дѣйствахъ совершенно изведать и изыскать отнюдь неудобно, развѣ что одинъ только можетъ въ такихъ слѣдствіяхъ произойти трудъ безъ всякаго благополезнаго для церкви Христовы пріобрѣтенія» [1]). Такимъ образомъ, преосв. Павелъ учреждалъ комиссію, главнымъ образомъ, для сыска раскольническихъ главарей и пропагандистовъ и въ полномъ убѣжденіи въ ея необходимости. Къ Синоду онъ обращался за утвержденіемъ въ цѣляхъ приданія комиссіи большаго авторитета и большихъ полномочій; учредить же слѣдственную комиссію мѣстнаго епархіальнаго значенія онъ имѣлъ право и самъ. Соображеніе митр. Павла объ удобствахъ мѣстнаго разслѣдованія сами по себѣ были совершенно справедливы. Преосвященный желалъ, между прочимъ, изъятіемъ раскольническихъ главарей именно отвратить самосожженія. Что касается пріемовъ дѣятельности комиссіи, то, какъ оказалось впослѣдствіи, вышеприведенное предписаніе объ обращеніи съ послѣдственными было вымышлено уже мѣстными духовными чиновниками [2]). Держать ихъ въ оковахъ вовсе не предписывалось. Словомъ, преосвященный учреждалъ комиссію съ лучшими намѣреніями, хотя бы и недальновидно.

Св. Синодъ ничего не отвѣтилъ на представленіе митр. Павла [3]), т. е. онъ не далъ своего одобренія. Но молчаніе не было и запрещеніемъ: Синодъ могъ бы отмѣнить распоряженіе преосвященнаго. Очевидно, Синодъ остерегался дать формальное утвержденіе, и понятно почему: когда онъ получилъ доношеніе Павла, въ Сенатѣ и Синодѣ уже разсматривались жалобы на дѣйствія комиссіи. Однако, разъ не было запрещенія, Павелъ имѣлъ полное основаніе оставить комиссію по своему усмотрѣнію. Бѣда была только въ томъ, что исполнителями хорошихъ намѣреній оказались плохіе люди, и комиссія совершенно не оправдала оказаннаго ей довѣрія. Авторъ статьи о комиссіи въ Тоб. Еп. Вѣдом. приводитъ до-

---

[1]) Ibid., стр. 143. [2]) Ibid., стр. 155. [3]) Ibid., 143.

кументальныя доказательства допущенныхъ ею злоупотребленій. Члены комиссіи оказались нечестными людьми и повели дѣло и неумѣло и корыстно. Команда комиссіи забирала подозрѣваемыхъ лицъ безъ достаточныхъ доказательствъ, иногда забирали, чтобы получить взятки; за взятки же освобождали завѣдомыхъ раскольниковъ. Забранныхъ держали по долгу въ оковахъ и заключеніи, допросы производили съ пытками и пристрастіемъ. Многихъ высылали затѣмъ въ Тобольскъ, въ консисторію, за 500 верстъ, что было мучительно для арестованныхъ и еще больше удлиняло ихъ мытарства. Вдобавокъ члены комиссіи перессорились между собою и доносили другъ на друга архіерею [1]).

Злоупотребленія комиссіи скоро же вызвали жалобы на нее, при чемъ на защиту раскольниковъ стало мѣстное свѣтское начальство. Оренбургская губернская канцелярія въ 1761 году доносила Сенату о полученныхъ ею отъ Исетской провинціальной канцеляріи свѣдѣніяхъ. Исетская канцелярія сообщала, что въ тобольскую духовную консисторію забираются подозрѣваемые въ ереси и расколѣ до 35 человѣкъ въ одномъ округѣ, на самомъ дѣлѣ ни въ чемъ неповинные; что и прежде забираемые въ тобольскую консисторію, яко бы по таковымъ же дѣламъ, держась долговременно, послѣ, какъ видно, изъ одного вымогательства, отпущаются, а прочіе понынѣ тамъ и оттого изъ нихъ нѣсколько прошлаго 1760 года декабря 14 числа и сожглись». Канцелярія приводила нѣсколько фактовъ забиранія по подозрѣнію въ расколѣ крестьянъ десятками присланными отъ тобольской консисторіи командами, при чемъ «многіе между раскольниками безвинные взяты въ Тобольскъ и въ заключеніи претерпѣваютъ голодъ и мученіе»; многіе «предаютъ себя сгорѣнію отъ присылаемыхъ командъ грабительства и разоренія». Выслушавъ донесеніе провинціальной канцеляріи, Сенатъ приказалъ: «Въ Св. Синодъ съ прописаніемъ онаго оренбургской губернской канцеляріи доношенія, сообщить вѣдѣніе, въ которомъ написать, что изъ того обстоятельства Св. Синодъ самъ ясно усмотрѣть можетъ, какимъ образомъ тобольская духовная консисторія весьма неприличные поступки противъ означенныхъ исетскихъ жителей оказываетъ..., и какое великое отъ такихъ непоря-

[1]) „Тоб. Еп. Вѣд." 1888 г. № 7—8. Статья И. Сырцова: „Самосожигательство сибирскихъ старообрядцевъ въ XVII и XVIII в.в.".

дочныхъ поступковъ и забиранія оныхъ жителей въ Тобольскъ и содержанія въ заключеніи и отъ чинимыхъ разореній душегибельное сожженіе и смятеніе народа послѣдовало, чему главною причиною не иной кто, какъ токмо единственно тобольская консисторія; и требовать отъ онаго Св. Синода, дабы о всемъ томъ безъ надлежащаго изслѣдованія и должнаго о виновныхъ опредѣленія оставлено не было, и что дѣйствительно явится и учинено будетъ, о томъ бы въ Сенатъ благоволено было сообщить..., того ради и во всѣ подчиненныя св. Синоду мѣста приказано бъ было накрѣпко подтвердить, дабы духовныя команды и персоны отъ таковыхъ неприличныхъ должности ихъ поступокъ имѣли воздержаніе и развращенныхъ на путь истины приводили и усмиряли мечомъ духовнымъ; а когда кто изъ раскольническихъ лжеучителей и наставниковъ гдѣ окажутся, то немедленно таковыхъ однихъ, какъ наивозможно скрытнымъ образомъ, безъ всякаго въ тѣхъ мѣстахъ народнаго безпокойства и помѣшательства отъ подлежащихъ командъ брать подъ караулъ и, кѣмъ надлежитъ, изыскивать и поступать, какъ духовныя права и гражданскія узаконенія повелѣваютъ». Сибирской канцеляріи Сенатъ запретилъ посылать свои команды для забиранія жителей по чьймъ бы то ни было требованіямъ безъ сношенія съ оренбургскою губернскою канцеляріею [1]). Указъ Сената состоялся 19 іюня. Въ Св. Синодѣ же жалобы на тобольскую консисторію были получены и слушаны еще раньше и Синодъ еще 11 мая 1761 года опредѣлилъ послать преосвященному тобольскому Павлу указъ, дабы онъ въ забираніи принадлежащихъ и потребныхъ къ слѣдствію раскольниковъ поступалъ на основаніи состоявшихся о томъ государственныхъ правъ и указовъ. Получивъ сенатское вѣдѣніе, Синодъ постановилъ послать Павлу вторичный указъ о томъ же и распорядился произвести слѣдствіе о незаконныхъ поступкахъ, сообщенныхъ въ сенатскомъ вѣдѣніи. Въ то же время, однако, Синодъ отнесся къ сенатскому сообщенію и не очень предупредительно. Сенатъ требовалъ общаго распоряженія по всѣмъ епархіямъ, Синодъ же на это далъ реплику, что духовныя команды и персоны и такъ имѣютъ должность знать государственныя узаконенія и важность ихъ, и слѣдовательно по

---

[1]) П. С. З. № 11277. П. С. Пост. и Расп. по вѣд. прав. исп., царств. Елизав., т. IV, № 1718.

одному частному случаю нѣтъ нужды дѣлать общее распоряженія. Затѣмъ Синодъ замѣчалъ, что самый случай злоупотребленій еще не изслѣдованъ и нуждается въ провѣркѣ. Между прочимъ на счетъ забиранія невинныхъ, какъ говорила исетская канцелярія, Синодъ замѣчалъ, что свѣтскія команды тутъ легко могутъ ошибаться, вслѣдствіе скрытности раскольниковъ. Митроп. Павелъ какъ разъ въ январѣ доносилъ Синоду, что послѣдователи «богопротивной квакерской ереси» притворятся православными, будучи еретиками. Наконецъ, Сенатъ наклонялъ въ своемъ указѣ дѣло такъ, что сыску и привлеченію къ слѣдствію подлежатъ одни раскольническіе учители. Синодъ на это возражалъ, что по указамъ Петра Великаго отъ слѣдствія не изъемлются и рядовые раскольники [1]). Синодъ, видимо, склоненъ былъ поддержать м. Павла, не защищая, конечно, злоупотребленій. Но Сенатъ имѣлъ возможность проводить свои взгляды и помимо Синода, чрезъ свѣтскихъ властей. Онъ такъ и дѣлалъ. Вскорѣ послѣ доношенія оренбургской губернской канцеляріи, въ Сенатъ поступила жалоба генералъ-поручика графа Воронцова уже прямо на екатеринбургскую комиссію о раскольникахъ, что она «забираетъ собою, чрезъ посланныя отъ себя команды, приписныхъ къ Верхъ-Исетскому желѣзному заводу крестьянъ и, въѣзжая въ ихъ деревни, грабятъ домы и все имѣніе, и ихъ бьютъ и мучатъ немилосердно и сажаютъ въ цѣпяхъ подъ караулъ». Сенатъ тогда послалъ указы въ главную заводскую и сибирскую губернскую канцеляріи, чтобы онѣ жителей отъ такихъ имъ чинимыхъ раззореній прилежнѣйше защищали и ни за чѣмъ посланныхъ отъ реченной раскольнической комиссіи командъ въ ихъ жительства въѣзжать не допускали». Сибирской губернской канцеляріи предписывалось кольми паче «самой для забиранія тѣхъ жителей, безъ сношенія съ присутственными мѣстами, «не только командъ не давать, но и ни малѣйшаго въ томъ духовнымъ командамъ вспомоществованія не чинить подъ опасеніемъ неупустительно штрафа» [2]). Свѣтскія власти ставились такимъ образомъ на враждебную ногу къ духовнымъ и духовныя начальства дѣйствительно оставались при одномъ мечѣ духовномъ.

---

[1]) Ibid. № 1724.

[2]) Собраніе постановленій по части раскола, т. I, 10 авг. 1761.

Исполнители порученій митр. Павла, несомнѣнно, были неправы. Но едва ли справедливо его самого считать виновникомъ злоупотребленій. Ни жестокостей, ни вымогательствъ митрополитъ не одобрялъ и не покрывалъ. Когда до владыки дошли свѣдѣнія о жестокомъ обращеніи комиссіи съ раскольниками, то тобольской консисторіи велѣно было разслѣдовать и главному виновнику злоупотребленій свящ. Алексѣеву чинили допросъ: «почему онъ съ товарищами писали екатеринбургской судной земскихъ дѣлъ конторѣ, что будто бы дана имъ такая инструкція, чтобы раскольниковъ содержали скованными въ ручные и ножные кандалы подъ особымъ и неослабнымъ карауломъ, не объясняя подъ чьимъ оные судомъ состоятъ, чего вамъ отъ консисторіи никогда въ инструкціи повелѣваемо не было? Ты жъ священникъ Алексѣевъ съ копіистомъ Михневскимъ въ какія именно времена и для чего одни по часту разъѣзжая около деревень Шартанской, Сарапульской и Становской и кого при томъ разъѣздѣ можете поймать, бивъ и увозили?» [1]). Павелъ замѣнялъ однихъ членовъ комиссіи другими, дѣлалъ имъ предписанія [2]); но онъ, видимо, ничего не могъ подѣлать съ составомъ своихъ подчиненныхъ. Правда, м. Павелъ въ принципѣ одобрялъ прежнюю политику правительства по отношенію къ расколу и съ сокрушеніемъ доносилъ Синоду, когда ему пришлось освободить всѣхъ колодниковъ и прекратить всякія слѣдствія о раскольникахъ послѣ указа Петра III [3]). Но отсюда поспѣшно дѣлать выводъ, что онъ одобрялъ жестокость и насиліе. Преосвященный, несомнѣнно, былъ убѣжденъ, что безъ внѣшнихъ ограниченій и принудительнаго пресѣченія раскольнической пропаганды борьба съ расколомъ невозможна. Однако, такое убѣжденіе администратора не характеризовало еще его какъ человѣка. По существу дѣла, дѣйствительно, въ тогдашнихъ условіяхъ духовныя власти безъ вещественнаго меча были безсильны. Вопросъ, значитъ, былъ только въ томъ, слѣдуетъ ли подвергать расколъ преслѣдованію, или предоставить раскольникамъ свободу вѣры. Екатерининское правительство и нѣкоторые духовные дѣятели екатерининскаго времени рѣшали этотъ вопросъ въ положительномъ смыслѣ. Но люди старой школы и старыхъ традицій дѣлали иначе. Они могли

---

[1]) „Тоб. Еп. Вѣд.“ 1888 г. № 7—8, стр. 155. [2]) Ibid.
[3]) Ibid., стр. 165.

ошибаться, съ нашей точки зрѣнія. Но сильно упрекать ихъ за подобную ошибку тоже нельзя. Впрочемъ, послѣ указовъ 1762 года, вольно или невольно, митр. Павелъ измѣнилъ свою тактику. Онъ уже заботился только о томъ, чтобы раскольники «противныхъ поступковъ» не оказывали и предписывалъ лишь «всемѣрно ихъ увѣщевать ко обращенію ко святой церкви» [1]).

Мѣропріятія преосв. Павла противъ раскола оказались, такимъ образомъ, неудачны скорѣе не по его винѣ. То же самое слѣдуетъ сказать и относительно миссіи среди инородцевъ. Миссіонерское дѣло въ Сибири всегда грѣшило злоупотребленіями миссіонерскихъ агентовъ, которые вдали отъ начальства, въ глухихъ улусахъ, чувствовали себя на просторѣ и святое дѣло обращали въ предметъ корысти. Съ другой стороны, инородцы, недостаточно просвѣщенные, подъ вліяніемъ некрещенныхъ соплеменниковъ, нерѣдко обвиняли миссіонеровъ въ несуществующихъ злоупотребленіяхъ. Жалобы на насильственное обращеніе въ христіанство неслись изъ Сибири постоянно. При предшественникѣ Павла тобольскомъ митрополитѣ Сильвестрѣ Гловацкомъ такихъ жалобъ было нѣсколько [2]); однако, Синодъ относился къ такимъ жалобамъ критически и въ опредѣленіи 12 ноября 1751 года прямо высказалъ: «по многимъ обстоятельствамъ явно есть, что никому нигдѣ иновѣрцамъ невольнаго ко святому крещенію принужденія (кромѣ дальнѣйшаго отъ духовныхъ персонъ таковымъ слова Божія проповѣди), за многими воспретительными указами, чинить невозможно, и не чинится, какъ и изъ присланныхъ отъ онаго преосвященнаго Сильвестра, митрополита тобольскаго, о томъ доношеніе въ Правительствующій Сенатъ довольно усмотрѣть можетъ». И лишь для вящей убѣдительности Синодъ приказывалъ разслѣдовать дѣло [3]). Духовная власть въ Сибири, въ свою очередь, жаловалась на противозаконные поступки инородцевъ, и при митрополитѣ Сильвестрѣ для изслѣдованія ихъ была учреждена въ Тобольскѣ особая комиссія, которая не преминула возвести обвиненія на тобольскую консисторію во взяточничествѣ,

---

[1]) „Кіев. Еп. Вѣд." 1913 г. № 51—52, стр. 1296.

[2]) П. С. П. и Расп. по Вѣд. прав. исп. Царств. Елиз., т. III, № 1259, т. IV, № 1381.

[3]) П. С. П. и Р. Цар. Елиз., т. III, № 1264.

насильномъ крещеніи и проч. Дѣло было, однако, настолько темнымъ, что его прекратили и предъ самымъ прибытіемъ Павла въ Тобольскъ комиссія была закрыта, при чемъ преосвященному Павлу было поручено ликвидировать ея дѣятельность [1]). Подобнаго рода слѣдствія, жалобы и пререканія показывали, что въ миссіи далеко не все благополучно; но они же показывали, что причины неустройства кроются въ условіяхъ сибирской жизни, а не въ отдѣльныхъ личностяхъ.

При митрополитѣ Павлѣ только повторилось то же самое. Въ Сенатъ въ 1760 году опять поступили жалобы о насильственномъ будто бы крещеніи татаръ между прочимъ и въ тобольской епархіи. Сенатъ потребовалъ у Синода указа, «дабы духовныя персоны иновѣрцевъ старались увѣщевать и къ тому святому крещенію, яко весьма душеполезному дѣлу, приводить изъ доброй воли». Синодъ послалъ указы къ архіереямъ казанскому, рязанскому, тобольскому, нижегородскому, вятскому, тамбовскому, астраханскому [2]). Но жалобы не прекращались. Въ 1764 году Сенату жаловались, что въ тобольской епархіи «многіе ясашные доношеніями объявляютъ и просятъ, что имъ духовныя власти—игумены, протопопы, священники и прочіе церковнослужители чинятъ разоренія и берутъ съ нихъ немалыя по разнымъ приметкамъ взятки, также священники и ихъ церковники подъ видомъ къ некрещенымъ татарамъ для проповѣди слова Божія, а къ крещенымъ для смотрѣнія порядочнаго ихъ житія ѣздятъ не только сами, но и жены ихъ на собственныхъ тѣхъ татаръ подводахъ безъ прогоновъ, отъ чего де терпятъ отягощеніе». Сенатъ просилъ «о виновныхъ разслѣдовать и накрѣпко подтвердить, чтобъ посылающіеся въ Сибирь въ ясашные улусы и волости для проповѣди слова Божія священнаго чина люди подводъ отнюдь отъ обывателей не требовали и взятки и разоренія не чинили, и тѣмъ бы вмѣсто проповѣди слова Божія и приведенія тѣхъ иновѣрцевъ въ вѣру греческаго исповѣданія и паче въ раскаяніе ихъ и худыя мысли не приводили». Свѣтскимъ командамъ Сенатъ приказалъ «стараться тѣ, яко безгласные, народы отъ всякихъ обидъ и притѣсненій защищать». Синодъ послалъ митрополиту Павлу указъ, «чтобъ его преосвященство въ означенные ясашные улусы, къ некрещенымъ для

[1]) Дѣло Арх. Син. 1757 г. № 298. 17 февр.

[2]) П. С. П. и Р. Цар. Елиз., т. IV, № 1689.

проповѣди слова Божія, такъ и къ новокрещенымъ для утвержденія ихъ, проповѣдниковъ посылалъ на опредѣленномъ имъ казенномъ жалованьѣ безъ всякаго отъ тѣхъ татаръ подводъ и другаго какого-либо требованія, и о томъ бы при посылкѣ ихъ накрѣпко имъ подтверждалъ, а ежели кто въ каковыхъ хотя малѣйшихъ противъ того погрѣшностяхъ и въ чинимыхъ тѣмъ татарамъ обидахъ окажется, о тѣхъ бы, также и нынѣ кто чѣмъ ясашнымъ татарамъ каковыя обиды дѣлалъ, то объ нихъ чиня справедливыя немедленно слѣдствія поступалъ съ ними по законамъ безъ всякаго упущенія» [1]). Но митрополитъ Павелъ съ своей стороны и такъ воспрещалъ всякія злоупотребленія, такъ что если таковыя существовали, то помимо его воли. Онъ требовалъ отъ миссіонеровъ «невѣрнымъ народамъ проповѣдывать слово Божіе и проводить ихъ въ познаніе Единаго Тріипостаснаго Бога, въ Троицѣ Святой славимаго и поклоняемаго отъ всея твари—Отца и Сына и Святаго Духа—и призывать ихъ пристойнымъ образомъ и чиномъ апостольскаго учительства, съ подлежащимъ увѣщаніемъ и со обнадеживаніемъ высочайшей ея и. вел—а милости, добровольно и съ ласкою безъ озлобленія... Тѣхъ изъ нихъ, которые добровольно пожелаютъ крещенія, просвѣщать святымъ крещеніемъ, не отягощая ихъ на первый случай, кромѣ самыхъ краткихъ и нужныхъ молитвъ, изученіемъ, только смотрѣть къ тому ихъ христіанской вѣрѣ воспріятію одного намѣренія и склонности; а потомъ уже, когда крестятся, преподавать имъ довольное наставленіе и обучать молитвамъ и кратко жъ толковать о вѣрѣ, надеждѣ и любви къ Богу и ближнему, вводить въ нихъ христіанскіе обычаи съ привѣтомъ же и ласкою, дабы чрезъ то другимъ придать къ святому крещенію охоту, и для того всячески стараться тѣхъ новокрещенныхъ защищать и до обидъ и озлобленія не допущать» [2]). Но что же было дѣлать, когда предписанія и законы были святы, да исполнители то ихъ иногда встрѣчались «лихіе супостаты».

Митр. Павелъ съ своей стороны жаловался на сибирское свѣтское начальство, что оно мало содѣйствуетъ ему въ миссіонерскихъ заботахъ. Въ сентябрѣ 1764 года въ Синодѣ слу-

---

[1]) П. С. П. и Р. Царст. Екат. II, т. I, № 196. 2 августа 1764 г.

[2]) Отрывокъ изъ инструкціи демьянскому и нарымскому протопопамъ въ „Кіев. Еп. Вѣд." 1913 г. № 31—52, стр. 1298.

шалось его доношеніе, которымъ онъ сообщалъ, что въ гор. Тобольскѣ татары и бухарцы, «у русскихъ дворы покупивъ и подъ закладъ и въ кортому по попущенію сибирской губернской канцеляріи побрали и во оныхъ съ своимъ семействомъ въ разныхъ приходахъ разселившись жительство имѣютъ явно на соблазнъ христіанамъ и въ противность грамотамъ и указамъ..., въ чемъ де ежели не воспретится, то могутъ они татары, по попущенію той сибирской губернской канцеляріи и вящше прежняго между святыхъ церквей, и между христіанами селитися и соблазнъ по ихъ басурманскимъ обычаямъ производить». Павелъ просилъ, чтобъ велѣно было выслать этихъ татаръ. Синодъ, однако, нашелъ, что это не въ его компетенціи, и ракомендовалъ Павлу обратиться къ сибирскому губернатору, т. е. къ той инстанціи, на попустительство которой митрополитъ и жаловался [1]).

Что касается внутренней организаціи миссіи, то измѣнить ея плохую постановку къ лучшему митр. Павелъ былъ не въ состояніи. Само правительство почти не заботилось о миссіи, а мѣстныя средства послѣ секуляризаціи были ничтожны. Въ 1764 году были въ тобольской епархіи учреждены двѣ должности спеціальныхъ проповѣдниковъ миссіонеровъ, хотя и не по особому ходатайству митр. Павла, какъ говорятъ его біографы, а по общему предположенію центральной власти [2]). Имъ было назначено жалованье, но объ аккуратномъ производствѣ его не позаботились. Когда Синодъ 19 мая 1768 г. постановилъ затребовать свѣдѣнія изъ епархій о проповѣдникахъ среди иновѣрцевъ, то изъ тобольской епархіи донесли слѣдующее. Проповѣдники съ 1765 года были опредѣлены. Однимъ изъ нихъ былъ, съ 1765 г. до января 68 г., протоіерей тобольскаго каѳедральнаго собора Никита Арамильскій, человѣкъ сравнительно образованный: окончилъ философію и состоялъ 12 лѣтъ учителемъ семинаріи. Въ январѣ 1768 г. онъ, какъ человѣкъ очень занятой, былъ замѣненъ вдовымъ протоіереемъ, бывшимъ закащикомъ гор. Нарыма, Аѳанасіемъ Туясовымъ, учившимся до реторики въ тобольской семинаріи. Но, — замѣчала консисторія (спустя полгода послѣ назначенія)—къ проповѣди онъ еще не приступалъ, такъ какъ консисторія не получала проповѣдническаго жалованья начиная

[1]) П. С. П. и Расп. Цар. Ек., т. I, № 203.
[2]) Дѣла Арх. Св. Син. 1767 г. № 297; 1769 г. № 305.

съ послѣдней трети 1766 г. Отсюда можно заключить, что съ того же времени, навѣрно, прекратилъ проповѣдничество и Арамильскій. Вторымъ проповѣдникомъ въ 65 году былъ опредѣленъ м. Павломъ священникъ гор. Красноярска Алексѣй Михайловскій, учившійся тоже до реторики и бывшій 3 года семинарскимъ учителемъ. Но едва ли онъ проповѣдывалъ безъ жалованья, хотя консисторія о томъ умалчивала [1]). Не удивительно, что при такихъ условіяхъ миссія упала по сравненію съ прежнимъ временемъ даже и Сильвестра, до секуляризаціи. Въ 1753 году въ тобольскй епархіи, напримѣръ, крестилось 462 чел., въ 1764 г.—361 чел. [2]). А по доношенію тобольской консисторіи 1768 года, въ 1765 году было крещено иновѣрцевъ 167 чел., въ 66 г.—43 чел., 67 г.—97 чел., въ 68 г.—30 чел. [3]). Но едва ли тутъ былъ виноватъ м. Павелъ: бѣдная тобольская каѳедра послѣ отобранія имѣній рѣшительно не въ состояніи была на свой счетъ поддерживать миссіонерское дѣло.

На верху болѣе интересовались созданіемъ хорошаго въ новомъ, екатерининскомъ духѣ, наказа для миссіонеровъ, чѣмъ вопросомъ о томъ, существуютъ ли и какъ таковые миссіонеры. Жалобы по свѣтскому начальству на дѣйствія сибирскихъ проповѣдниковъ въ 64 году не прошли не замѣченными правительствомъ и по высочайшему повелѣнію была образована комиссія подъ предсѣдательствомъ преосв. новгородскаго Димитрія для изысканія мѣръ къ прекращенію злоупотребленій и учрежденію такого порядка, «который бы впредь согласовалъ во всемъ проповѣди евангельской». Эта комиссія сочинила двѣ инструкціи—для сибирскаго архіерея и для проповѣдниковъ и особый молебенъ, который должно пѣть при отправленіи ихъ на проповѣдь. Но послѣ смерти преосвящ. Димитрія въ декабрѣ 1767 года труды комиссіи были отданы для пересмотра новой комиссіи изъ Иннокентія, еп. псковскаго, Варлаама, новаго епископа тобольскаго (послѣ Павла), и Гавріила, еп. тверского. 26 ноября 1768 года комиссія представила государынѣ докладъ съ исправленными ею инструкціями и проч.

Комиссія выяснила всѣ злоупотребленія, допускавшіяся

---

[1]) Дѣло А. С. 1767 г. № 297.

[2]) П. Сумароковъ. Миссіонерство въ Сибири. СПБ. 1885 г. стр. 50.

[3]) Дѣло А. С. 1767 г. № 297.

проповѣдниками. Именно, вмѣсто того, чтобы начинать проповѣдь съ мѣстъ, близкихъ къ городамъ, проповѣдники отправлялись въ мѣста отдаленныя и дикія, проповѣдовали здѣсь на русскомъ языкѣ инородцамъ, не знающимъ того языка, крещеныхъ оставляли безъ всякаго наставленія, такъ что они почитали за божество бумагу, на которой былъ написанъ символъ вѣры. Возвращаясь къ новообращеннымъ, проповѣдники дѣлали привязки, подкидывали посуду, намоченную масломъ, молокомъ, и лошадиныя кости, и затѣмъ учиняли сыскъ, якобы за исполненіе языческихъ обрядовъ, возили съ собою въ колодкахъ обвиненныхъ и всячески вымогали у нихъ для своего обогащенія, привлекаемые къ суду инородцы изнурялись слѣдствіемъ и волокитой. Все это препятствовало успѣху проповѣди.

Новая инструкція требовала прежде всего отъ архіерея, чтобы онъ впредь не допускалъ никакихъ подобныхъ безпорядковъ, и предписывала ему слѣдующее. Проповѣдникамъ не давать воли ѣздить по своему усмотрѣнію, куда они пожелаютъ, а составить извѣстный планъ, съ описаніемъ мѣстностей, гдѣ имѣются иновѣрцы и какіе. Затѣмъ указывать проповѣдникамъ опредѣленный маршрутъ и наблюдать, чтобы они начинали проповѣдь съ мѣстъ ближайшихъ къ городу, гдѣ пребываетъ архіерей, чтобы проповѣдь потомъ распространялась постепенно и обращенные помогали бы проповѣдникамъ своимъ примѣромъ. По окончаніи же проповѣди проповѣдники должны возвращаться тѣмъ же путемъ и укрѣплять въ вѣрѣ вновь обращенныхъ, дѣйствуя съ ослабѣвшими кротко и снисходительно, какъ съ погибшими овцами. Сверхъ указанныхъ каждому проповѣднику мѣстъ не давать имъ права никуда ѣздить, возвращаться въ срокъ и въ случаѣ непредвидѣнной задержки извѣстить о ней заранѣе. Проповѣдниковъ слѣдуетъ выбирать изъ людей неподозрительныхъ въ благонравіи, некорыстолюбивыхъ, кроткихъ, разумѣющихъ основательно силу вѣры и закона. Предъ отправленіемъ на проповѣдь архіерей долженъ самъ отслужить литургію и разъяснять проповѣдникамъ ихъ обязанности, внушая кротость, снисходительность и ласковость къ обращаемымъ. Въ поощреніе проповѣдникамъ предлагалось обнадеживать ихъ награжденіемъ—опредѣленіемъ на лучшія мѣста и повышеніемъ въ чинахъ, что и наблюдать въ дѣйствительности. При отправленіи проповѣдника въ такія мѣста, гдѣ живутъ ино-

вѣрцы, языка которыхъ онъ не знаетъ, давать ему толмача, человѣка честнаго и кроткаго, лучше всего изъ церковнослужителей. Архіерей долженъ наблюдать, чтобъ въ своей дѣятельности проповѣдники слѣдовали данной имъ инструкціи и время отъ времени репортовали объ успѣхахъ, а въ сомнительныхъ случаяхъ просили наставленія. По возвращеніи каждаго проповѣдника, удостовѣрившись объ обращенныхъ, архіерей вписываетъ ихъ въ свою книгу, сообщаетъ губернатору и Синоду и служитъ благодарственное молебствіе съ возношеніемъ именъ обратившихся. Посылать на проповѣдь къ иновѣрцамъ слѣдуетъ лицъ, знающихъ языкъ тѣхъ, къ кому они отправляются. Для пріобрѣтенія таковыхъ принимать изъ обращаемыхъ въ семинарію, съ тѣмъ, чтобы они своего языка никогда не забывали, а самое лучшее—завести для иновѣрцевъ обученіе русской грамотѣ и такихъ обученныхъ потомъ рукополагать къ инородческимъ церквамъ. Службу церковную можно всегда совершать на русскомъ языкѣ, но съ тѣмъ, чтобы символъ вѣры, десятословіе и молитву Господню съ краткимъ объясненіемъ передать иновѣрнымъ вразумительнымъ языкомъ. Такими постепенными и длительными мѣрами можно во второмъ или третьемъ поколѣніи воспитать соотвѣтствующіе плоды, а не строгостью, принужденіемъ или насиліемъ. Въ случаѣ жалобъ на проповѣдниковъ архіерей долженъ самъ произвести строжайшее слѣдствіе и если жалобы окажутся справедливыми, то такихъ вредныхъ учителей, какъ развратителей церкви Христовой, разстригать и наказывать. Для полной справедливости, по требованію жалобщиковъ, въ слѣдствіи должно имѣть участіе и губернское присутствіе. Въ заключеніе инструкція внушала архіерею, что дѣло обращенія иновѣрныхъ не есть простое консисторское, приказное дѣло, но дѣло пастырства, порученнаго отъ Бога, за небреженіе котораго совѣсть архіерейская разрѣшается не иначе, какъ судомъ Божіимъ.

Въ инструкціи проповѣдникамъ указывался подробно весь ходъ ихъ дѣятельности, начертывался планъ учительства, чему и какъ они должны обучать обращаемыхъ. Въ основу клался принципъ строгой постепенности, снисхожденія къ младенческому въ вѣрѣ разуму просвѣщаемыхъ и ихъ нравственнымъ слабостямъ. Поэтому предписывалось не требовать отъ новообращенныхъ сразу соблюденія всѣхъ молитвъ, постовъ, и т. д., а лишь внушить имъ основанія вѣры и нравственности—

любовь къ Богу и ближнему. Въ инструкціи повторялись и всѣ тѣ требованія. какія излагались въ руководствѣ архіерея.

Комиссія предлагала напечатать инструкціи и разослать ихъ во всѣ епархіи, гдѣ находятся иновѣрцы. Синодъ въ таломъ смыслѣ и представилъ докладъ государынѣ. Но государыня именнымъ указомъ 8 янв. 1769 года повелѣла объявить Синоду, чтобы онъ отъ своего имени распорядился привести въ дѣйствіе изложенное учрежденіе въ одной только сибирской епархіи, съ тѣмъ, чтобы узнать изъ этого опыта, какой онъ будетъ имѣть успѣхъ [1]). Вообще все это учрежденіе было вызвано главнымъ образомъ сибирскими жалобами въ бытность митр. Павла. Мысли его, несомнѣнно, были прекрасны. Но если мы сравнимъ его съ инструкціею самаго Павла, то найдемъ въ послѣдней тѣ же основные принципы, только безъ подробностей. Значитъ, въ данномъ случаѣ не было различія взглядовъ на миссіонерское дѣло. Что касается же практическаго осуществленія, то едва-ли самая прекрасная инструкція могла помочь много при отсутствіи средствъ и людей. О средствахъ же правительство умалчивало, а авторы инструкціи полагали больше вознаграждать проповѣдниковъ обѣщаніями будущихъ благъ. Екатерина II рѣзко отзывалась о Павлѣ, считая его виновникомъ миссіонерскихъ безпорядковъ въ Сибири. Но она не вникала въ дѣло глубоко и слишкомъ вѣрила въ силу хорошихъ словъ *).

В. Титлиновъ.

---

[1]) Дѣло А. С. 1769 г. № 305. Кн. именн. ук. Син. Арх. 1769 г. № 1.

*) Окончаніе слѣдуетъ.

Новгородскій и С.-Петербургскій митрополитъ Григорій (Постниковъ) и его заслуги для духовнаго просвѣщенія.

Къ столѣтію перваго выпуска студентовъ С.-Петербургской Духовной Академіи.

ГЛАВА II.

Учебная и учебно-административная дѣятельность митрополита Григорія.—Профессоръ богословія.—Библіотекарь.—Инспекторъ академіи.—Ректоръ.—Профессора и студенты при Григоріи.—Дѣятельность въ епархіяхъ: Калуга, Рязань, Тверь, Казань и С.-Петербургъ.

Изъ студентомъ перваго выпуска (1814 г.) обновленной академіи при каѳедрѣ богословія было оставлено два магистра: Александръ (въ монашествѣ Аѳанасій) Протопоповъ и Георгій (въ монашествѣ Григорій) Постниковъ. Первому, за переводомъ въ Казань (1816 г.), не суждено было въ С.-Петербургской академіи пойти дальше баккалавра. Что же касается второго, то онъ не только достигъ званія ординарнаго профессора, но и профессорствовалъ болѣе 11 лѣтъ (съ 13 августа 1814 года по 4 января 1826 г.). Уже въ 1815 году Григорій преподавалъ классъ богословскихъ наукъ и классъ чтенія Священнаго Писанія [1]). Нужно замѣтить, что эти классы отличались исключительною сложностію. Сюда входили семь предметовъ, которые въ настоящей академіи обслуживаются не менѣе, чѣмъ десятью профессорами. Въ запискѣ о трудахъ учащихъ академіи за 1820 годъ въ богословскомъ классѣ значатся: а) Основанія религіи вообще, религіи языческой, религіи христіанской, и

---

[1]) Внутр. Правл. 1815 г. № 19.

христіанскаго богословія; b) Часть богословія догматическая; c) Христіанское Правовѣдѣніе; d) Часть богословія полемическая; e) Введеніе во всѣ книги Новаго Завѣта; f) Введеніе во всѣ книги апокрифическія и g) Правила Герменевтики [1]). Всѣ эти предметы въ 1814 году поступили въ распоряженіе молодого баккалавра, іером. Григорія [2]). Безусловно, что они требовали много знаній и еще больше труда. Въ недѣлю приходилось читать лекціи отъ 6 до 10 часовъ [3]). Тѣмъ труднѣе было Григорію, что за отсутствіемъ печатныхъ руководствъ ему самому приходилось составлять лекціи сразу по всѣмъ предметамъ своего класса [4]). Впрочемъ, въ первое время этотъ трудъ значительно облегчался мудрымъ руководствомъ профессора богословія и ректора академіи архим. Филарета (Дроздова) [5]). Въ первое время мы не видимъ и не встрѣчаемъ нигдѣ намека на существованіе у Григорія самостоятельнаго конспекта. Вѣроятно, онъ довольствовался конспектомъ Филарета, который обслуживалъ тогда всѣ преобразованныя духовныя школы [6]). Но уже въ 1819 году тотъ же Филаретъ, тогда архіепископъ Тверской, констатируетъ въ своемъ ревизорскомъ отчетѣ полную ученую самостоятельность Григорія, рекомендуя его лекціи особому вниманію К. Д. У. „Способностямъ, образу преподаванія и трудамъ доктора и профессора богословскихъ наукъ, ректора академіи, архимандрита Григорія, писалъ онъ: справедливымъ признаю я дать предъ лицемъ Конференціи свидѣтельство совершеннаго одобренія, и притомъ поставить въ ея вниманіе то, что большая часть преподанныхъ имъ уроковъ обработана собственнымъ его трудомъ. Въ теченіе пяти лѣтъ, въ которыя онъ былъ сперва помощникомъ, а потомъ главнымъ руководителемъ въ классѣ богословскихъ наукъ, онъ обработалъ, частію первоначально, а частію уже окончательно, слѣдующія сочиненія: a) „Введеніе въ чтеніе книгъ Священнаго Писанія". b) „Сокращеніе Герменевтики"; c) „Богословіе догматическое"; d) „Богословское ученіе о должностяхъ"; e) „Богословіе полемиче-

[1]) Внутр. Правл. 1820 г. № 55.

[2]) Проф. Чистовичъ. „Исторія Спб. дух. акад.". 1857 г., стр. 340.

[3] и [4]) Внутр. Правл. 1820 г. № 55.

[5]) Львовъ. „Письма къ Филарету" Спб. 1900, стр. 60.

[6]) Проф. Чистовичъ. „Исторія Спб. дух. академіи", Спб. 1857 г. стр. 272.

ское"; f) „Основанія христіанства"; g) Истолкованіе нѣкоторыхъ частей Священнаго Писанія, какъ-то: начала Евангелія Іоанна, нѣкоторыхъ главъ пророка Исаіи и пр." [1]). Изъ всѣхъ преподаваемыхъ Григоріемъ наукъ особенною любовію его пользовалось догматическое богословіе, на которомъ онъ потомъ спеціализировался. Краткій конспектъ этой науки, составленный самимъ Григоріемъ, таковъ: А) „Ученіе о Богѣ: a) о средствахъ къ познанію Бога; b) о Богѣ, поколику Онъ единъ; c) о Св. Троицѣ. Б) Ученіе о сотвореніи міра. В) Ученіе о провидѣніи Божіемъ. Г) Ученіе объ ангелахъ добрыхъ и злыхъ. Д) Ученіе о человѣкѣ: a) о существѣ человѣка и его первоначальномъ составѣ; b) о падшемъ состояніи человѣка; c) о возстановленіи человѣческаго рода; d) объ условіяхъ къ полученію спасенія; e) о средствахъ, которыя онъ употребляетъ, чтобы привести людей къ истинной вѣрѣ и исправленію жизни; f) о церкви; α) вообще; β) о священнодѣйствіяхъ; γ) о священноначаліи въ церкви, и δ) о церковныхъ законахъ и постановленіяхъ. Е) Ученіе о послѣднемъ состояніи человѣческаго рода и нынѣшняго міра" [2]).

Лекціи, составленныя по этому конспекту, частію были напечатаны, а большею частью, остались въ рукописныхъ тетрадяхъ и предназначались лишь для слушателей Григорія, студентовъ. Впослѣдствіи онѣ распространились по всѣмъ академіямъ и семинаріямъ, являясь важнымъ пособіемъ для преподавателей догматическаго богословія [3]). Отличались онѣ особою подробностью и основательностью [4]). Ихъ открывало пространное введеніе, въ которомъ Григорій излагалъ ходъ развитія догматики на востокѣ и на западѣ [5]). Содержаніе ихъ укрѣплялось на Священномъ Писаніи, свят. Отцахъ и западно-европейскихъ авторитетахъ. Іосифъ Самчевскій, ученикъ Григорія, въ своихъ воспоминаніяхъ говоритъ о пристрастіи Григорія къ англійскимъ богословамъ,

---

[1]) Конф. 1819 г. № 227.

[2]) Филаретъ (Гумилевскій) „Обзоръ духовной литературы", стр. 289; проф. Чистовичъ „Исторія СПБ. дух. академіи", СПБ. 1857, стр. 280.

[3]) Проф. Чистовичъ. „Исторія СПБ. дух. академіи" СПБ. 1857 г., стр 280.

[4]) Проф. Жаменскій. „Прав. Соб." 1885 г. III, стр. 424.

[5]) Кіевская Старина. 1893 г. № 11. Самчевскій „Воспоминанія", стр. 204.

приписывая ему хорошее знаніе этого языка. Сообщеніе Самчевскаго подтверждается напечатанною частью лекцій Григорія, гдѣ онъ неоднократно ссылается на англійскихъ богослововъ [1]), а равно и тѣмъ, что Григорій преподавалъ англійскій языкъ въ академіи (1818 г.) [2]). Напечатанная часть лекцій Григорія помѣщена въ „Христіанскомъ Чтеніи" за 1822 г. ч. VI и содержитъ въ себѣ: а) „Ученіе о Богѣ, поколику Онъ есть единъ"; и в) „Ученіе о Богѣ Отцѣ, Сынѣ Божіемъ и Св. Духѣ, или о Св. Троицѣ". Этотъ догматическій трактатъ является первымъ печатнымъ сочиненіемъ Григорія [3]) и отличается раздѣльностью содержанія и отчетливостью изложенія. Интересно отмѣтить, что текстъ Священнаго Писанія цитируется въ немъ на русскомъ языкѣ. Слогъ лекцій Григорія не блещетъ остроуміемъ и ораторскими красотами. Подвижность мысли и діалектическія тонкости были чужды его уму. Рѣчь его была „проста, тяжеловата, но ясна, положительна и опредѣленна. Онъ говорилъ медленно, устремляя глаза на слушающихъ. Прослушавъ его лекцію, продолжающуюся по тогдашнему по два часа, мы (студенты), выходя изъ класса, такъ хорошо знали ее наизусть, что не находили надобности учить ее впослѣдствіи. Григорій не любилъ витіеватости и краснорѣчія въ сочиненіяхъ, требуя только ясности и основательности" [4]).

Просвѣщенный умъ Григорія не мирился съ этимъ пережиткомъ схоластицизма, равно какъ не мирился онъ и съ другимъ его наслѣдіемъ, съ латинскимъ языкомъ, на которомъ тогда преподавались богословскія науки. Онъ первый началъ преподавать богословіе на русскомъ языкѣ [5]), ибо студентамъ „гораздо труднѣе было слушать по-латыни".

Чтобы быть понятнымъ для студентовъ, профессорамъ по необходимости приходилось быть скупымъ на слово и не выходить изъ предѣловъ учебника фразеологіи" [6]). При чте-

---

1) См. „Христ. Чт." 1822 г., ч. VI, стр. 232, 235, 237 и др.

2) Внутр. Правл. 1818 г. № 36 в.

3) Церк. Лѣтоп. 1860 г. Шавровъ „Преосвящ. Григорій, митроп. Новг. и Спб." стр. 412.

4) Кіев. Стар. 1893 г. № 11. Самчевскій „Воспоминанія", стр. 204.

5) К. Д. У. № 2541; Конф. 1819 г. № 227; проф. Чистовичъ „Руководящіе дѣятели", стр. 252.

6) К. Д. У. № 2542; Журн. „Внутр. Правл." 1820 г. 24 апр.

ніи же лекцій на русскомъ языкѣ „способные слушатели становились еще болѣе способными. Слѣдовательно, открывалась возможность, да вмѣстѣ и надобность, а вмѣстѣ и давнее желаніе не учить питомцевъ академіи, какъ школьниковъ, но говорить имъ лекціи, какъ студентамъ. А это въ свою очередь открывало возможность рѣшительнѣе сосредоточиться на изученіи данной науки, согласно закону „стоять на высотѣ современнаго ея развитія", и рождало твердую надежду встрѣтить въ аудиторіи слушателей, вполнѣ подготовленныхъ къ усвоенію выработаннаго профессоромъ въ кабинетѣ" [1]). Въ К. Д. У. нововведеніе Григорія встрѣтили не всѣ благосклонно. 30 августа, прочитавъ ревизорскій отчетъ Филарета, К. Д. У. подтвердила 50 параграфъ семинарскаго устава, которымъ узаконялся для богословія латинскій языкъ. Такъ какъ въ академическомъ уставѣ подобнаго параграфа не было, то относительно преподаванія богословія въ академіяхъ К. Д. У. положилась на усмотрѣніе ректоровъ, разрѣшивъ одинаково латинскій и русскій языкъ [2]).

Григорію этого только и нужно было: онъ настойчиво продолжалъ ратовать за русскій языкъ. Когда реакція пошла сильнѣе (1825 г.), онъ не побоялся возстать противъ вліятельныхъ и знатныхъ іерарховъ, которые засѣдали тогда въ К. Д. У. и сѣтовали за латинскій языкъ. Разумѣемъ м. м. Серафима С.-Петербургскаго и Евгенія Кіевскаго. Однажды при выходѣ изъ Комиссіи они „съ жаромъ утверждали, что нынѣ латинскій языкъ вовсе брошенъ, что никто не знаетъ его". Случившійся здѣсь Григорій понялъ намекъ и отвѣтилъ на него сильною репликой. „Нынѣ, сказалъ онъ: уже и іезуиты почувствовали свою прежнюю глупость, и они не стоятъ за латинскій языкъ" [3]).

Въ своемъ новшествѣ Григорій не былъ одинокъ: его поддерживалъ авторитетъ Филарета. Въ самый разгаръ поворота къ схоластицизму въ отчетѣ о Московской духовной академіи митрополитъ Филаретъ, хорошо отозвавшись о конспектѣ богословія, представленномъ на русскомъ языкѣ,

---

[1]) Проф.-прот. С. А. Соллертинскій. „Историческая записка о СПБ. дух. акад." СПБ. 1910 г. стр. 21.

[2]) Внутр. Правл. 1819 г. № 69.

[3]) Львовъ, „Письма къ Филарету", СПВ. 1900 г., стр. 83. Письмо отъ 28 апр. 1825 г.

о латинскомъ написалъ, что онъ „ознаменованъ болѣе сухимъ и маловразумительнымъ языкомъ школы, нежели силою истины общевразумительной и полезной“ [1]). Въ это время Григорію пришлось отстаивать и самую лекціонную систему преподаванія въ академіяхъ. Въ К. Д. У. говорили „вотъ что скверно: вездѣ пишутъ уроки; надобно непремѣнно запретить и назначить классическія книги“ (оберъ-священникъ Державинъ). „Не запретить, а вытребовать всѣ писанные уроки и безъ всякаго разбора сжечь“ (м. Серафимъ). „Да, непремѣнно надобно имѣть классическія книги“ (М. Евгеній). Несмотря на столь сильную оппозицію, Григорій остался горячимъ сторонникомъ свободной науки, сторонникомъ лекціоннаго преподаванія, и здѣсь же возражалъ реакціонерамъ, что „ежели сказать, чтобъ никто не писалъ (лекцій), то мы никогда не будемъ имѣть лучшихъ книгъ классическихъ“ [2]).

Важный и даже суровый по внѣшности, Григорій былъ снисходительнымъ на экзаменахъ. Его экзаменаціонные списки представляютъ почти сплошное „очень хорошо“, „успѣховъ весьма хорошихъ“, „довольно хорошо“, „хорошо“, и лишь изрѣдка можно встрѣтить „не худо“ или „посредственно“ [3]). Григорій не ставилъ отмѣтку каждому отдѣльно, а отчеркивалъ цѣлыми десятками и цѣлалъ имъ общую оцѣнку. Тогда это было возможно потому, что самые экзаменаціонные списки составлялись по успѣхамъ студентовъ. Григорій могъ быть и строгимъ, когда того требовали обстоятельства. Въ 1825 году „всѣхъ тѣхъ, которые... не знали значенія хотя двухъ словъ (по греческому языку) онъ отмѣчалъ третьимъ цифромъ“ [4]). Дѣлая это по принужденію, Григорій всегда оставался о студентахъ хорошаго мнѣнія, какъ о людяхъ труда и знанія. Въ отчетѣ объ академіи 1825 года онъ писалъ, что „студенты вполнѣ соотвѣтствовали тому ожиданію, какое должно было имѣть о

---

[1]) Кіев. Стар. 1893 г. № 11. Самчевскій. „Воспоминанія“, стр. 205.

[2]) Львовъ. „Письмо къ Филарету“, СПБ. 1900, стр. 82.

[3]) Внутр. Правл. 1814 г. № 49; 1815 г. № 19; 1816 г. № 25в; 1817 г. № 9а; 1818 г. № 36в; 1819 г. № 8в; 1820 г. № 7; 1821 г. № 122а; 1822 г. № 97; 1823 г. № 95в; 1824 г. № 4в; 1825 г. № 84.

[4]) К. Д. У. № 4001. Ср. проф. Чистовичъ, „Руководящіе дѣятели духовнаго просвѣщенія“, стр. 252.

нихъ при постепенно возвышающемся духовномъ образованіи" [1]).

Какъ профессоръ, Григорій всегда былъ на высотѣ своего положенія. Онъ внимательно слѣдилъ за литературою своей спеціальности, которая появлялась въ Россіи и за границей. Съ 1817 года онъ почти ежегодно представлялъ въ академическое правленіе списки книгъ, нужныхъ ему, какъ профессору, которыя почти всегда покупались [2]). А когда онъ сдѣлался ректоромъ, то выписка книгъ еще усилилась. На книги Григорій не жалѣлъ нерѣдко значительныхъ суммъ. Такъ въ 1820 году онъ истратилъ на нихъ 4.263 руб. 75 коп. [3]). Купленныя въ 1820 году книги были по всѣмъ предметамъ академическаго курса. Въ самомъ порядкѣ выписки этихъ книгъ въ значительной степени сказалось ректорское вліяніе Григорія. Онъ самолично опредѣлилъ купить 99 названій. Для богословскаго класса онъ указалъ 15 названій, а для другихъ онъ оставилъ извѣстное количество пустыхъ номеровъ, предложивъ профессорамъ закончить ихъ. Если количество указанныхъ профессорами названій превосходило количество оставленныхъ имъ номеровъ, то Григорій собственноручно вычеркивалъ лишнее. Если же названій не доставало на пустые номера, онъ добавлялъ [4]). Кромѣ ректорскаго вліянія, этотъ фактъ иллюстрируетъ освѣдомленность Григоріи по всѣмъ отраслямъ академическаго знанія. Инициативѣ Григорія С.-Петербургская духовная академія обязана пріобрѣтеніемъ такихъ важныхъ для богослова и церковнаго историка и очень цѣнныхъ изданій, какъ а) „Acta Sanctorum Bollandi", в) „Martyrologium Supplementum Bollandi", с) Assemani Calendaria Ecclesiae Universae" и d) „Ecclasiastica Historia Thedoreti, Evagrii et Philostorgii" и другія [5]). По обязанностямъ преподавателя англійскаго языка Григорій въ 1818 г. озаботился пріобрѣтеніемъ необходимыхъ руководствъ и по этому классу [6]).

---

[1]) К. Д. У. № 4001; ср. проф. Чистовичъ, „Руководящіе дѣятели духовнаго просвѣщенія", стр. 252.

[2]) Внутр. Правл. 1817 г. № 44; 1820 г. № 49118; 1822 г. № 7; 1823 г. № 87; 1825 г. № 85; ср. К. Д. У. № 3572.

[3]) Внутр. Правл. 1820 г. № 49118.

[4]) См. Внутр. Правл. 1820 г. № 49, 118.

[5]) Внутр. Правл. 1823 г. № 87; К. Д. У. № 3572, л. 1.

[6]) Внутр. Правл. 1818 г. № 3.

Какъ первому доктору богословія, Григорію пришлось много работать надъ разсмотрѣніемъ ученыхъ сочиненій, представляемыхъ его товарищами на соисканіе докторской степени. Въ 1822 году онъ рецензировалъ сочиненіе ректора Кіевской духовной академіи архимандрита Моусея (Платонова): „Уроки по классу Священнаго Писанія, преподанные въ Кіевской духовной академіи". Григорій нашелъ эти уроки „основательными", а автора ихъ „достойнымъ доктора богословія", но къ печати не обобрилъ, „во 1-хъ, потому, что они не всѣ писаны съ одинаковою обстоятельностью..., во-2-хъ потому, что (въ нихъ) есть нѣсколько предметовъ,... которые не принадлежатъ къ существу главнаго предмета". „Сіи уроки, писалъ Григорій: могутъ составить полезную классическую книгу,... если авторъ въ свободное время пересмотритъ ихъ, дополнитъ нужное и исключитъ ненужное" [1]). Въ слѣдующемъ 1823 г. Григорій разсматривалъ уже новую докторскую диссертацію профессора С.-Петербургской духовной академіи, священника Іоакима Кочетова: „Черты дѣятельнаго ученія вѣры". Въ отзывѣ объ этомъ сочиненіи Григорій писалъ, что оно „имѣетъ достоинства, нужныя для такого рода сочиненій. Предметъ осмотрѣнъ довольно хорошо, написанъ вполнѣ, и слогомъ приличнымъ" [2])... Ученыя рецензіи поручались Григорію и послѣ академической службы. Въ 1831 г. К. Д. У. поручила ему разсмотрѣніе Исторіи Шрекка. Григорій основательно выправилъ ее: „многое вычеркнулъ совсѣмъ, многое исправилъ, многое вычеркнулъ и замѣнилъ другимъ" [3]). Очень важное порученіе К. Д. У. дала Григорію въ 1838 г., когда онъ долженъ былъ разсмотрѣть конспекты по церковной исторіи, составленные профессорами—С.-Петербургской (Кочетовъ), Московской (Платоновъ) и Кіевской (Орловъ)—духовныхъ академій. По разсмотрѣніи Григорій нашелъ ихъ неудовлетворительными. К. Д. У., соглашаясь съ заключеніемъ Григорія, распорядилась составить новые конспекты, каковые и были представлены въ 1839 г. [4]).

Учебно-административная дѣятельность Григорія началась съ назначенія его библіотекаремъ академіи (17 августа

---

[1]) Конф. 1821 г. № 240. [2]) Конф. 1823 г. № 175.

[3]) К. Д. У. № 5654, л. 27—30.

[4]) К. Д. У. № 5212; см. у проф. В. В. Титлинова, „Духовная школа въ Россіи въ XIX вѣкѣ", Вильна. 1908 г. в. 1, стр. 168.

1814 г.). Библіотека того времени не могла похвалиться особымъ порядкомъ. Зданіе ея было тѣсно и сыро. Книги были не разобраны. Каталоги не имѣли никакой системы. Молодому библіотекарю не понравились эти порядки, и уже въ слѣдующемъ (1815 году) онъ озаботился составленіемъ новаго каталога [1]). При разборѣ книгъ разряда древнихъ языковъ Григорій нашелъ, что многія книги совершенно излишни для академіи и только затрудняютъ работу библіотекаря. Слѣдствіемъ этого заявленія было то, что 300 экземпляровъ книгъ было передано въ библіотеку С.-Петербургской духовной семинаріи [2]). Въ 1815 г. Григорій предпринялъ ремонтъ помѣщенія библіотеки [3]). Ремонтъ этотъ былъ частичный и мелкій, но съ другой стороны крайне необходимый. Въ томъ же году Григорію было поручено академическимъ правленіемъ пересмотрѣть каталоги книгъ Псковской духовной семинаріи, составленные по образцу, начертанному для библіотекъ духовныхъ [4]). Григорій окончилъ это порученіе, когда былъ уже инспекторомъ. 21 августа 1816 г. онъ представилъ записку о важныхъ недостаткахъ этихъ каталоговъ въ смыслѣ техническомъ; а 31 октября академическое правленіе предписало правленію Псковской духовной семинаріи озаботиться составленіемъ новаго каталога [5]). Любя библіотечное дѣло и особенно книги, Григорій не оставлялъ ихъ и послѣ. Въ 1817 г. онъ принялъ и доставилъ въ академическую библіотеку книги, купленныя у Фесслера [6]). Черезъ его руки нерѣдко проходили книги, выписываемыя изъ-за границы. Такъ въ томъ же 1817 г. онъ получилъ изъ Англіи черезъ Пинкертона книгъ на 521 рубль [7]), а когда Григорій сталъ во главѣ академіи, то онъ прямо облагодѣтельствовалъ академическую библіотеку, пополняя ее необходимыми предметами для обихода [8]) и книгами нерѣдко изъ собственной библіотеки [9]). Книги, не нужныя для академіи, по инціативѣ Григорія, продавались [10]). Въ 1820 г. библіотека была перенесена въ новый академическій домъ.

---

[1]) Внутр. Пр. 1815 г. № 4.
[2]) Внутр. Пр. 1815 г. № 32. К. Д. У. № 1552.
[3]) Внутр. Пр. 1815 г. № 32. [4]) Внѣш. Пр. 1816 г. № 68.
[5]) Ibid. [6]) Внутр. Пр. 1817 г. № 2. [7]) Ibid.
[8]) Внутр. Пр. 1820 г. № 50; 1822 г. № 48.
[9]) Внутр. Пр. 1820 г. № 67; 1823 г. № 79; 1826 г. № 12.
[10]) Внутр. Правл. 1820 г. № 72.

Съ этого времени происходитъ большій внѣшній приростъ книгъ. Книги въ большомъ количествѣ присылаются изъ Департамента М. Н. Пр. [1]), изъ Цензурнаго Комитета С.-Петербургскаго [2]) и Московскаго [3]). Затѣмъ ихъ пріобрѣтаютъ по рекомендаціи К. Д. У. [4]), академическихъ профессоровъ [5]), по различнымъ надобностямъ [6]) и случайно [7]). Нашлось много учрежденій и лицъ, которыя, сочувствуя духовному просвѣщенію, дарили книги академіи. Таковыми были: Московская Синодальная контора [8]), Московская духовная академія [9]), Кіевская духовная академія [10]), С.-Петербургскій университетъ [11]) и Казанскій университетъ [12]). Указанныя учебныя заведенія въ большинствѣ случаевъ присылали обозрѣнія предметовъ испытанія, опытовъ сочиненій студентовъ и журналы торжественныхъ собраній, на что тѣмъ же отвѣчала и С.-Петербургская духовная академія. Изъ лицъ—жертвователей можно назвать Государыню Императрицу Марію Θеодоровну [13]), митрополита Михаила [14]), архіепископа Филарета Московскаго [15]), княгиню Мещерскую [16]), графа Румянцева [17]), графа Хвостова [18]), князя Энгалычева [19]), Дмитріевскаго [20]), Мартынова [21]) и другихъ [22]). Въ 1822 году С.-Петербургская духовная академія, по рекомендаціи К. Д. У.,

---

1) Внутр. Правл. 1820 г. № 3; 1821 г. № 4; 1822 г. № 29; 1823 г. № 5; 1824 г. № 6; 1825 г. № 19.

2) Внутр. Правл. 1820 г. № 33; 1821 г. № 34; 1822 г. № 16, 204; 1823 г. № 9; 1824 г. № 19; 1825 г. № 7.

3) Внутр. Правл. 1820 г. № 84; 1824 г. № 31.

4) Внутр. Правл. 1820 г. № 39, 53, 102, 103, 109; 1821 г. № 45, 59; 1822 г. № 28; 1823 г. № 19, 96; 1824 г. № 21, 85, 1825 г. № 39, 50, 65.

5) Внутр. Правл. 1820 г. № 9, 144; 1821 г. № 85, 86, 93, 104; 1822 г. № 85; 1823 г. № 20; 1824 г. № 30.

6) Внутр. Правл. 1822 г. № 71. 7) Внутр. Правл. 1824 г. № 69.

8) Внутр. Правл 1822 г. № 36.

9) Внутр. Правл. 1822 г. № 56: 1824 г. № 72.

10) Внутр. Правл. 1824 г. № 65, 76.

11) Внутр. Правл. 1824 г. № 45; 1825 г. № 40.

12) Внутр. Правл. 1822 г. № 82; 1823 г. № 40; 1824 г. № 49; 1825 г. № 41.

13) Внутр. Правл. 1819 г. № 19. 14) Внутр. Правл. 1820 г. № 34, 72.

15) Внутр. Правл. 1821 г. № 861. 16) Внутр. Правл. 1820 г. № 68.

17) Внутр. Правл. 1820 г. № 100; 1822 г. № 61.

18) Внутр. Правл. 1824 г. № 65; 1825 г. № 13.

19) Внутр. Правл. 1820 г. № 122. 20) Внутр. Правл. 1820 г. № 113.

21) Внутр. Правл. 1824 г. № 14.

22) Внутр. Правл. 1821 г. № 31, 33, 101; 1822 г. № 74; 1824 г. № 78

подписалась на переводы греческихъ классиковъ, предпринятые г. Мартыновымъ [1]). Чтобы быть въ курсѣ духовныхъ интересовъ общества, С.-Петербургская академія при Григоріи усилила выписку періодическихъ изданій. Послѣднія были самаго разнообразнаго содержанія и свойства: „Сынъ отечества" [2]), „Вѣдомости Россійскія" [3]), „Русскій Инвалидъ" [4]), „Сибирскій Вѣстникъ" [5]), „Журналъ Департамента М. Н. Пр." [6]), „Благонамѣренный" [7]), „Невскій зритель" [8]), „Соревнователь просвѣщенія" [9]), „Вѣстникъ Европы" [10]), „Академическія вѣдомости" [11]), „Московскія вѣдомости" [12]), „Казанскій Вѣстникъ" [13]), „Сѣверный Архивъ" [14]), „Журналъ изящныхъ искусствъ" [15]) и другія [16]). Изъ иностранныхъ журналовъ мы встрѣтили только одинъ—„Conservateur impartial" [17]).

При Григоріи былъ приведенъ въ порядокъ академическій архивъ. Въ 1820 году правленіе академіи назначило двухъ письмоводителей, которые разобрали дѣла по всѣмъ частямъ академической жизни [18]). При разборѣ архива найдено много книгъ, таблицъ и ландкартъ, которыя были отправлены въ академическую библіотеку [19]).

18 марта 1816 года Григорій былъ назначенъ инспекторомъ академіи [20]). Обязанности инспектора въ то время были особенно тяжелы. Инспекторъ являлся единственнымъ воспитателемъ студентовъ. Былъ институтъ „старшихъ", но послѣдніе были такіе же студенты и требовали за собою та-

---

[1]) Внутр. Правл. 1822 г. № 67.
[2]) Внутр. Правл. 1820 г. № 85; 1822 г. № 9.
[3]) Внутр. Правл, 1820 г. № 85; 1822 г. № 9; 1823 г. № 3.
[4]) Внутр. Правл. 1820 г. № 85; 1821 г. № 9.
[5]) Внутр. Правл. 1820 г. № 129; 1823 г. № 92.
[6]) Внутр. Правл. 1821 г. № 9.
[7]) Внутр. Правл. 1821 г. № 9; 1823 г. № 3.
[8]) Внутр. Правл. 1821 г. № 9.
[9]) Внутр. Правл. 1821 г. № 9; 1823 г. № 3.
[10]) Внутр. Правл. 1821 г. № 9; 1822 г. № 9; 1823 г. № 3; 1824 г. № 7.
[11]) Внутр. Правл. 1821 г. № 9; 1824 г. № 7.
[12]) Внутр. Правл. 1821 г. № 9.
[13]) Внутр. Правл. 1821 г. № 15; 1822 г. № 44.
[14]) Внутр. Правл. 1823 г. № 3; 1824 г. № 7.
[15]) Внутр. Правл. 1823 г. № 96.
[16]) См. Внутр. Правл. 1822 г. № 9; 1823 г. № 3; 1824 г. № 7.
[17]) Внутр. Правл. 1820 г. № 85; 1822 г. № 9; 1823 г. № 3; 1824 г. № 7.
[18]) Внутр. Правл. 1820 г. № 94. [19]) Внутр. Правл. 1820 г. № 130.
[20]) Внутр. Правл. 1816 г. № 15.

кого же инспекторскаго надзора. Немудрено, что инспекторъ совсѣмъ не зналъ иногда своихъ студентовъ, а тѣмъ болѣе не зналъ ихъ жизни [1]). Возможно, что поэтому списки поведенія студентовъ имѣли стереотипный видъ, хотя исправно представлялись въ правленіе каждый мѣсяцъ. Обыкновенно инспекторъ отчеркивалъ цѣлыми десятками фамиліи студентовъ и противъ перваго дѣленія писалъ—„поведенія похвальнаго"; противъ второго—„поведенія честнаго", или „добропорядочнаго" и т. д. [2]). Предшественникъ Григорія по инспекторству іеромонахъ Аѳанасій (Протопоповъ) съ большою тщательностью подбиралъ опредѣленія для характеристики поведенія студентовъ. Онъ почти каждаго отмѣчалъ особымъ опредѣленіемъ: „трудолюбивъ, расторопенъ, остороженъ", „отмѣнно скроменъ, признателенъ, вѣжливъ", „особенно кротокъ, опрятенъ и скроменъ", „отмѣнно тихъ и мягкосердеченъ", „весьма добродушенъ и честенъ" и т. д. [3]). Но и такія опредѣленія не свидѣтельствуютъ о томъ, чтобы инспекторъ хорошо зналъ каждаго студента. Наряду съ ними мы наталкиваемся на случаи отчаяннаго пьянства [4]), которое создавалось годами и иногда обращалось въ гибельную привычку. Инспекцію такіе случаи крайне поражали, и обычно провинившагося сразу же увольняли [5]). Списки Григорія не отличаются подробностью, какъ списки іеромонаха Аѳанасія. Они общаго характера, какъ у архимандрита Филарета (Амфитеатрова), архимандрита Наѳанаила (Павловскаго) [6]) и архимандрита Іоанна (Доброзракова) [7]). Обычными его отмѣтками являются: „поведенія добропорядочнаго", „отличнаго", „весьма честнаго", „добраго духа", „рачительны", „благонравны", „имѣютъ доброе направленіе сердца" и т. д. [8]). Какъ инспекторъ, Григорій зарекомендовалъ себя доброжелательностью къ студентамъ, соединяемою съ дѣловою стро-

---

[1]) Проф. Б. В. Титлиновъ, „Духовная школа въ Россіи въ XIX стол.", в. I, стр. 267.

[2]) Внутр. Правл. 1814 г. № 15. Списки архим. Филарета (Амфитеатрова).

[3]) Внутр. Правл. 1814 г. № 15; 1815 г. № 12; 1816 г. № 11.

[4]) См. Внутр. Правл. 1814 г. № 15; 1815 г. № 12; 1816 г. № 11; 1819 г. № 1

[5]) Внутр. Правл. 1814 г. № 15; 1816 г. № 11; 1819 г. № 1 и др.

[6]) Внутр. Правл. 1819 г. № 1; 1820 г. № 1.

[7]) Внутр. Правл. 1821 г. № 16; 1822 г. № 15; 1823 г. № 4; 1814 г. № 4.

[8]) Внутр. Правл. 1816 г. № 11; 1817 г. 9; 1818 г. № 1; 1819 г. № 1

гостью. Онъ не увольнялъ за первый проступокъ провинившагося, но предпочиталъ наказывать домашними средствами, впрочемъ, нерѣдко для студентовъ оскорбительными [1]). За время его инспекторства былъ уволенъ лишь одинъ студентъ, три раза обнаружившій одинъ и тотъ же порокъ въ грандіозныхъ размѣрахъ [2]). По прежнему помощниками Григорія въ инспекторствѣ были старшіе [3]). По прежнему Григорій ежегодно рапортовалъ о студентахъ, отличившихся добрымъ поведеніемъ и бывшихъ у исповѣди и св. Причастія [4]).

Ректура Григорія неразрывно связана съ ректурой Филарета и по времени и по духу; это было какъ бы продолженіемъ одного и того же ректорства. Григорій былъ ставленникъ и другъ Филарета, а слѣдовательно и поклонникъ и продолжатель его административно-педагогическихъ принциповъ. Профессоръ Ростиславовъ говоритъ, что это было время, когда духовныя академіи слѣдовало бы величать „монашескими училищами". Съ 1808 г. до 1862 г. во всѣхъ академіяхъ ректорствовали исключительно монахи, которые въ основу школьной педагогики полагали страхъ Божій, благочестіе и повиновеніе. Отсюда нѣкоторая суровость академическихъ нравовъ. Управленіе Филарета и Григорія называютъ „не только суровымъ, но аскетическимъ и монашески-деспотическимъ" [5]), когда академія начинала принимать видъ полукиновіи. Естественно послѣ этого и то предпочтеніе, которое отдавалось монашествуюшимъ студентамъ передъ немонашествующими. Большинство изъ монаховъ выпускались магистрами и старшими кандидатами. Не легко было отъ такого направленія ректоровъ — Филарета и Григорія—и наставникамъ академіи, которые жили въ академическомъ домѣ и которыхъ названные ректора хотѣли подчинить почти студенческой дисциплинѣ. Характернымъ въ этомъ отношеніи является разсказъ профессора-протоіерея О. Иванова. Слушая жалобы молодыхъ наставниковъ на рек-

---

[1]) См. Внутр. Правл. 1816 г. № 11; 1818 г. № 1.

[2]) Внутр. Правл. 1816 г. № 11.

[3]) Внутр. Правл. 1817 г. № 9; 1819 г. № 63.

[4]) Внутр. Правл. 1817 г. № 10; 1818 г. № 20.

[5]) Вѣстникъ Европы. 1872 г. Мартъ, стр. 226. Статья проф. Ростиславова.

торовъ 30-хъ годовъ, онъ нерѣдко говорилъ имъ: „Жалуетесь вы на нынѣшнія времена! Попробовали бы пожить при Филаретѣ и Григоріи; тогда бы перестали жаловаться. Отъ насъ (т. е. отъ профессоровъ академіи), напримѣръ, требовали, чтобы мы непремѣнно въ воскресные и праздничные дни были у всенощной и у обѣдни вмѣстѣ съ студентами. Всенощную тогда служили въ академическомъ залѣ. Тутъ ректоръ обыкновенно становился у стѣны близъ вхожей двери, сзади всѣхъ, а мы, баккалавры, впереди его выстраивались въ одну линію. Такимъ образомъ, находясь передъ глазами его, мы не только не могли не придти въ залъ, но и должны были показывать, что молимся Богу, иначе грозилъ выговоръ. Особенно доставалось намъ въ Духовъ день, когда всенощную служили въ шесть часовъ утра. Мы чуть не всю ночь передъ этимъ проводили въ гостяхъ; но несмотря на то, являлись въ залъ и выстраивались впереди ректора; за то тутъ-то особенно и отличались своимъ богомольемъ: чтобы прогнать дремоту, которая насъ мучила, мы дѣлали частые поясные поклоны“ [1]). Суровость ректорской дисциплины была тѣмъ чувствительнѣе, что не могла хотя сколько-нибудь смягчаться коллегіей, поставленной по уставу во главу академическаго управленія. Разумѣемъ внутреннее академическое правленіе, которое вѣдало академическую жизнь. Его составляли три члена: ректоръ, инспекторъ и экономъ; всѣ съ правомъ равнаго голоса. Однако на самомъ дѣлѣ самостоятельность принадлежала только ректорамъ. То обстоятельство, что инспекторъ избирался Конференціею и утверждался К. Д. У., нисколько не мѣняло положенія, такъ какъ экономъ представлялся исключительно архіеремъ. Будучи ставленникомъ ректора, экономъ естественно былъ и сторонникомъ его, составляя такимъ образомъ нужное ректору большинство въ правленіи. Не лучше дѣло обстояло въ вопросахъ чисто учебныхъ, когда эконома, если онъ не имѣлъ ученой степени, въ правленіи замѣняли одинъ или два профессора. Профессора приглашались тѣмъ же правленіемъ, а слѣдовательно опять по выбору ректора. То же самое было и со внѣшнимъ правленіемъ, куда нерѣдко предпочитали назначать монаховъ и гдѣ также могъ вполнѣ

---

[1]) Вѣстникъ Европы. 1872 г. Мартъ. стр. 227—228. Статья проф. Ростиславова.

обнаружиться всесильный ректоръ [1]). Неудивительно послѣ этого, если академіи называли „ректорскими" по способу управленія. Профессоръ Ростиславовъ, быть можетъ, преувеличенно говоритъ, что самыя „засѣданія (правленій академіи) существовали только на бумагѣ; обыкновенно секретарь являлся къ ректору съ дѣлами и получалъ отъ него приказъ или наставленіе, какъ рѣшать ихъ; затѣмъ составлялись журналы и для подписи разсылались членамъ по квартирамъ или приносились имъ въ классъ во время лекцій; а иногда безъ церемоніи гг. члены приглашались въ правленіе, гдѣ имъ и предлагали подписаться подъ статьями журналовъ, касавшихся дѣлъ, о которыхъ они никогда не разсуждали, а часто и не слыхали [2]).

Впрочемъ, единодержавіе ректоровъ нерѣдко и значительно смягчалось самою личностью ихъ. Это съ одной стороны. А съ другой, приведенныя разсужденія о ректорской власти носятъ самый общій характеръ и являются больше возможностью, чѣмъ дѣйствительностью. Документальныхъ основаній за такую дѣйствительность не имѣется. Если было что-либо подобное, то всегда оно находило себѣ естественное основаніе. Думается, что блестящій талантами Филаретъ во всякомъ институтѣ занялъ бы доминирующее положеніе. Что же касается Григорія, то здѣсь можно примѣнить объясненіе традиціей, унаслѣдованной отъ Филарета, и идеальнымъ настроеніемъ самого Григорія, передъ нравственною личностью котораго преклонялись многіе его современники. Это былъ простой и въ то же время важный человѣкъ. „Серьезный и величавый по виду, Григорій былъ чуждъ холоднаго эгоизма и мелкой взыскательности; къ намъ (студентамъ) онъ былъ снисходителенъ безъ потачки, ко всѣмъ добръ не на словахъ, а на дѣлѣ... Подъ ректурою Григорія, благодаря его гуманности и благотворному вліянію, жизнь въ академіи текла тихо и спокойно. Не чувствуя надъ собою стѣсняющаго давленія отъ начальства, какъ бы предоставленные самимъ себѣ, подъ наблюденіемъ только комнатныхъ старшихъ за порядкомъ, мы (студенты) вели себя

---

[1]) Проф. Б. В. Титлиновъ, „Духовная школа въ Россіи въ XIX столѣтіи", в. I, стр. 107—121; ср. проф.-прот. С. А. Соллертинскій, „Историческая записка, о СПБ. дух. акад.", стр. 10; ср. Внутр. Правл. 1821 г. № 62.

[2]) Вѣстникъ Европы. 1872 г. Мартъ, стр. 222.

благопристойно, потому что не знали праздности, постоянно занимаясь своимъ дѣломъ, соревнуя другъ другу... Мы боялись какими-нибудь неприличными выходками огорчить нашего ректора, цѣня его отеческое о насъ попеченіе" [1]). Такимъ образомъ, открывается возможность къ обратному заключенію объ академической дѣйствительности времени Григорія.

Во время ректорства Григорія изъ профессоровъ состава 1809 года никого уже не осталось въ академіи. Профессорская корпорація составлялась исключительно изъ лучшихъ питомцевъ С.-Петербургской духовной академіи [2]). Отъ этой практики извѣстно лишь два отступленія: Игнатій (Семеновъ) и Иннокентій (Борисовъ). Первый окончилъ только архангельскую семинарію и въ академію попалъ (съ 1821 г.) по рекомендаціи земляка, инспектора академіи, Наѳанаила (Павловскаго) [3]). А второй окончилъ Кіевскую духовную академію и (съ 1824 г.) проходилъ преемственно должности баккалавра, инспектора и э. о. профессора С.-Петербургской академіи [4]). Теперь уже были почтенными профессорами: доктора богословія—прот. Г. П. Павскій и прот. І. С. Кочетовъ, магистры—И. Я. Вѣтринскій, В. И. Себржинскій, свящ. Т. Ѳ. Никольскій и кандидатъ—С. И. Райковскій [5]). Для преподаванія академическихъ предметовъ еще въ 1809 г. были назначены классическія книги. Но какъ тогда, такъ особенно теперь, эти учебники не удовлетворяли ученыхъ запросовъ профессоровъ и студентовъ. Студенты уже учили ихъ въ семинаріи [6]). Поэтому академическіе профессора со времени реформы всегда писали свои собственныя лекціи, примѣчанія и дополненія къ классическимъ книгамъ [7]). Такъ было и при Григоріи. Лекціи самого Григорія по догматическому богословію были извѣстны въ рукописяхъ во всѣхъ

---

[1]) Кіевская Старина 1893 г. № 11. Самчевскій, „Воспоминанія", стр. 205—206.

[2]) См. Внутр. Правл. 1820 г. № 7, 10; 1821 г. № 62; 1822 г. № 97; 1824 г. № 56.

[3]) См. Внутр. Правл. 1821 г. № 62, 100.

[4]) Внутр. Правл. 1824 г. № 81; 1825 г. № 56.

[5]) Внутр. Правл. 1820 г. № 55.

[6]) См. проф. Б. В. Титлиновъ, „Духовная школа въ Россіи въ XIX стол." в. 1, стр. 252.

[7]) Внутр. Правл. 1820 г. № 55; 1821 г. № 64.

академіяхъ и въ семинаріяхъ [1]). Алгебра Себржинскаго и еврейская грамматика Павскаго были напечатаны [2]). Впослѣдствіи были напечатаны сочиненія Вѣтринскаго, Райковскаго, Доброзракова и другихъ [3]). Своими лекціями профессора умѣли нерѣдко живо заинтересовать слушателей-студентовъ, которые съ благодарностью впослѣдствіи вспоминали о нихъ. „Мы (студенты) съ особеннымъ удовольствіемъ слушали превосходныя лекціи Кочетова, пишетъ Самчевскій: особенно, когда онъ проходилъ съ нами эпоху папъ, тогда онъ былъ особенно краснорѣчивъ и увлекателенъ" [4]). „Большую и существенную пользу въ составленіи проповѣдей оказалъ намъ инспекторъ академіи, архимандритъ Іоаннъ (Доброзраковъ), отличный проповѣдникъ. Онъ обыкновенно вечеромъ призывалъ въ свою квартиру студента, написавшаго проповѣдь, и съ нимъ, иногда до полуночи, занимался ея исправленіемъ, строго критикуя ее по всѣмъ правиламъ Герменевтики, Логики и Словесности, порицая излишнее риторство и фразерство, въ особенности игру размашистой фантазіи, и требуя порядка въ мысляхъ и чистоты языка. Часто окритикованную такимъ образомъ проповѣдь онъ заставлялъ студента вновь передѣлать и представить ему на исправленіе" [5]). Не хорошее воспоминаніе осталось у студентовъ, а равно непріятное впечатлѣніе получается у всѣхъ, кто познакомится съ дѣятельностью въ академіи баккалавра, игумена Игнатія (Семенова). Это впечатлѣніе становится тѣмъ сильнѣе, если замѣтить, что Григорій почему-то покровительствовалъ ему [6]). Не имѣя академической степени, Игнатій съ 1-го марта 1821 г. преподавалъ въ академіи греческій языкъ. 3 августа онъ былъ уже магистромъ богословія, а 29 сентября—„какъ человѣкъ извѣстный со стороны готовности исполнять возлагаемыя порученія", былъ избранъ въ дѣйствительные члены Конференціи по Внѣшнему Правленію [7]). Возможно, что этою „готовностью" онъ и навредилъ себѣ. За два года пребыванія въ академіи онъ брался за четыре каѳедры: греческій языкъ, Священное Писаніе, до-

---

[1]) Проф. Чистовичъ. „Исторія СПБ. дух. академіи", стр. 280.

[2]) Внутр. Правл. 1820 г. № 55; 1821 г. № 64.

[3]) См. Внутр. Правл. 1821 г. № 64; проф. Чистовичъ „Исторія СПБ. дух. академіи", стр. 395.

[4]) Кіев. Стар. 1893 г. № 1. Самчевскій, „Воспоминанія", стр. 207.

[5]) Ibid., стр. 209. [6]) Ibid., стр. 211. [7]) Конф. 1821 г. № 239.

гматическое богословіе и каноническое право. Само собой разумѣется, что человѣку даже съ систематическою ученою подготовкою невозможно успѣть за два года сдѣлаться компетентнымъ по четыремъ каѳедрамъ академическаго курса. Тѣмъ труднѣе было ожидать этого отъ Игнатія. Его лекціи по Священному Писанію „были ни что иное, какъ безпорядочныя выписки изъ толковниковъ священнаго писанія, изложенныя какимъ-то тарабарскимъ языкомъ, который студенты называли языкомъ Телемахиды" [1]). То же самое было по каноническому праву. „Эти лекціи были наполнены длинными выписками изъ отцевъ церкви безъ всякаго систематическаго порядка и украшены фразеологіею" [2]). Естественно, что студенты не любили Игнатія тѣмъ болѣе, что у него скоро нашлись фавориты, которыхъ онъ съ наилучшей стороны рекомендовалъ Григорію, чѣмъ ввелъ его въ заблужденіе [3]). Впрочемъ, скоро Григорій убѣдился въ своей ошибкѣ по отношенію Игнатія и уже въ 1823 г. его убрали изъ Академіи [4]). Такимъ образомъ ученая жизнь въ академіи, исключая исторіи съ Игнатіемъ, была на должной высотѣ. Самъ Григорій, обладая обширными познаніями и глубокимъ интересомъ къ наукѣ, внимательно слѣдилъ за всѣми частями преподаванія и обнаруживалъ иногда большую строгость. При Григоріи академическій институтъ началъ пріобрѣтать видъ настоящей духовной академіи, удовлетворяющей исключительно запросамъ богословской мысли... Самые питомцы академіи при Филаретѣ и Григоріи называются уже студентами [5]). Но здѣсь случилось нѣчто, что надолго задержало ростъ духовной школы. Разумѣемъ всеобщую реакцію 1825 года, которая въ отношеніи духовныхъ школъ обнаружилась въ запрещеніи читать лекціи студентамъ академіи и въ требованіи преподаванія по давно уже отжившимъ свой вѣкъ классическимъ книгамъ: Амвросія, Рамбахія, Ѳеофилакта, Иринея, Винклера и др. [6]). Къ счастію это запрещеніе не могло осуществиться, во-1-хъ, потому что К. Д. У. сама сознавала недостаточность указанныхъ руководствъ и назна-

[1]) Кіев. Стар. 1893 г. № 11. Самчевскій, „Воспоминанія", стр. 211.
[2]) Кіев. Стар. 1893 г. № 11. Самчевскій, „Воспоминанія", стр. 211.
[3]) Ibid., стр. 212. [4]) Внутр. Правл. 1823 г. № 51.
[5]) Проф.-прот. Соллертинскій „Истор. зап. о СПБ. дух. ак.", стр. 5.
[6]) См. Внутр. Правл. 1825 г. № 33.

чила ихъ временно [1]), и во-2-хъ, потому что по нѣкоторымъ предметамъ, только что вводимымъ (напр. каноническое право), еще совсѣмъ не было учебниковъ. Поэтому лекціи въ академіи не переставали существовать. Самъ Григорій продолжалъ попрежнему читать свои лекціи, а въ К. Д. У. горячо отстаивать необходимость лекцій вообще [2]).

Реакція не оставила въ покоѣ и частной жизни профессоровъ. 25 апрѣля 1826 г. академическому правленію было предписано—„истребовать отъ чиновниковъ академіи обязательство въ томъ, что они ни къ какимъ тайнымъ обществамъ впредь принадлежать не будутъ" [3])...

Содержаніе профессоровъ по прежнему было скуднымъ, хотя въ 1820 г. были введены новые штаты, значительно увеличившіе профессорскіе оклады [4]). Нерѣдко профессора жили въ большой бѣдности, исходъ изъ которой находили въ принятіи священнаго сана и прихода (оо. Павскій, Кочетовъ, Окуневъ, Ивановъ и др.), въ урокахъ на сторонѣ (Вѣтринскій и Райковскій) [5]) и въ частыхъ наградныхъ прибавкахъ къ жалованью [6]) изъ суммъ поощрительнаго учрежденія, основаннаго Филаретомъ [7]).

При Григоріи точнѣе опредѣлились учебныя занятія студентовъ и улучшилось ихъ матеріальное положеніе. До 1823 г. не было точныхъ правилъ относительно упражненія студентовъ въ сочиненіяхъ. Студенты писали проповѣди и сочиненія въ концѣ года. А въ теченіе года писать или не писать сочиненія зависѣло отъ профессора. Поэтому 21-го сентября 1823 г. Григорій предложилъ, а правленіе согласилось, регламентировать это дѣло такимъ образомъ, чтобы каждый мѣсяцъ, исключая послѣднихъ трехъ передъ экзаменами, студенты писали ученыя упражненія на латинскомъ и русскомъ языкѣ поперемѣнно. Росписаніе письменныхъ работъ было составлено такъ, что всѣ студенты обязательно

---

[1]) Львовъ. „Письма къ Филарету", стр. 82. [2]) Ibid., стр. 82—83.

[3]) Внутр. Правл. 1826 г. № 48.

[4]) Внутр. Правл. 1820 г. № 120; К. Д. У. № 2769; ср. К. Д. У. № 11 465.

[5]) Внутр. Правл. 1820 г. № 27; проф. Чистовичъ, „Исторія СПБ. духовной академіи", стр. 374 –376.

[6]) Внутр. Правл. 1820 г. № 27; 1821 г. № 64; 1822 г. № 84; 1823 г. № 12; 1824 г. № 56; 1825 г. № 55, 58.

[7]) К. Д. У. № 2473.

упражнялись по всѣмъ главнымъ предметамъ: богословіе, философія, словесность, исторія. Профессорамъ вмѣнялось въ обязанность—избирать для упражненій предметы, достойные общаго вниманія. Къ 15 числу каждаго мѣсяца студенты должны были представить упражненія профессорамъ, а эти послѣдніе съ письменнымъ отзывомъ о каждомъ и съ раздѣленіемъ ихъ на разряды, къ 25 должны были представить ихъ ректору. Учащіе языкамъ, исключая классъ еврейскаго, должны были ежемѣсячно представлять переводы разобранныхъ ими въ классѣ лучшихъ статей. Эта прибавка учебнаго дѣла студентамъ была очень важна, такъ какъ отвѣчала на требованія 128 параграфа академическаго устава, гдѣ говорилось: „собственное упражненіе студентовъ въ сочиненіяхъ есть одно изъ существенныхъ правилъ доброй методы". Съ другой стороны, она была очень благовременна, такъ какъ тогда студенты не были уже стѣснены ни большимъ количествомъ лекціонныхъ часовъ, ни многопредметностью.

Въ 1820 году втрое увеличились оклады содержанія студентовъ (съ 150 р. до 450 р.). Впрочемъ изъ реестровъ студенческихъ вещей мы не видимъ, чтобы послѣ этого студентамъ выдавали что-либо лишнее сверхъ прежняго [1]), какъ не видимъ и того, чтобы осложнился столъ [2]). Возможно, что количественной прибавки и не было, а было качественное улучшеніе вещей и стола. Воспоминанія студентовъ того времени, повидимому, подтверждаютъ это предположеніе. „Мы никогда не жаловались на приготовляемую для насъ въ академіи пищу, пишетъ Самчевскій: Григорій самъ посылалъ дежурнаго старшаго по комнатамъ нашимъ узнавать, какого мы желаемъ улучшенія въ столѣ нашемъ" [3]).

При Григоріи въ достаточной степени сгладилась въ академіи бытовая грубость и начальственная строгость, свойственная духовной школѣ того времени. Между начальствомъ и студентами теперь было возможно взаимное пониманіе. Григорій принималъ у себя всѣхъ нуждающихся студентовъ и многимъ изъ нихъ помогалъ. Григоріемъ было допущено

[1]) См. Внутр. Правл. 1820 г. № 64; 1821 г. № 51; 1822 г. № 40; 1823 г. № 39 и др. 1819 г. № 85; 1820 г. № 114; 1821 г. № 88; 1822 г. № 27, 75 и др. 1820 г. № 24; 1819 г. № 40; 1821 г. № 50 и др.

[2]) См. Внутр. Правл. 1819 г. № 3, 6, 11, 12 и др.

[3]) Кіев. Стар. 1893 г. № 11. Самчевскій, „Воспоминанія", стр. 206.

даже такое каноническое отступленіе, какъ разрѣшеніе слабымъ студентамъ мясной пищи въ великій постъ, что съ большимъ затрудненіемъ дѣлается даже въ наше время [1]). Но тѣмъ не менѣе и теперь студентовъ въ академіи было очень мало. По штату 1820 г. ихъ полагалось 200 человѣкъ. а на лицо всего было 88; слѣдовательно, много меньше, чѣмъ было въ годъ основанія академіи, когда послѣдняя скромно ютилась въ Θеодоровскомъ корпусѣ [2]). Всѣ студенты, за исключеніемъ одного, жившаго на квартирѣ, помѣщались въ академическомъ корпусѣ [3]). По прежнему у студентовъ были совмѣстныя занятныя и спальни [4]), ихъ непосредственнымъ начальствомъ являлись „старшіе“ [5]), въ концѣ года производились внутреннія испытанія [6]), а въ концѣ курса публичныя [7]). По прежнему у всѣхъ студентовъ отбиралась подписка о желаніи служить въ духовномъ вѣдомствѣ [8]). Конечно, всѣ студенты давали ее, ибо, въ противномъ случаѣ, трудно было получить ученую степень и совсѣмъ не выдавались ученые оклады [9]). За время ректорства Григорія экзаменаторомъ на всѣхъ публичныхъ испытаніяхъ былъ Филаретъ (Дроздовъ) [10]), исключая 1825 г., когда К. Д. У. поручила обозрѣніе академіи самому Григорію [11]).

Инициатива Григорія, какъ ректора, касалась и самаго зданія академіи. Къ этому Григорій побуждался обстоятельствами времени. Къ началу его ректорства было только что закончено въ общемъ новое настоящее зданіе академіи. Новому ректору предстояло отдѣлывать его въ деталяхъ, приспособляя его къ потребностямъ учебнаго заведенія и интер-

---

1) Ibid., стр. 206—207.

2) Внутр. Правл. 1820 г. № 10; 1825 г. № 94; ср. 1823 г. № 37; 1825 г. № 47, 62, 74.

3) Ibib.

4) Вѣстникъ Европы, 1872 г. Авг., стр. 680; 1883 г. Авг. стр. 583.

5) Внутр. Правл. 1821 г. № 73; 1823 г. № 55; 1825 г. № 57.

6) Внутр. Правл. 1819 г. № 8а; 1820 г. № 73; 1821 г. № 122; 1822 г. № 50; 1823 г. № 95; 1824 г. № 4; 1825 г. № 84.

7) Конф. 1819 г. № 227; Внутр. Правл. 1821 г. № 48.

8) К. Д. У. 2551; Внутр. Правл. 1821 г. № 122; 1823 г. № 95, 100; 1825 г. № 94.

9) Кіевск. Стар. 1893 г. № 11; стр. 355; Прав. Собесѣд. 1885, III, стр. 411.

10) Проф. Чистовичъ, „Исторія СПБ. дух. академіи“, стр. 398—399.

11) К. Д. У. № 4001.

ната, пополняя необходимыми принадлежностями жилого помѣщенія и находящейся въ немъ церкви и по временамъ ремонтируя его. Дѣлались нужныя перегородки въ комнатахъ, столы, шкафы [1]), покупалась мебель для всего зданія [2]), для квартиръ начальствующихъ [3]), пріобрѣталась церковная утварь [4]), и все зданіе [5]), а равно и службы его [6]), нѣсколько разъ ремонтировались. Работа шла не только въ зданіи, но и на дворѣ. Передъ самымъ зданіемъ была построена желѣзная рѣшетка [7]), и перемощена мостовая [8]); затѣмъ, было уравнено мѣсто сада [9]), и былъ очищенъ, какъ самый садъ [10]), такъ и прудъ, находящійся въ немъ [11]). Для осушенія сада былъ прорытъ въ немъ каналъ [12]). Все это, конечно, было не такъ важно въ жизни Григорія, но было необходимо для академіи, требовало вниманія и стоило иногда немалыхъ затратъ. Однако, несмотря на это, Григорій умѣлъ вести дѣло такъ, что у него накопилось много остатковъ отъ суммъ, ассигнуемыхъ на академію. Эти остатки не лежали даромъ въ академіи. Съ легкой руки своего предшественника Филарета, Григорій пускалъ ихъ въ процентное обращеніе въ Императорскомъ воспитательномъ домѣ. Григорій положилъ сюда въ 1819 г.—10.000 р. [13]), и 1823 г.—50.000 р. [14]), которые съ положеннымъ прежде составили 100.000 р. [15]). Проценты съ этихъ денегъ шли на украшеніе академической церкви, на изданіе назидательныхъ книгъ и на награды учащихъ въ академіи [16]).

Такъ текла академическая жизнь подъ управленіемъ Григорія. Твердая рука послѣдняго давала ей опредѣленное направленіе гуманности и научнаго прогресса, на пути по

---

[1]) Внутр. Правл. 1822 г. № 90, 99.

[2]) Внутр. Правл. 1819 г. № 28; 1820 г. № 71.

[3]) Внутр. Правл. 1820 г. № 71, 82.

[4]) Внутр. Правл. 1819 г. № 113; 1820 г. № 38, 60; 1822 г. № 55; ср. К. Д. У. 3275.

[5]) Внутр. Правл. 1819 г. № 79; 1820 г. № 60, 104; 1822 г. № 41, 99; 1823 г. № 33; 1824 г. № 36.

[6]) Внутр. Правл. 1822 г. № 49; 1824 г. № 37.

[7]) Внутр. Правл. 1820 г. № 81.

[8]) Внутр. Правл. 1820 г. № 127.

[9]) Внутр. Правл. 1822 г. № 32; 1824 г. № 41.

[10]) Внутр. Правл. 1824 г. № 41.

[11]) Внутр. Правл. 1822 г. № 60.

[12]) Внутр. Правл. 1824 г. № 50.

[13]) Внутр. Правл. 1820 г. № 75.

[14]) Внутр. Правл. 1823 г. № 42.

[15]) См. Внутр. Правл. 1823 г. № 42.

[16]) К. Д. У. № 2473.

которому академіи пришлось встрѣтить не мало препятствій. Самъ Григорій былъ первымъ неустрашимымъ воиномъ за свободу отъ традицій схоластицизма, за свободу знанія на строго-ортодоксальной почвѣ. И къ чести его, онъ съ побѣдою выходилъ нерѣдко изъ неравной борьбы. Уѣзжая изъ академіи, онъ оставилъ ее такимъ источникомъ богословскаго гносиса, какимъ и принялъ ее отъ своего знаменитаго предшественники. Это была высшая духовная школа, имѣющая своею цѣлью будить богословскую мысль духовныхъ юношей, развивать ее и обосновывать всѣми данными современной науки, съ тѣмъ, чтобы потомъ она была принесена на алтарь православія и церковности, наученія и воспитанія общества.

Григорій любилъ духовную школу. За время духовной учебной службы онъ сросся съ ней душею. И поэтому, вступивъ въ управленіе епархіей, онъ удѣлялъ духовной школѣ очень много вниманія, которое выражалось въ непрерывныхъ заботахъ о благоустроеніи ея. Въ Калугѣ по инціативѣ К. Д. У., при дѣятельномъ участіи преосвященнаго Григорія, 1 сентября 1826 г., въ виду многолюдности и тѣсноты уѣзднаго училища, были открыты параллельные классы его при духовной семинаріи [1]). Что касается семинаріи, то здѣсь преосвященный Григорій преимущественнно заботился о томъ, чтобы воспитанники были „добрыми христіанами“ [2]).

При вступленіи на Рязанскую каѳедру (1828 г.), преосвященный Григорій засталъ тамъ начатое преосвящ. Филаретомъ (Амфитеатровымъ) дѣло о построеніи для семинаріи отдѣльнаго зданія больницы (съ 25 января 1828 г.). Григорій только подтвердилъ необходимость отдѣльной больницы и добавилъ, что, кромѣ больницы, „настоитъ необходимая надобность построить на семинарскомъ дворѣ отдѣльный каменный корпусъ для низшихъ училищъ съ бурсою на 200 человѣкъ“, такъ какъ послѣднія помѣщаются въ семинарской столовой. Григорій горячо взялся за дѣло и, когда К. Д. У. медлила рѣшеніемъ, онъ дважды подрядъ повторилъ свое предложеніе (отъ 13 августа 1829 г. и отъ 30 октября 1829 г.) [3]). Впослѣдствіи онъ вынужденъ былъ повторить его

[1]) К. Д. У. № 4312.

[2]) Іером. Леонидъ, „Исторія церкви въ предѣлахъ нынѣшней Калуж. губ.“, стр. 205.

[3]) К. Д. У. № 4770.

въ третій разъ (28 мая 1831 г.), снова подтверждая необходимость: a) особаго зданія для уѣздныхъ и приходскихъ Рязанскихъ училищъ, b) для семинарской больницы и c) для 400 семинаристовъ, принятыхъ въ семинарію сверхъ комплекта. (Зданіе семинаріи было разсчитано на 1000 человѣкъ, а семинаристовъ было въ 1831 г. 1365 человѣкъ) [1]. Въ добавленіе къ послѣднему представленію преосвящ. Григорій писалъ, что для уѣзднаго и приходскаго училища есть возможность не строить новаго дома, такъ какъ очень удобный для нихъ домъ продается у рязанскаго жителя, генералъ-маіора Купріановича. Въ концѣ представленія Григорій писалъ о необходимости начать работы нынѣшнимъ же лѣтомъ [2]. Но такъ какъ для предполагаемыхъ строеній и покупки требовалась очень большая сумма (до 242,969 р. 14 к.), то К. Д. У. ограничилась пока отпускомъ лишь 54,599 р. 26 к., нужныхъ на покупку и ремонтъ дома генерала Купріановича [3]. Что касается остальныхъ предположеній преосвящ. Григорія, то имъ не суждено было осуществиться и послѣ [4]. 4-го іюня 1831 г. было отпущено на ремонтъ семинарскихъ зданій 22,426 р. 10 к. Этимъ дѣло и окончилось. Ремонтъ былъ приведенъ къ концу уже при преемникѣ Григорія архіепископѣ Евгеніи, который 3 октября 1833 г. рапортовалъ, что „поправки устроены въ прочномъ видѣ и употребленной на то суммы дѣйствительно стоятъ“ [5].

Въ заботахъ о зданіяхъ преосвящ. Григорій не забывалъ и воспитанниковъ. По его представленію (13 августа 1829 г.) штатъ казеннокоштныхъ воспитанниковъ Рязанской семинаріи былъ увеличенъ тридцатью окладами на счетъ малолюдной Астраханской семинаріи, а штатъ бурсаковъ по Рязанской епархіи—25 окладами изъ бурсачной экономіи [6]. Въ 1831 г. по представленію Григорія (26 сентября 1830 г.) былъ раздѣленъ на три отдѣленія многолюдный классъ въ Рязанской духовной семинаріи съ назначеніемъ для новаго отдѣленія особаго преподавателя [7].

Въ Твери Григорій имѣлъ строгое вниманіе и къ урокамъ наставниковъ и къ успѣхамъ учениковъ семинаріи и всѣми

---

[1] К. Д. У. № 6101, л. 4. [2] К. Д. У. № 6101, л. 42.
[3] К. Д. У. № 6101, л. 20—22. [4] К. Д. У. № 6101, л. 42.
[5] К. Д. У. № 6101, лл. 1, 2, 6, 8, 25, 26.
[6] К. Д. У. № 5270, лл. 1 и 49. [7] К. Д. У. № 5830, лл. 1 и 8.

мѣрами содѣйствовалъ и тѣмъ и другимъ [1]). Въ 1839 г. онъ ревизовалъ Тверскую духовную семинарію, по порученію К. Д. У [2]), а въ 1842 г. и въ 1848 г. по переводѣ въ Казань, онъ пожертвовалъ въ библіотеку Тверской семинаріи 497 названій собственныхъ книгъ въ руководство наставникамъ по всѣмъ учебнымъ предметамъ семинаріи, за что получилъ отъ Синода (30 марта 1850 г.) „особую благодарность" [3]).

Много больше поле для дѣятельности Григорія открывалось въ 1848 году, когда онъ былъ переведенъ въ Казань. Въ 1842 году здѣсь была открыта духовная академія, въ тѣсной связи съ которой стоитъ дѣятельность Григорія. Ученый покровитель академіи все свое вниманіе сосредоточилъ на учебной ея части. „Онъ наблюдалъ за объемомъ и качествомъ академическаго преподаванія и за успѣхами студентовъ, любилъ въ короткіе пріѣзды свои изъ С.-Петербурга, гдѣ почти постоянно жилъ по званію члена Св. Сѵнода, присутствовать на академическихъ экзаменахъ, назначалъ изъ собственныхъ средствъ преміи за лучшія курсовыя сочиненія студентовъ на заданныя имъ самимъ темы по миссіонерскимъ предметамъ и самъ пересматривалъ эти сочиненія" [4]). Предметомъ его особенныхъ и постоянныхъ стараній было миссіонерство, къ чему его побуждало самое населеніе Казанской паствы со множествомъ магометанъ, буддистовъ и раскольниковъ. Поэтому мы видимъ усиленныя заботы преосвященнаго объ улучшеніи въ академіи миссіонерскаго преподаванія, о введеніи его въ окружныхъ семинаріяхъ и о переводѣ священныхъ и богослужебныхъ книгъ на татарскій языкъ. Осуществляя первое, Григорій самъ слѣдилъ за миссіонерскимъ преподаваніемъ, самъ рекомендовалъ преподавателей, а въ 1855 году возбудилъ и успѣшно довелъ до конца дѣло объ изданіи при Казанской духовной академіи съ спеціально миссіонерскою цѣлью журнала „Православный Собесѣдникъ". А для достиженія послѣдняго онъ побудилъ къ усиленной дѣятельности Переводническій Комитетъ, основанный при академіи въ 1847 г.

---

[1]) Прот. Чередѣевъ, „Біографіи Тверскихъ іерарховъ", стр. 179.

[2]) А. С. С. 1839 г. № 715.

[3]) А. С. С. 1850 г. № 554, лл. 1, 2—36 и 37.

[4]) Проф. П. В. Знаменскій, „Исторія Казанской духовной академіи", Каз. 1891 г. стр. 61.

Предметомъ особеннаго вниманія преосвященнаго Григорія и усиленныхъ хлопотъ было пополненіе библіотеки академіи различными необходимыми книгами и рукописями. Въ 1850 году преосвященный Григорій подарилъ въ академію 659 названій разнаго содержанія изъ собственной библіотеки [1]). Потомъ дѣлалъ то же почти каждый годъ: 1851 г. [2]), 1852 г. [3]), 1854 г. [4]) и 1855 г. [5]). Умирая въ санѣ митрополита С.-Петербургскаго, Григорій не забылъ Казани въ своемъ духовномъ завѣщаніи и отказалъ академіи часть библіотеки подъ № 1, состоящую „изъ славянскихъ печатныхъ и рукописныхъ книгъ, пріобрѣтенныхъ имъ въ разное время, наипаче для разсмотрѣнія неправды нашего раскольничества" [6]). Но болѣе всего Казанская духовная академія обязана Григорію за снабженіе ея рукописями и книгами изъ библіотекъ Ниловой пустыни, Тверской епархіи, изъ Св. Синода и изъ Соловецкаго монастыря.

30 апрѣля 1854 года Сvнодъ, „согласно ходатайству Григорія, приказалъ: предоставить ему выбрать всѣ тѣ книги и рукописи, которыя онъ признаетъ полезными для передачи въ Казанскую духовную академію изъ библіотеки Ниловой пустыни, а преосвященному Тверскому предложить о передачѣ тѣхъ книгъ и рукописей тому, кому поручено будетъ отъ преосвященнаго Григорія" [7]). 25 августа того же года Сvнодъ приказалъ: согласно ходатайству преосвященнаго Григорія, во первыхъ, отослать къ нему для передачи въ Казанскую духовную академію 57 названій изъ старопечатныхъ и рукописныхъ книгъ, доставленныхъ въ Сvнодъ М. В. Д. [8])—и, во 2-хъ, „книги и рукописи Соловецкаго монастыря, находящіяся нынѣ въ монастырѣ Сійскомъ..., отправить въ Казанскую духовную академію... и поручить преосвященному Григорію отдѣлить и оставить въ библіотекѣ академіи всѣ тѣ книги и рукописи, какія (онъ) признаетъ для сей академіи полезными" [9])... 11 января 1855 г. 16 ящиковъ съ книгами и рукописями Соловецкаго монастыря были уже въ академіи: а 11, 12, 13 и 14 января эти книги и рукописи были раз-

---

[1]) А. С. С. 1850 г. № 1239. [2]) А. С. С. 1851 г. № 756, 1682.
[3]) А. С. С. 1852 г. № 248. [4]) А. С. С. 1854 г. № 347.
[5]) А. С. С. 1855 г. № 1516; ср. 1856 г. № 386.
[6]) А. С. С. 1861 г. № 1001. [7]) А. С. С. 1853 г. № 1529, л. 16—17.
[8]) Ibid., л. 23—28. [9]) Ibid., л. 28.

смотрѣны и записаны. Храненіе ихъ Григорій поручилъ самому ректору академіи подъ его собственнымъ замкомъ [1]). Такимъ образомъ Казанская духовная академія пріобрѣла 1593 экземпляра старопечатныхъ книгъ и рукописей [2]). Но это было количество всѣхъ книгъ и рукописей, изъ которыхъ академія должна была выбрать нужныя, а съ остальными поступить по усмотрѣнію. Это усмотрѣніе выразилось въ представленіи преемника преосвященнаго Григорія, архіепископа Аѳанасія, который писалъ въ Сѵнодъ (19 апрѣля 1858 г.): „такъ какъ всѣ вообще рукописи и старопечатныя книги, составляющія эту (Соловецкую) библіотеку, оказываются весьма полезными и весьма драгоцѣнными для академіи, именно для изученія русской церковной исторіи и исторіи русскаго раскола, равно и для наполненія „Православнаго Собесѣдника“ древней духовной литературой русской, весьма любопытными и поучительными, и могущими Собесѣднику придать особенную занимательность для читателей, то правленіе академіи просило меня ходатайствовать предъ Св. Сѵнодомъ, дабы благоволено было усвоить академіи Соловецкую библіотеку въ полномъ ея составѣ въ постоянную и неотъемлемую собственность съ отчисленіемъ отъ Соловецкаго монастыря“ [3]). 28 августа 1858 г. Сѵнодъ приказалъ: „препровожденныя изъ Соловецкаго монастыря на храненіе въ Казанскую духовную академію книги и рукописи оставить въ ней навсегда“ [4]).

Желаніе надѣлить Казанскую академію всѣми учеными средствами для миссіонерства доходило у Григорія до страсти, на которую жаловался преосвященный Макарій (Булгаковъ) въ письмѣ къ Иннокентію (Борисову). Въ 1854 г. преосвященному Макарію было поручено разсмотрѣніе книгъ и рукописей, поступившихъ въ Св. Сѵнодъ изъ М. В. Д. Преосвященный Макарій разсмотрѣлъ до 3000 экземпляровъ, изъ которыхъ до 500 отобралъ для миссіонерскаго отдѣленія С.-Петербургской духовной академіи. „И чтоже“, пишетъ преосвященный: „не успѣлъ я донести объ нихъ Синоду, какъ преосвященный Григорій, разумѣется, по праву сильнаго, взялъ у меня большую часть этихъ книгъ и рукописей, говоря, что онѣ нужны ему для Казанской академіи, а въ здѣш-

---

[1]) А. С. С. 1853 г. № 1529, л. 47, 48, 49. [2]) Ibid., л. 119.
[3]) А. С. С. 1853 г. № 1529, л. 123. [4]) Ibid, л. 126.

ней много и своихъ рукописей". Это обстоятельство научило Макарія осторожности. Найдя послѣ нужныя ему старопечатныя книги, онъ медлилъ доложить о нихъ Сvноду, пока Григорій не уѣхалъ въ свою епархію, „боясь, какъ бы онъ и всѣ эти книги не отобралъ" [1]). Въ бытность архіепископомъ казанскимъ, преосвященный Григорій неоднократно ревизовалъ Казанскую духовную академію: 1848 г., 1850 г. 1852 г., 1854 г. и 1856 г. [2]).

Перейдя въ С.-Петербургъ, преосвященный Григорій перенесъ сюда и свою полезную дѣятельность. Онъ обогатилъ рукописями и сторопечатными книгами, а равно и книгами изъ своей богатой библіотеки С.-Петербургскую духовную академію. Своими книгами онъ не обошелъ и семинаріи. Въ 1858 г., ревизуя Новгородскую часть своей епархіи, преосвященный Григорій имѣлъ случай познакомиться съ литературными богатствами библіотеки Новгородскаго Каѳедральнаго Софійскаго собора. 6 октября онъ просилъ Св. Сvнодъ о переводѣ этой библіотеки въ С.-Петербургскую духовную академію, такъ какъ большая часть книгъ и рукописей съ значительнѣйшею пользою могутъ служить пособіями для ученыхъ занятій какъ начальниковъ, такъ и воспитанниковъ академіи. 10 октября Сvнодъ далъ свое согласіе съ тѣмъ, чтобы въ Новгородѣ „были оставлены только такія книги, которыя окажутся для академіи излишними" [3]). Въ томъ же году, 16 ноября, Григорій просилъ Сvнодъ о перемѣщеніи подобнымъ образомъ библіотеки Кирилло-Бѣлоозерскаго монастыря. 19 ноября Св. Сvнодъ далъ свое согласіе съ тѣмъ, чтобы въ монастырѣ были оставлены только тѣ книги, которыя „окажутся для онаго нужными, или для академіи излишними" [4]). Сейчасъ же было приступлено къ разбору этихъ библіотекъ и передачѣ. Въ Новгородъ былъ отправленъ баккалавръ А. И. Предтеченскій, а въ Кирилловъ э.-о. профессоръ И. В. Чельцовъ. Первый доставилъ въ академію всѣ рукописи Софійской библіотеки: 485 старопечатныхъ книгъ, нѣсколько раскольническихъ и 22 книги на иностранныхъ

---

[1]) Проф. Барсовъ. „Матеріалы для біографіи Иннокентія Борисова, архіеп. Херсонскаго и Таврическаго", СПБ. 1884 г. в. 1, стр. 82—83.

[2]) Проф. П. В. Знаменскій, „Исторія Казанской духовной академіи", стр. 376.

[3]) А. С. С. 1858 г. № 1775; ср. Внутр. Правл. 1859 г. № 19.

[4]) А. С. С. 1858 г. № 2155; ср. Внутр. Правл. 1859 г. № 19.

языкахъ. А второй 1355 рукописей, 5 рукописныхъ книгъ сверхъ описи и 383 названія старопечатныхъ книгъ [1]). Такимъ образомъ и въ С.-Петербургской духовной академіи составилась богатѣйшая рукописная библіотека, спеціально для которой было передѣлано помѣщеніе библіотеки [2]), и назначенъ особый библіотекарь (И. В. Чельцовъ) [3]). Новому библіотекарю вмѣнялось въ обязанность заняться „пріемомъ и разстановкою книгъ и рукописей и составленіемъ каталога“ [4]).

Преосвященный Григорій умѣлъ благоразумно распоряжаться не только церковными имуществами и не ими только обогащалъ книгохранилища духовныхъ школъ. Для нихъ онъ готовъ былъ отдать все свое и, дѣйствительно, отдалъ. По словамъ Владыки, главное его имущество состояло въ книгахъ. И всѣ ихъ онъ отдалъ духовной школѣ. Мы знаемъ уже, что часть ихъ онъ отдалъ въ Казанскую академію. Это была одна четвертая ихъ. Остальныя же три четверти онъ отказалъ С.-Петербургской духовной академіи и семинаріи. Первой—библіотеку нѣмецкую, латинскую и греческую, а также библіотеку рукописей, а второй—русскую библіотеку [5]).

За годъ до своей смерти (въ 1859 г.) Григорій сдѣлалъ нѣчто такое, что прочнѣе всего обезсмертило его имя и является причиною нерѣдкихъ воспоминаній святителя теперь. Идеально настроенный, онъ мечталъ о томъ, чтобы путемъ безукоризненнаго со всѣхъ сторонъ богословскаго сочиненія доказать истинность православія одинаково для всѣхъ ясно и убѣдительно. Возможно, что къ этому его побуждало, съ одной стороны, броженіе русскихъ умовъ эпохи освобожденія, а съ другой, усилившаяся въ Россіи пропаганда католицизма. Для огражденія православія отъ этихъ золъ Григорій представилъ въ Св. Сѵнодъ 3.500 р., изъ которыхъ 2000 руб, должны были быть употреблены на премію за сочиненія, а остальные 1500 руб.—на напечатаніе сочиненій, удовлетворяющихъ слѣдующимъ требованіямъ: „1) чтобы твердо, обстоятельно, ясно, но возможно кратко была доказана словомъ Божіимъ, опредѣленіями святыхъ соборовъ и свидѣтельствами святыхъ отцевъ церкви истина православія пра-

---

[1]) Внутр. Правл. 1859 г., № 19. [2]) Внутр. Правл. 1858 г. № 32, 22.
[3]) Внутр. Правл. 1859 г. № 19; А. С. С. 1859 г, № 323.
[4]) А. С. С. 1859 г. № 323. [5]) А. С. С. 1861 г. № 1001.

вославной церкви; причемъ всякій безпристрастный и разсудительный могъ бы видѣть, что именно она и есть истинно православная Христова церковь; 2) чтобы твердо, обстоятельно, ясно, но всевозможно кратко было доказано, что патріархъ западной церкви или папа не есть властитель всей Христовой церкви. Доказательства должны быть заимствованы изъ Слова Божія, опредѣленій святыхъ соборовъ и свидѣтельствъ святыхъ отцевъ церкви восточной и западной, съ яснымъ, обстоятельнымъ, но всевозможно краткимъ опроверженіемъ доказательствъ, какія въ наше время паписты употребляютъ для доказательства властительства папъ во всей Христовой церкви; 3) чтобы твердо, обстоятельно, ясно, но всевозможно кратко было доказано Словомъ Божіимъ и церковною исторіею православіе православной церкви для лютеранъ съ твердымъ, обстоятельнымъ, но всевозможно краткимъ опроверженіемъ доказательствъ какими лютеранство защищаетъ свои мнѣнія. Каждый изъ сихъ трехъ предметовъ долженъ быть обработанъ особо" [1]). По причинѣ большой общности представленныхъ Григоріемъ условій, до сихъ поръ никто не могъ получить его преміи, не смотря на то, что въ 1879 г. эти условія были нѣсколько переработаны, т. е. уяснены и конкретизованы. Въ настоящее время этотъ капиталъ достигаетъ 33,475 р. Думается, что и въ будущемъ ему предстоитъ лишь расти отъ покоя, а не уменьшаться отъ тратъ на преміи, такъ какъ завѣщатель слишкомъ мечталъ, надѣясь на то, что міровое будущее богословской науки есть „единыя уста и единое сердце", а между тѣмъ при распоряженіи капиталомъ необходимо сообразоваться съ буквой завѣщанія.

В. Никифоровъ.

---

[1]) Церк. Вѣстникъ, 1893 г. № 48; Странникъ 1860 г. I, стр. 15—17; Историко-стат. свѣд. о СПБ. еп. т. VIII, стр. 70—72.

Симонъ Будный и его сектантская и литературная дѣятельность въ Литвѣ и Западной Руси.

О Симонѣ Будномъ находится весьма мало свѣдѣній въ исторической и библіографической литературѣ. Причину этого надо полагать въ томъ, что онъ не былъ виднымъ государственнымъ и общественнымъ дѣятелемъ. Онъ занималъ скромную должность кальвинскаго пастора. Впослѣдствіи же, сдѣлавшись главою религіозной секты Буднеистовъ, Симонъ Будный не пріобрѣлъ себѣ симпатій общества, какъ человѣкъ крайнихъ религіозныхъ воззрѣній, и память о немъ старались уничтожить истребленіемъ сочиненій его.

Относительно предковъ Симона Буднаго ничего неизвѣстно. Фамилія Будныхъ пріобрѣтаетъ извѣстность въ XVI в., благодаря богословскимъ, переводнымъ и литературнымъ трудамъ двухъ братьевъ—(или дяди и племянника)—Симона и Веніамина [1]) Будныхъ. Время рожденія Симона

[1]) Веніаминъ (Beniasz) Будный, ученый переводчикъ древнихъ классиковъ и авторъ нѣкоторыхъ сочиненій, жилъ въ царствованіе Сигизмунда III. Веніаминъ Будный исповѣдывалъ реформатство и сначала служилъ при дворѣ Христофора Радивила, польнаго гетмана Литовскаго, какъ это видно изъ заглавія сочиненія его „Apophegmata". Веніаминъ Будный оставилъ прекрасные переводы на польскій языкъ сочиненій Цицерона „О старости" и „О дружбѣ". Собѣщанскій въ Encykl. powsz. t. IV, 550, говоритъ, что переводъ соч. Цицерона „О старости" сначала вышелъ въ Краковѣ въ 1595 г., но что этого изданія никому изъ библіографовъ не удалось видѣть. Собѣщанскій ошибается. Первое изданіе вышло въ Вильнѣ, а не въ Краковѣ, въ 1595 г. подъ такимъ заглавіемъ: „Marka Tulliusza Cicerona Księgi o starosci. Teraz nowo z Łacinskiego na Polski ięzyk z pilnoscią przełozóne y wydane. Przez Beniasza Budnego. W Wilnie,

Буднаго неизвѣстно. Въ виду того, что первое выступленіе его на церковно-общественное поприще относится, какъ увидимъ ниже, къ 1558 году, а въ 1589 г. онъ называется уже человѣкомъ преклонныхъ лѣтъ [1]), и умеръ онъ въ глубокой старости—время рожденія его можно относить къ тридцатымъ годамъ XVI вѣка. Неизвѣстно въ точности и мѣсто рожденія Симона Буднаго. Первый біографъ антитринитаріанскихъ писателей и учителей Сандъ полагаетъ, что Симонъ Будный былъ родомъ изъ Мазовіи и, слѣдовательно,

---

w Drukarni Jana Karcana. R. 1595". Это сочиненіе посвящено Ѳеодору Скумину, Новогродскому воеводѣ. Экземпляръ этого чрезвычайно рѣдкаго изданія находится въ библіотекѣ Имп. Академіи Наукъ. Отношенія Веніамина Буднаго, протестанта, къ Ѳ. Скумину Тышкевичу, пропагандисту и стороннику уніи, очень любопытны и загадочны.—Второе изданіе этого сочиненія Веніамина Буднаго вышло опять же въ Вильнѣ въ 1693 г. Второе переводное сочиненіе Веніамина Буднаго „Книги о дружбѣ Цицерона" вышло въ первый разъ въ 1603 г. подъ слѣдующимъ заглавіемъ: „M. T. Cicerona księgi o przyjazni. Drukowano w Wilnie u Karcana. R. 1603". Переводъ этотъ посвященъ Адаму Хребтовичу. Но большею распространенностью пользовалось сочиненіе Веніамина Буднаго подъ слѣдующимъ заглавіемъ: „Krótkich a węzłowatych powiesci, ktore po-grecku zowią Apophegmata, ksiąg czworo, przež B. Budnego z rozmaitych przednieyszych autorow zebrane, teraz znowu z przyczynieniem innych roznych powiesci i nauk tychže filozofow wydane i wydrukowane z dozwoleniem starszych, w Krakowie u Bartolomieja Kwasniewskiego". Безъ обозначенія года выхода. О популярности этого сочиненія свидѣтельствуетъ то, что оно вышло больше, чѣмъ въ 7 изданіяхъ. Оно раздѣляется на четыре книги. Первая книга обнимаетъ „powiesci filozofow"; вторая—„cesarzow, krolów, książąt, hetmanów, senatorów i inszych przełożonych"; третья—„przypowiesci Lacedemonczykow", а четвертая—„białych glów roztropnych". Это сочиненіе В. Буднаго пользовалось популярностью и у насъ въ Россіи. Въ XVII ст. этотъ сборникъ былъ переписанъ у насъ прямо съ польскаго подлинника русскими буквами. При Петрѣ же Великомъ былъ сдѣланъ славянскій переводъ его подъ заглавіемъ: „Краткихъ, витіеватыхъ и нравоучительныхъ повѣстей книгі трі... Переведены съ польскаго на славянскій языкъ. Повелѣніемъ же Царскаго Величества напечатаны въ Москвѣ лѣта Господня 1711 въ Мартѣ" (Пекарскій, Наука и литература при Петрѣ В. т. II, с. 264). Такъ какъ В. Будный по вѣроисповѣданію былъ протестантъ, и при томъ братъ извѣстнаго антитринитарія, то сочиненія его, хотя не заключали въ себѣ ничего противнаго католической церкви, тѣмъ не менѣе были строго запрещаемы и истребляемы. Вслѣдствіе этого его сочиненія отличаются большою рѣдкостью.

[1]) Lithuanicarum societatis Jezu historiarum provincialium pars prima, auctote Stan. Rostowski (ex eadem societate), 1788. Wilnae, p. 173: *ut aetate sic amentia praecipitem.*

по происхожденію полякъ: Simon Budnaeus *Mazovius, ut opinor*, говоритъ Сандъ [1]). Этого мнѣнія держится большинство послѣдующихъ историковъ, которымъ приходилось упоминать о Симонѣ Будномъ. Боккъ, говоря о родинѣ Симона Буднаго, прямо ссылается на Санда [2]). Этого же мнѣнія держится и Лукашевичъ [3]). Нѣкоторые русскіе историки, зная, что Симонъ Будный писалъ и издавалъ для русскаго народа книги на русскомъ языкѣ, дѣлаютъ предположеніе, что онъ родился въ Литовской Руси [4]). Позднѣйшіе историки соединяютъ оба эти мнѣнія въ одно, предполагая, что онъ родился или въ Мазовіи, или въ Литовской Руси [5]). Вѣскихъ основаній въ пользу того или другого мнѣнія покамѣстъ нѣтъ возможности привести. Но все-таки, кажется, мнѣніе Санда относительно мѣста происхожденія Симона Буднаго отличается большею вѣроятностью. Въ пользу того мнѣнія, что Симонъ Будный былъ по происхожденію полякомъ, можно привести слѣдующія основанія. Симонъ Будный владѣетъ польскимъ языкомъ такъ прекрасно, какъ только возможно истому поляку. На этомъ языкѣ онъ написалъ бóльшую часть своихъ сочиненій, перевелъ на этотъ языкъ всѣ книги Св. Писанія и обогатилъ польскую рѣчь нѣсколькими новыми, весьма удачными словами. Польскій языкъ и польскую національность Симонъ трактуетъ въ своихъ сочиненіяхъ, какъ родной языкъ и какъ свою національность [6]).

Склонившись къ тому мнѣнію, что Симонъ Будный по происхожденію былъ полякъ, мы принимаемъ и другую

---

[1]) Sandius, Bibliotheca Antitrinitariorum, Freistadii, 1584, p. 54.

[2]) Bock, Historia Antitrinitoriorum, Regiomonti et Lipsiae, 1774, p. 82: Sim. Budnaeus Mazovius patria fuit, ut opinatur Sandius. Lamy, Histoire du Socianisme, Parisi, 1723, p. 285.

[3]) Łukaszewicz, Dz. Kosc. wyzn. Hel. w Litwie, Poznan, 1843, t. II, p. 30.

[4]) *Евгеній* митр., Словарь писателей духовнаго чина, ч. I, 262.

[5]) Maciejowski, Pism. Polskie, Warszawa, 1853, III, 371. Митр. Макарій, Ист. Рус. ц., IX, 323. Труды Кіевской Дух. Акад. за 1876, Письмо Ивана Смеры, ст. Ив. Игн. Малышевскаго.

[6]) Godziło się też y o *naszych polskich* tłumaczach nieco przypomnieć",— говоритъ С. Будный послѣ разсужденія о неудовлетворительности славянскаго перевода библіи. *Naszy* mili księża kollegiaci wolą ledaco, na swoię wieczną, hańbę, na papier mazać" etc. (Nowy Testament, znowu przełozony... przez S. Budnego, Losk, 1574, przedmowa, 2. „Zaisteby się tak w rychle *iięzyk nasz* niejako rozszerzyc mogł"... (Biblia, t. e. Ks. Star. y Now. rpzymierza... przełož. przez S. Búdnego). (Nieswiz, 1572, przedmowa, 3).

часть этого мнѣнія, что онъ родился въ Мазовіи. Эта провинція находилась почти въ самомъ центрѣ тогдашней Речи Посполитой и соприкасалась своими границами съ литовскими и русскими областями. Эта провинція издревле была извѣстна по многочисленности въ ней шляхты, мелкаго дворянства. Къ одной изъ шляхетскихъ фамилій Мазовіи, вѣроятно, принадлежала и фамилія Будныхъ. Относительно вопроса, былъ ли Симонъ Будный шляхетскаго происхожденія, не существуетъ несомнѣнныхъ данныхъ. Нѣсецкій относитъ фамилію Будныхъ къ числу дворянскихъ фамилій [1]).

При рѣшеніи вопроса, къ какому вѣроисповѣданію первоначально принадлежалъ Симонъ Будный, встрѣчаемся съ различными мнѣніями. Лица, склонныя предполагать, что Симонъ Будный былъ по происхожденію русскій, утверждаютъ, безъ указанія какихъ бы то ни было основаній, что первоначально онъ принадлежалъ къ православной церкви; мало этого: даже былъ православнымъ священникомъ, но потомъ отрекся отъ православія [2]). Другіе же историки не дѣлаютъ никакого упоминанія о первоначальномъ вѣроисповѣданіи Симона Буднаго, По нашему мнѣнію, Симонъ Будный, какъ полякъ по происхожденію, именно мазовшанинъ [3]),

---

[1]) Niesiecki, Herbarz polski (wydanie Bobrowicza, Lipsk, 1839, II, 352): Какъ видно изъ словъ Нѣсецкаго, шляхетскій родъ Будныхъ былъ распространенъ въ Литвѣ и на Волыни. Но всѣ упомянутые Несецкимъ Будные принадлежатъ позднѣйшему времени, къ 17—18 вв. Въ это время они, можетъ быть, и переселились сюда.

[2]) *Евгеній,* Словарь писателей духовнаго чина (l. c.); *Wiszniewski,* Hist. liter. Pol. (l. c.); *Макарій* митр., Ист. рус. ц., IX, 323; *Малышевскій,* Письмо Иваны Смеры (l. c.); *Kondratowicz* (Syrokomla) Dz. lit. w. Polsce, 2-е изд., Warszawa, 1875 г., II, 232: „Sz. Budny niegdyś *kapłan wyznania ruskiego*“. Откуда Кондратовичъ почерпнулъ подобныя свѣдѣнія—неизвѣстно.

[3]) Мазовія издавна отличалась особенною приверженностью къ католицизму. Слава о ея ортодоксальности проникла даже въ монастыри далекой Испаніи. Иванъ Тэнчинскій, сандомірскій воевода, разсказывалъ однажды, что когда онъ путешествовалъ по Испаніи и былъ принужденъ просить гостепріимства въ какомъ-то монастырѣ, то его не хотѣли принять, такъ какъ его показаніе, что онъ полякъ, оказалось недостаточнымъ. Но когда его слуга сказалъ, что онъ родомъ изъ Мазовіи, то сейчасъ передъ нимъ открылись гостепріимно ворота, какъ передъ жителемъ провинціи, преданной римской церкви (Вержбовскій, Варшевицкій и его сочиненія, Варшава, 1886, 21).

принадлежалъ первоначально къ римско-католическому вѣроисповѣданію [1]).

Желая попасть на какой бы то ни было факультетъ университета, каждый студентъ долженъ былъ кончить вступительные курсы „trivium", гдѣ обучался латинской грамматикѣ, риторикѣ и хоровому пѣнію, и „quadrivium", гдѣ онъ изучалъ основы философіи и пріобрѣталъ элементарныя свѣдѣнія по математикѣ. Пройдя гдѣ либо эти курсы, Симонъ Будный, вѣроятно, поступилъ на богословскій факультетъ Краковской академіи. Здѣсь господствовалъ схоластическій духъ. Изучая Аристотелеву философію, искаженную средневѣковыми схоластиками, студенты становились поклонниками естественной философіи (philosophiae naturalis), которая, подводя наблюденіе подъ извѣстные апріорные философскіе догматы, изъясняла все не эмпирически, а раціоналистическимъ умствованіемъ, умозрительными построеніями. Вліяніе этого схоластическаго направленія не прошло безслѣдно въ жизни Симона Буднаго: отсюда онъ получилъ страстную наклонность къ диспутамъ, доктринерству и раціоналистичеккому мышленію. Здѣсь же, въ Краковской академіи, вѣроятно, Симонъ Будный познакомялся съ сочиненіями протестантскихъ реформаторовъ. Съ самаго начала реформаціи, со времени выступленія Лютера съ протестомъ противъ римско-католической церкви въ Краковской академіи ходили по рукамъ всѣхъ образованныхъ людей сочиненія Лютера, Меланхтона и др. Въ это времи Симонъ Будный, вѣроятно, сталъ протестантомъ, колеблясь между кальвинизмомъ и лютеранствомъ. Здѣсь же, въ Краковѣ, Симонъ Будный познакомился, вѣроятно, съ тѣмъ кружкомъ, въ которомъ впервые въ Польшѣ возникаютъ антитринитаріанскія мнѣнія. Около 1546 г. въ Краковѣ образуется кружокъ изъ

---

[1]) Łukaszewicz, o. c., II, 30: rodem podobno z Mazowsza i uczen Akademii Krakowskiej". Это повторяютъ за Лукашевичемъ многіе историки. Откуда заимствованы имъ эти свѣдѣнія, неизвѣстно. Мы хотѣли провѣрить эти свѣдѣнія по соч. Soltykowicża „O Stanie Akademii Krakowskiej, гдѣ перечислены студенты со времени основанія Академіи до 17 в., но имени С. Буднаго среди студентовъ не нашли. Г. Генрихъ Мерчингъ склоненъ думать, что Будный учился въ Кролевецкомъ (Кенигсбергскомъ) университетѣ (Szymon Budny, jako krytyk tekstow biblijnych, Krakow, 1913, str. 9). Можетъ быть, въ Кролевцѣ Будный довершилъ свое образованіе.

образованныхъ личностей того времени: извѣстный поэтъ, переводчикъ и богословъ Андрей Тржецескій, типографъ Бернардъ Воеводка, замѣчательный законовѣдъ, ораторъ, поэтъ и философъ Яковъ Прилускій, духовникъ королевы Боны, знатокъ богословія—итальянецъ Ф. Лисманини, позднѣйшій гнѣзненскій архіепископъ Яковъ Уханскій, краковскій епископъ, ученикъ Эразма Роттердамскаго — Андрей Зебржидовскій и многіе другіе литературные и государственные дѣятели эпохи Сигизмундовъ стоятъ въ числѣ членовъ этого кружка. Всѣ эти люди проникнуты были идеями гуманизма, всѣ они были поклонниками классической древности, отлично владѣли латинскимъ языкомъ; многіе писали на немъ свои сочиненія; нѣкоторые обладали даже знаніемъ греческаго и еврейскаго языковъ. Всѣ они сочувственно относились къ реформаціонному движенію, многіе даже, какъ напр. Ф. Лисманини, Тржецескій, Прилускій, открыто стали на его сторону. Кружокъ этотъ устраивалъ сходки, на которыхъ бесѣдовали о всѣхъ вопросахъ современной жизни, особенно о вопросахъ церковно-религіозныхъ, привлекавшихъ въ то время всеобщее вниманіе [1]). На собраніяхъ кружка часто присутствовали и пріѣзжія изъ-за границы лица. Однажды на одномъ изъ такихъ собраній былъ поднятъ вопросъ о Св. Троицѣ. Кромѣ обыкновенныхъ членовъ кружка тутъ находился еще нѣкто Спиритусъ—Бельгіецъ [2]). Собраніе происходило, по обыкновенію, въ домѣ Тржецескаго. Ожидая обѣда, гости собрались въ библіотекѣ хозяина дома и, пользуясь его позволеніемъ, стали пересматривать книги. Спиритусу попался въ руки какой-то молитвенникъ. Пересматривая его, онъ нашелъ въ немъ молитвы — однѣ въ честь Бога Отца, другія — въ честь Бога

---

[1]) Szujski, Odrodz. i Reform. w Polsce (Krakow 1881 г.) 79; Szujski Hist. Pol. (Warszawa. 1880 г.); 20; Kondratowicz, Dzieje liter. Pol., I, 173.

[2]) Это былъ Рудольфъ Мартинъ, который принадлежалъ къ сектѣ анабаптистовъ. Нѣкоторые же писатели полагаютъ, что подъ именемъ Спиритуса скрывался Эверардъ Гейстеранъ, одинъ изъ „пророковъ", который во время распространенія реформаціи въ Нидерландахъ училъ, что Св. Духъ—это не что иное, какъ человѣческій разумъ. *Ossolinski*, Wiadom. Hist.-kryt., t. IV, Lwow, 1852, 125. *Lauterbach* о Спиритусѣ замѣчаетъ: „oder ein schwarzer oder ein weizer Geist war, nicht nötig zu tragen, weil er seiner Handlung nach alzu schwarz" (Poln. Socianismus, art. Modrzevius).

Сына, а иныя—въ честь Св. Духа. Удивленный этимъ, Спиритусъ обратился къ присутствовавшимъ съ вопросомъ, неужели они почитаютъ трехъ боговъ? Ему отвѣтили, что поляки, какъ христіане, вѣрятъ въ Единаго Бога, который „in unitate essentiae tres personas habet“. „Извините“, возразилъ тотъ, „Бога, содержащаго въ себѣ трехъ боговъ, слѣдуетъ различать отъ этихъ трехъ боговъ, содержащихся въ немъ“. Присутствующіе отвѣчали, что его мнѣніе не болѣе, какъ софизмъ: „вѣра во Св. Троицу у христіанъ проста: „unus Deus est essentia, trinus personis“. Но такой отвѣтъ не удовлетворилъ антитринитарія: „значитъ, заключилъ Спиритусъ, Богъ у васъ выходитъ одинъ и тройной; если онъ единъ, но въ трехъ лицахъ, такъ зачѣмъ же вы обращаетесь къ этимъ тремъ лицамъ съ различными просьбами и каждое изъ нихъ просите объ отдѣльныхъ благодѣяніяхъ? Собесѣдники на этотъ вопросъ ничего не отвѣчали, поспѣшили прекратить разговоръ на эту тему и заговорили о другомъ [1]). Такимъ образомъ здѣсь было брошено первое въ Польшѣ сѣмя антитринитаріанства — какимъ-то пріѣзжимъ бельгійцемъ. Въ то же время начинаются оживленныя сношенія Польши съ Швейцаріей, въ которой начало развиваться антитринитаріанское движеніе. Поляки могли знакомиться съ новымъ религіознымъ движеніемъ, не-только посѣщая Швейцарію, но и у себя дома, такъ какъ проповѣдники этого ученія стали посѣщать въ это время Польшу. Но до 1556 г. въ Польшѣ не слышится открытой проповѣди, направленной противъ догмата о Св. Троицѣ. Симонъ Будный, находясь въ Краковѣ въ то время, когда здѣсь происходило сильное религіозное броженіе, когда дѣйствовалъ упомянутый кружокъ образованныхъ лицъ, не могъ быть внѣ вліянія его. Здѣсь, вѣроятно, положена закваска въ Симонѣ Будномъ антитринитаріанскаго мышленія. Въ Краковѣ онъ познакомился съ многими сочиненіями итальнскихъ антитринитаріевъ, въ частности здѣсь онъ познакомился, вѣроятно, съ „проповѣдями“ Бернарда Охина [2]), о „Діало-

---

[1]) Modrzevius, Sylvae quatuor, 1590, sine loco, p. 81. *Ossolinski*, Wiadom. Hist.-kryt., IV, 124—126. Grabowski, Litaratura Aryańska w Polsce (Kraków, 1908), 13—14.

[2]) Бернардъ Охинъ по мѣсту рожденія назывался Senensis Italus Сначала былъ приверженцемъ папы, состоялъ генераломъ капуцинскаго ордена. Будучи уже сѣдымъ старикомъ, онъ сбросилъ съ себя монаше-

гахъ" [1]) котораго онъ говорилъ впослѣдствіи, что они много помогли ему придти къ истинѣ (т. е. антитринитаріанству [2]).

Такимъ образомъ, Симонъ Будный присутствовалъ на мѣстѣ зарожденія польскаго антитринитаріанства, въ Краковѣ; здѣсь онъ читалъ сочиненія, въ которыхъ проводились антитринитаріанскія идеи, и здѣсь же у него могло уже явиться расположеніе къ антитринитаріанству. Впрочемъ, симпатій своихъ къ нему онъ тогда ничѣмъ не обнаружилъ.

Когда Симонъ Будный оставилъ Краковъ и гдѣ обрѣтался онъ по выходѣ изъ Краковской академіи,—не извѣстно. Въ 1558 году онъ является въ Вильнѣ въ роли кальвинскаго проповѣдника-катехизатора [3]). При виленскомъ реформатскомъ зборѣ, сооруженномъ и патронируемомъ Радивилами, Будный оставался, повидимому, не долго. Николай Радивилъ Черный, озабоченный тогда приглашеніемъ пасторовъ въ свои имѣнія, обратилъ на талантливого проповѣдника свое вниманіе и предложилъ Будному должность пастора. Какъ знатокъ русскаго языка, Симонъ Будный былъ поставленъ пасторомъ къ кальвинскому збору въ *Клецкѣ*, такъ какъ въ этой мѣстности преобладало русское населеніе. Си-

---

ское званіе и отрексл отъ римско-католичества. Путешествовалъ по Швейцаріи, Германіи, Англіи. Въ Женевѣ былъ любезно принятъ Кальвиномъ. Второй разъ въ Женевѣ онъ остановился 28 октября 1553 г., на второй день по сожженіи Михаила Сервета. Здѣсь онъ женился на бѣдной, простой дѣвушкѣ. Но отсюда вскорѣ, въ 1555 г., онъ былъ приглашенъ въ Цюрихъ въ качествѣ проповѣдника. Сочиненія его проникають въ Польшу весьма рано. По свидѣтельству Любенецкаго и Будзинскаго, въ 1545—1547 гг. Лисманинъ читалъ проповѣди Охина, подаренныя ему королевой Боной. Въ этихъ проповѣдяхъ Охинъ возставалъ противъ римской церкви, проводилъ различныя религіозныя заблужденія. Проповѣди эти были изданы въ Базелѣ въ 1543—45 гг. Объ Охинѣ трактатъ у Оссолинскаго Wiadom. Hist.-kryt., II, 1—75. *Sandius*, Bibliot. Antitrinit, 2—6.

[1]) Dialogi triginta in duos libros divisi, quorum primus est de Messia, continetque Dialogus XVIII. Secundus est cum de rebus variis, tum potissimum de Trinitate. Первая книга посвящена Comiti Bethfordiae, вторая—Н. Радивилу Черному. Написаны эти діалоги на итальянскомъ языкѣ. На латинскомъ языкѣ изданы Петромъ Перномъ въ 1563 съ толкованіями Касталіона. Sandius, Bibliot. Antitr., p. 5.

[2]) Jocher, Obraz Bibliogr.-historicz. literatury y nauk w Polsce, (Wilno, 1840—1857), II, 511.

[3]) Merczyng, 10, на основаніи сохранившихся въ краковской библіотекѣ Чартарыйскихъ актовъ Виленскаго збора, изданныхъ въ Брестѣ въ 1559 г.

монъ Будный, вѣроятно, оправдалъ возлагавшіяся на него надежды и ревностно распространялъ кальвинское ученіе посредствомъ устной проповѣди и посредствомъ школы. Но при одномъ такомъ способѣ пропаганды кальвинства нельзя было надѣяться на успѣхъ ея на большомъ пространствѣ и на прочность самой пропаганды. Поэтому у Симона Буднаго является мысль издать на мѣстномъ русскомъ языкѣ кальвинскій катихизисъ съ цѣлью дать школѣ „для дѣтокъ христіанскихъ языка руского“—наставленіе въ вѣрѣ и утвержденіе въ томъ, что онъ ревностно проповѣдывалъ устно. Въ этомъ предпріятіи Симона Буднаго поддержали его единовѣрцы и друзья Матѳей Кавечинскій, староста Несвижскихъ имѣній Николая Радивила Чернаго, и Лаврентій Крышковскій, пасторъ Несвижскаго збора. 10-го іюня 1562 г. изъ Несвижской типографіи вышелъ „Катихизисъ, то-есть наука стародавная христіаньская отъ светого писма, для простыхъ людей языка руского, въ пытаніахъ и отказѣхъ събрана“. Катихизисъ изданъ накладомъ Матѳея Кавечинскаго [1]), Симона Буднаго и Лаврентія Крышковскаго [2]). Из-

[1]) Родъ Кавечинскихъ былъ распространенъ въ Пруссіи, въ Минскомъ и Новогродскомъ воеводствахъ. Многіе изъ Кавечинскихъ занимали довольно видные государственные посты въ 17 и началѣ 18 вв. (Niesiecki, V, 858. Упомянутый здѣсь М. Кавечинскій извѣстенъ своею дѣятельностью сначала въ пользу кальвинства, потомъ антитринитаріанства. Религіозныя воззрѣнія его измѣнялись одновременно съ тѣмъ, какъ измѣнялись они у его пріятелей—Симона Буднаго и Лаврентія Крышковскаго. М. Кавечинскій извѣстенъ, какъ издатель нѣсколькихъ кальвинскихъ книгъ, какъ издатель польскаго перевода Библіи и участникъ въ этомъ переводѣ. Послѣдняго труда онъ не могъ кончить за смертью, и дѣло его довершили его братья Альбрехтъ и Гекторъ Кавечинскіе.

[2]) Лаврентій Крышковскій былъ пасторомъ при Несвижскомъ зборѣ. По свидѣтельству Санда и Бокка (Sandius, 54; Bock, 203) Л. Крышковскій по происхожденію былъ литовскій шляхтичъ. Но Лукашевичъ (Dz. wyzn. helw. w Litwie, II, 52) утверждаетъ, что Л. Крышковскій происходилъ изъ Великой Польши, на томъ основаніи, что Андрей Волянъ называетъ его своимъ землякомъ и ученикомъ, а Волянъ происходилъ изъ Великой Польши. Мнѣніе Лукашевича удерживаютъ послѣдующіе историки. Л. Крышковскій былъ домашнимъ человѣкомъ въ домѣ богатаго великопольскаго магната Гурко. Въ типографіи его въ Самотулахъ Крышковскій отпечаталъ первое свое переводное сочиненіе. Фамилія Гурко весьма рано склонилась къ протестантству. Поэтому и Л. Крышковскаго мы находимъ протестантомъ уже въ 50-хъ годахъ XVI вѣка. Въ это время, впрочемъ, онъ больше склонялся къ исповѣданію братьевъ

даніе посвящено сыновьямъ князей Николая Радивила Чернаго и Николая Радивила Рыжаго. Въ посвященіи, указавъ нѣсколько примѣровъ въ подтвержденіе того, что Богъ, хотя иногда оставлялъ человѣка на собственную его волю, однако никогда не допускалъ его до погибели, и по своей чрезмѣрной милости спасалъ,—издатели утверждаютъ, что и въ настоящее время Богъ проявилъ къ людямъ подобную же милость, исторгнувъ ихъ изъ пропасти Римскаго и Греческаго

Чешскихъ, находился въ сношеніяхъ съ Георгіемъ Израилемъ, первымъ сеніоромъ этого исповѣданія въ Польшѣ. Около 1553 г., по рекомендаціи Гурко, Л. Крышковскій поступилъ, въ качествѣ пастора, къ Несвижскому збору. Здѣсь, въ Несвижѣ онъ осуществлялъ планы новаго своего патрона Николая Радивила Чернаго, распространяя кальвинское исповѣданіе. Здѣсь же, въ Несвижѣ, Л. Крышковскій оказывалъ дѣятельную помощь Симону Будному при изданіи послѣднимъ Кальвинскаго катехизиса. Около 1563 г. Л. Крышковскій вмѣстѣ съ своими друзьями и товарищами Симономъ Буднымъ и Кавечинскимъ сталъ склоняться къ антитринитаріанскимъ заблужденіямъ, увлекаемый Бляндратою и другими проповѣдниками антитринитаріанства въ Литвѣ. Напоминанія Н. Радивила Чернаго не удержали его отъ этихъ заблужденій. Своимъ примѣромъ Л. Крышковскій увлекъ многихъ въ Несвижѣ и его окрестностяхъ и между прочимъ и двухъ братьевъ Альбрехта и Гектора Кавечинскихъ. Но къ полному разрыву съ кальвинистами Л. Крышковскій пришелъ уже послѣ смерти Н. Радивила Чернаго. Потомъ Л. Крышковскій становится извѣстенъ, какъ суперъ—интендентъ анабаптистовъ. Смерть его относится приблизительно къ 1573 г.—Лаврентій Крышковскій издалъ два сочиненія. Одно изъ нихъ носитъ заглавіе: „O prawdziwem i gruntownem używaniu zbawienia w zaspokojonem człowieka sumieniu. Rozmowa czterych braci zakonu Chrystusowego, z czeskiego języka przełozona. Szamotuły, 1558“. *Фризе* говоритъ (Friese, Beitr. II, t. I, S. 417), что Л. Крышковскій давалъ Георгію Израелю это сочиненіе для просмотра и съ его одобренія началъ печатать. Боккъ утверждаетъ, что упомянутое сочиненіе Л. Крышковскаго не переводное, а оригинальное. Но Боккъ ошибается. Въ предисловіи къ другому своему сочиненію Л. Крышковскій прямо говоритъ, что это сочиненіе онъ перевелъ съ чешскаго языка: оправдываясь отъ взводимыхъ на него обвиненій въ ереси, онъ отсылаетъ къ первому своему сочиненію: „odsyłam do onych ksiąžek przed kilkiem lat odemnie z języka Czeskiego, jakosz kolwiek, wszakže własnie, przełożonych, w kłorych się zamyka Rozmowa 4 bratow o pewnosci zbawienia“ (Sw. Justyna Filozofa Rozmowa, Apendix). Другое сочиненіе Л. Крышковскаго озаглавливается: „Swiętego Justyna Filozofa i męczenika žywot krótko z niektorych historykow i z ksiąg samego Iustyna zebrany (Nieswież, 1564 г.). Оба эти сочиненія составляютъ библіографическую рѣдкость. Послѣднее сочиненіе Л. Крышковскаго, съ выходными листами, найдено нами въ неразобранной библіотекѣ Залускихъ (въ Спб. Имп. Публ. библ.).

Вавилона, и опять обратилъ ихъ къ истинному Избавителю: „такжеть и теперъ, освѣцоные и милостивые княжата, намъ—остатному потомству отцовъ нашихъ и предъ остатнимъ днемъ содравши слѣпоту отъ сердецъ и очью нашихъ, черезъ Духа Св. и светлость Евангелія Сына своего, Отецъ Оный всего милосердья учинити рачилъ, же намъ оную выполъненную вечную обетницу Христа Пана, которую намъ былъ сатанъ въ пропасти Римского и Греческого Вавилона, затмивъ слово его святое, нарушилъ, и тайны посквернилъ, знову праве объяснити, а яко пальцемъ оказати, а насъ съ тое Содомы Антихристовой выръвати, опять знову ку истинному Збавителю притегнути рачилъ, которого тутъ въ тыхъ малыхъ новое кузни книгахъ, онымъ славнымъ здавна далеко росъширеннымъ словеньскимъ языкомъ суть накоротце написаны права“ [1]). Дальше издатели говорятъ, что, посвящая свое изданіе сыновьямъ „двухъ славныхъ одного коренья филяровъ (столповъ) Речи Посполитой“, они преслѣдовали ту же цѣль, что и Ев. Лука, посвящая свое Евангеліе нѣкоему Феофилу, именно, чтобъ дѣти этихъ столповъ съ юности занимались словомъ Божіимъ и воспитывали въ своихъ сердцахъ любовь къ нему. Другимъ мотивомъ посвященія Катихизиса сыновьямъ Радивиловъ было стремленіе издателей внушить молодымъ князьямъ желаніе любить издавна славный славянскій языкъ: „абыся ваши княжацкіе“ милости не только въ чужеземскихъ языцехъ кохали, алебыся тежъ ваши княжацкіе милости и того здавна славного языка словеньского розмиловати и онымъ ся бавити рачили. Слушная бо рѣчь есть, абы ваши княжацкіе милости того народу языкъ миловати рачили, въ которомъ давъные предъки и ихъ княжацъкіе милости панове отци вашихъ княжацскихъ милости славне предпеишіе преложенства несуть“ [2]). Выразивъ радость по тому поводу, что сыновей Радивиловъ „Богъ всемогущій еще въ молоденьстве изнаити рачилъ“, и далъ возможность имъ узнать истинное Его ученіе,—издатели приглашаютъ ихъ (молодыхъ князей) съ отверстыми сердцами принять гостя—просвѣтившаго ихъ Бога и Его ученіе, и въ своемъ лицѣ „всимъ иншимъ добрый взоръ и прикладъ давать“, чтобы этимъ путемъ и другіе

---

[1]) Несвиж. Катихизисъ 1562 г. Л. 3об. и 4.
[2]) Несвиж. Катихизисъ 1562 г., 4 л. и об.

принимали истинное ученіе, и отчизна—„Речь Посполитая" видѣла въ этомъ оправданіе своихъ надеждъ на нихъ".

Какъ широко былъ распространенъ Катихизисъ Симона Буднаго въ Литвѣ и Западной Руси, на этотъ вопросъ трудно отвѣтить точно. Безспорно то, что онъ употреблялся въ кальвинскихъ школахъ въ качествѣ учебника, такъ какъ другихъ руководствъ по этому предмету въ то время для нихъ на русскомъ языкѣ не существовало, и даже впослѣдствіи не издавалось [1]). Несомнѣнно также то, что этотъ катихизисъ усердно распространяли въ народѣ [2]). Многихъ ли Симонъ Будный отторгнулъ отъ православной вѣры своимъ Катихизисомъ, неизвѣстно. Едва ли многіе изъ простого народа увлеклись подъ вліяніемъ его кальвинскими заблужденіями: современные историки прямо говорятъ, что простой русскій народъ ревниво держался вѣры отцовъ. Спустя нѣсколько лѣтъ послѣ выхода Несвижскаго Катихизиса его постигла, вѣроятно, та же участь, какая постигла и другія кальвинскія изданія. Сыновья Николая Радивила Чернаго, которымъ онъ, между прочимъ, былъ посвященъ, истребили его вмѣстѣ съ другими кальвинскими изданіями своего отца.

Въ томъ же 1562 г. (10 октября) изъ Несвижской типографіи вышло другое сочиненіе Симона Буднаго подъ заглавіемъ: „О оправданіи грѣшнаго человѣка предъ Богомъ, книжка С. Б." (Симона Буднаго). Сочиненіе это было посвящено Евстафію Воловичу, маршалку и писарю Великаго Княжества Литовскаго, который не жалѣлъ матеріальныхъ средствъ „на размноженіе книгъ добрыхъ". „Часто бо отъ твоей милости слышалъ есмь", говоритъ Симонъ Будный, „якобы радъ есь мѣлъ подданнимъ своимъ учителей вѣрныхъ и на размноженіе книгъ добрыхъ накладовъ обецуешъ

---

[1]) Kondratowicz o. c. II, 237.

[2]) О распространенности Катихизиса Симона Буднаго можетъ свидѣтельствовать то, что онъ находится, напр., въ реестрѣ книгъ Львовскаго ставропигіальнаго братства, составленномъ въ 1601 г. Между книгами на славянскомъ и русскомъ языкахъ въ немъ значится: „книга полдесту, зовемая Катехизисъ, Френцѣшкова друку". Это и есть Катихизисъ Симона Буднаго, отпечатанный такимъ же шрифтомъ, какъ и библія Франциска Скорины. Проф. *Голубевъ*, Петръ Могила, I, прибавленія, 169. Въ 1622 г. авторъ уніатскаго полемическаго сочиненія Antelenchus (Wilno, 1622), объясняя успѣхи протестантства среди русскихъ дворянъ, въ Новогородскомъ воеводствѣ, писалъ: „Симонъ Будный и Лаврентій Крышковскій печаталъ свой аріанскій ядъ по русски" (49—50).

не жаловати. А не только обецуешъ, но и початокъ сее друкарни нашее твоей милости наклады исперва еще, яко нѣкое основаніе, уготовали и укрѣпили. На што я и съ товарищами своими памятуючи и вѣроятность показати хотечи, умыслили есмо подъ именемъ твоимъ сіе початки выпустити“ [1]).

Въ своемъ Катихизисѣ Симонъ Будный остается еще последователемъ кальвинскаго исповѣданія. Но во второмъ его сочиненіи „О оправданіи грѣшнаго человѣка предъ Богомъ“ уже обнаруживается антитринитаріанская закваска его: въ заключеніи книги, въ славословіи Богу: „Богу нашему слава со Отцемъ и Святымъ Духомъ“—Симонъ Будный уже отдѣляетъ Сына и Духа Святого отъ Божества, какъ говоритъ старецъ Артемій [2]). Въ какой степени проведены были въ этомъ сочиненіи антитринитаріанскія воззрѣнія, сказать невозможно, такъ какъ изъ всего сочиненія въ литературѣ извѣстны только вышеприведенныя строки. Во всякомъ случаѣ современникъ Симона Буднаго старецъ Артемій, имѣвшій подъ руками это сочиненіе, нашелъ въ немъ заблужденія, отличныя отъ кальвинскихъ. Такимъ образомъ, мы знаемъ только одно сочиненіе Симона Буднаго, въ которомъ онъ остается вѣрнымъ кальвинскому исповѣданію. Книжка же „О оправданіи“ представляетъ уже кальвинско-антитринитаріанское произведеніе Симона Буднаго. Всѣ же остальныя его сочиненія, какъ оригинальныя, такъ и переводныя, написанныя въ послѣдующее время (1570—1584 гг.), представляютъ изложеніе антитринитаріанскихъ воззрѣній, защиту и пропаганду ихъ. Основываясь на этихъ данныхъ, рѣшительное и на практикѣ проявившееся измѣненіе религіозныхъ воззрѣній Симона Буднаго въ пользу антитринитаріанства мы должны отнести къ концу 1562 года. Съ этого времени Симонъ Будный становится проповѣдникомъ въ Литвѣ антитринитаріанскихъ заблужденій, причемъ въ своихъ религіозныхъ воззрѣніяхъ обособляется отъ другихъ партій антитринитаріанства и образуетъ особую религіозную секту буднеистовъ, или буднеановъ [3]).

---

[1]) Сопиковъ, Опытъ Рос. библ., (СПБ., 1813), I, CLI. Сопиковъ книжку „объ оправданіи“ считалъ первой книгой, вышедшей изъ Несвижской типографіи. Но она вышла четыре мѣсяца спустя послѣ Катихизиса (вышелъ 10 іюня).

[2]) Рус. Ист. Библ., IV, 1314. [3]) Bock., 82.

Родиной польскаго антитринитаріанства реформаціонной эпохи была Италія. Начало новѣйшихъ антитринитаріанскихъ воззрѣній положено въ той школѣ реформаціонной мысли, которую началъ утверждать Лелій Социнъ (1525—1562) и которую его болѣе знаменитый племянникъ Фаустъ Социнъ, въ соединеніи съ другими итальянцами, распространилъ въ большей части Европы. Возникновеніе такого образа мыслей здѣсь, въ Италіи, было естественнымъ результатомъ длиннаго ряда обстоятельствъ, дѣйствовавшихъ здѣсь въ теченіе многихъ вѣковъ. Великое богатство итальянскихъ республикъ, ихъ торговыя сношенія съ людьми всѣхъ націй и всѣхъ религій, безчисленныя воспоминанія язычества, разсѣянныя въ странѣ, и высокое эстетическое развитіе, которое было здѣсь почти всеобщимъ,—всѣ эти обстоятельства различнымъ образомъ и въ разной степени содѣйствовали тому, чтобы вызвать въ Италіи особенную любовь къ богословско-философскимъ изысканіямъ и особенную способность заниматься ими. Греческіе ученые, послѣ паденія Константинополя нашедшіе пріютъ въ Италіи, въ итальянскихъ государяхъ нашли самыхъ щедрыхъ покровителей, а въ университетахъ—наиболѣе удобное для себя пристанище. Здѣсь, въ университетахъ, подъ вліяніемъ талантливыхъ профессоровъ, начались смѣлыя богословскія изысканія, отсюда вышелъ рядъ богослововъ, подвергшихъ теологическіе вопросы самой неустрашимой критикѣ. Представители этой категоріи вольнодумцевъ явились и въ Польшу, а отсюда и въ Литву. Въ Польшѣ антитринитаріанство стало зарождаться уже въ извѣстномъ намъ краковскомъ кружкѣ, въ которомъ видное мѣсто занималъ Ф. Лисманини, итальянецъ, еще въ Италіи познакомившійся съ антитринитаріанскими учителями, придворный проповѣдникъ и духовникъ королевы. Въ 1551 г. Польшу посѣтилъ Л. Социнъ; въ Краковѣ онъ гостилъ у Лисманини. Это первое пребываніе Социна въ Польшѣ не могло остаться безслѣднымъ въ дѣлѣ пропаганды идей антитринитаріанства. Но въ Польшѣ антитринитаріанство развивалось и распространялось гораздо медленнѣе, чѣмъ въ Литвѣ, хотя и началось тамъ раньше, чѣмъ въ послѣдней. Первыми распространителями антитринитаріанства въ Литвѣ были Лисманини, часто бывавшій въ Литвѣ вмѣстѣ съ Сигизмундомъ Августомъ, и Петръ изъ Гонендза, который послѣ неудачной попытки проповѣди своего ученія въ Ма-

лой Польшѣ и послѣ поѣздки въ Виттенбергъ поселился на своей родинѣ—въ Подляхіи. Здѣсь онъ вскорѣ нашелъ лицъ, сочувствующихъ его ученію. Въ скоромъ времени образовался центръ антитринитаріанскаго ученія въ Пинчовѣ (въ сендомірскомъ воеводствѣ), гдѣ имѣли главный пріютъ антитринитаріанскіе учители. Въ 1558 г. Л. Социнъ вторично посѣтилъ Польшу и Литву. Благодаря стараніямъ своихъ друзей, Л. Социнъ получилъ рекомендательныя письма отъ Меланхтона къ королю Сигизмунду Августу и отъ Кальвина къ Николаю Радивилу Черному. Послѣдній окружалъ Социна большимъ вниманіемъ.

Со стороны всѣхъ этихъ антитринитаріанскихъ учителей шло вліяніе и на Симона Будпаго. Еще будучи въ Краковѣ, онъ познакомился съ тамошнимъ кружкомъ вольнодумцевъ. Живя въ Польшѣ до перехода къ Виленскому и Клецкому зборамъ, онъ тамъ, вѣроятно, видѣлся съ Социномъ. Но и перешедши въ Литву, Симонъ Будный не остался безъ антитринитаріанскаго вліянія. Въ это время, съ 1558 г. въ Литвѣ при дворѣ Н. Радивила Чернаго часто проживалъ Георгій Бляндрата [1]), соотечественникъ Л. Социна. Результаты долговременнаго пребыванія Г. Бляндраты въ Литвѣ были очень замѣтны. Несмотря на то, что Кальвинъ предупреждалъ малополянъ и Н. Радивила Чернаго, чтобы они остерегались Бляндраты, послѣдній успѣлъ вскорѣ пріобрѣсти среди нихъ довѣріе и расположеніе. Наиболѣе сблизился Бляндрата на первыхъ порахъ съ Лисманини. Слѣды вліянія Бляндраты, прежде всего, отразились на преподавателяхъ Пинчовской школы. Такъ, они предпосылаютъ изданію Катихизиса Кальвина письмо, въ которомъ, говоря о Богѣ Отцѣ, ставятъ его выше другихъ Лицъ Троицы, за что имъ было сдѣлано строгое внушеніе на Пинчовскомъ синодѣ 13 марта 1559 г. [2]). Подъ вліяніемъ этого антитринитаріан-

---

[1]) Георгій Бляндрата происходилъ изъ Италіи. Въ качествѣ врача, онъ проживалъ въ Павіи. Сдѣлавшись протестантомъ, Бляндрата вскорѣ долженъ былъ спасаться отсюда бѣгствомъ. Сначала (около 1555 г.) онъ скрылся въ Женеву; но и отсюда онъ вскорѣ долженъ былъ бѣжать. Послѣ этого мы находимъ Бляндрату сначала въ Трансильваніи, потомъ въ Польшѣ и Литвѣ, при дворѣ Николая Радивила Чернаго. Здѣсь онъ занимался тайной пропагандой антитринитаріанства и нашелъ себѣ послѣдователей и приверженцевъ среди кольвинскихъ пасторовъ. (Любовичъ, Ист. реформ. въ Польшѣ, 276—7).

[2]) Любовичъ, 278—279.

скаго учителя находился и Симонъ Будный. Онъ часто видался и бесѣдовалъ съ Бляндратою при дворѣ своего патрона Николая Радивила Чернаго. Вѣроятно, чрезъ посредство Бляндраты Симонъ Будный познакомился и съ сочиненіями Франциска Давидиса, главы антитринитаріевъ въ Трансильваніи. Такимъ образомъ Симонъ Будный находился подъ вліяніемъ различныхъ учителей антитринитаріанства. Этимъ объясняется, что различные историки называютъ разныхъ антитринитаріанскихъ учителей Симона Буднаго. Такъ, „Lamy“ называетъ Симона Буднаго ученикомъ Сервета [1]); Лукашевичъ [2]) и Боккъ [3]) считаютъ Симона Буднаго послѣдователемъ и ученикомъ Фр. Давидиса, а W. Ch. [4]) и нѣкоторые другіе полагаютъ, что Симонъ Будный сталъ антитринитаріемъ, благодаря вліянію Георгія Бляндраты. Этимъ же вліяніемъ на Симона Буднаго различныхъ антитринитаріевъ объясняется и то, что онъ постепенно проходилъ всѣ ступени антитринитаріанскихъ заблужденій, начиная съ заблужденій умѣренной партіи антитринитаріевъ, такъ называемыхъ чистыхъ антитринитаріевъ, или унитаріевъ, до ученія крайней антитринитаріанской партіи—*полужидовствующихъ антитринитаріевъ*, или иначе—эвіонистсколитовской партіи антитринитаріевъ.

Таково было вліяніе на Симона Буднаго польскихъ и западно-европейскихъ антитринитаріанскихъ учителей. Намъ кажется, что это вліяніе было единственною причиною измѣненія кальвинскихъ воззрѣній Симона Буднаго на антитринитаріанскія и обращенія Симона Буднаго къ антитринитаріанству. Но проф. И. И. Малышевскій склоненъ былъ признать первой по времени причиной обращенія Симона Буднаго къ антитринитаріанству вліяніе на него со стороны московскихъ еретиковъ—Ѳеодосія Косого и его товарищей, бѣжавшихъ изъ Москвы въ Литву и Западную Русь въ началѣ второй половины XVI вѣка. „Въ обращеніи Буднаго и нѣкоторыхъ изъ его Несвижскихъ товарищей къ антитринитаріанству“, говоритъ Малышевскій, „не участвовало ли вліяніе московскихъ сектантовъ, упредившихъ ихъ своимъ антитринатаріанствомъ? Не они ли первые внесли антитри-

[1]) Lamy, Histoire du socianisme, 285.
[2]) Lukaszewiez, Dz. wyzn. hel. w Litwie, II, 31.
[3]) Bock, p. 82.
[4]) Encykl kosc., Warszawa. 1874. III, 35.

нитаріанскую закваску въ ту кальвинскую среду, въ которую попали?“ [1]). Поставивши эти вопросы, проф. Малышевскій отвѣчаетъ на нихъ въ положительномъ смыслѣ. Но согласиться съ нимъ мы не находимъ возможности по отсутствію какихъ-либо данныхъ въ пользу его предположенія. Прежде всего несомнѣнно, что еще до прибытія въ Литву московскихъ еретиковъ Симонъ Будный былъ знакомъ съ антитринитаріанскими заблужденіями. Намъ уже извѣстно, что вліяніе на Симона Буднаго въ антитринитаріанскомъ направленіи началось очень рано, еще во время пребыванія его въ Краковѣ. Потомъ, въ теченіе 50-хъ годовъ XVI вѣка Симонъ Будный постоянно находился въ сношеніяхъ съ западно-европейскими и польскими антитринитаріанскими учителями, читалъ въ это время сочиненія различныхъ корифеевъ антитринитаріанства. Поэтому естественнѣе выводить вліяніе на Симона Буднаго съ этой стороны. Болѣе вѣрнымъ представляется такое заключеніе еще и потому, что московскіе еретики-выходцы были люди малообразованные, простые начетчики, со стороны которыхъ нельзя предполагать вліянія на высокообразованнаго и высокоразвитаго Симона Буднаго. Затѣмъ, какъ уже замѣчено выше, московскіе еретики-выходцы явились въ восточной Бѣлоруссіи не позже 1555 г., а въ серединной части Великаго княжества Литовскаго нѣкоторые изъ нихъ, именно Ѳ. Косой и Игнатій, проживали въ концѣ 50-хъ и началѣ 60-хъ годовъ XVI в. Въ это время они, вѣроятно, и познакомились съ Симономъ Буднымъ и его товарищами. Между тѣмъ антитринитаріанское движеніе въ Литвѣ началось съ половины 50-хъ годовъ; въ Вильнѣ уже въ 1557 г. оно открыто выступаетъ въ ученіи захожихъ иностранныхъ антитринитаріевъ.

Симонъ Будный съ самаго начала антитринитаріанскаго движенія въ Литвѣ выражалъ ему сочувствіе. Но онъ не сталъ сразу открытымъ антитринитаріемъ потому, что и само антитринитаріанство не сразу выдѣлилось изъ кальвинства, а постепенно обособлялось отъ него: кальвинисты и антитринитаріи долгое время дѣйствовали заодно, пытаясь постоянно придти къ соглашенію по раздѣлявшимъ ихъ пунктамъ вѣроученія. Съ другой стороны, Симонъ Будный,

---

[1]) И. И. Малышевскій. Письмо Ивана Смеры въ Тр. Кіев. Дух. Акад. за 1876 г., ч. II, стр. 538.

именно какъ пасторъ кальвинскаго збора, находившагося во владѣніяхъ могущественнаго покровителя кальвинства Николая Радивила Чернаго, не могъ сразу и открыто выступить на антитринитаріанскую дѣятельность. Самъ Николай Радивилъ Черный, замѣтивши склонность къ антитринитаріанству въ своихъ пасторахъ — Несвижскомъ — Лаврентіи Крышковскомъ и Клецкомъ — Симонѣ Будномъ, строго запрещалъ имъ распространять новоаріанскія, или антитринитаріанскія заблужденія [1]) и принимать въ новомъ религіозномъ движеніи какое бы то ни было участіе. И мы видимъ, что Несвижскій и Клецкій пасторы почти до самой смерти своего патрона не выступаютъ открыто на антитринитаріанскую дѣятельность. Для замаскированія своей антитринитаріанской дѣятельности въ это время Симонъ Будный и Лаврентій Крышковскій одновременно съ антитринитаріанскими книжками издаютъ и кальвинскія. Въ 1562 году Симонъ Будный издаетъ кальвинскій Катихизисъ и книжку въ антитринитаріанскомъ духѣ. Въ 1563—4 гг. Л. Крышковскій вмѣстѣ съ С. Буднымъ издаетъ кальвинскій Катихизисъ и вмѣстѣ съ Симономъ Буднымъ переводитъ въ антитринитаріанскомъ духѣ съ латинскаго языка на польскій „Разговоръ мученика Іустина Философа съ евреемъ Трифономъ“ и издаетъ его для пропаганды и защиты антитринитаріанства [2]).

Но каковы же были отношенія Симона Буднаго къ московскимъ еретикамъ-бѣглецамъ и послѣднихъ къ Симону

---

[1]) Regenwolscius, Syst. Hist.—chronol., 147.

[2]) Сочиненіе это составляетъ библіографическую рѣдкость. О немъ не упоминаетъ ни Сандъ, ни Боккъ. Экземпляръ этого сочиненія находится въ СПБ. Имп. Публ. Библ. Полное заглавіе этого сочиненія слѣдующее: „Sw. Justyna Filozofa y męczenika rozmowa z Tryfonem Żydem, do Marka Pompejusza napisana... W ktorey się zamyka nauka o prawdziwym poznaniu iednego Boga y Poslanca iego Chrystusa, ktora nie tylko żydowskie, ale y Sabellianow starych y dzisieyszych blądy wywraca. K tey rozmowie przydan iest list krotki tegoż Iustyna do dwu Braciey, w ktorym wypisano, jaki ma być żywot y obyczaie prawdziwego Chrzescianina. Drukowano w Nieswieżu, r. 1564“. Предисловіе къ сочиненію занимаетъ 12 листовъ, самое сочиненіе Іустина 148 л., указатель 3 л.; въ концѣ книги находится Appendix, t. e. przyczynek na zamknienie thych ksiąg. Въ предисловіи сначала говорится о побудительныхъ причинахъ къ переводу соч. Іустина (споры о Богѣ и Христѣ), потомъ указываются мѣста въ сочиненіи Іустина, которыя нужно понимать въ переносномъ смыслѣ, наконецъ, представляется перечень тѣхъ новыхъ словъ, которыя переводчикъ вводитъ въ свой переводъ.

Будному? Въ лицѣ московскихъ еретиковъ-бѣглецовъ Симонъ Будный встрѣтилъ не учителей, а только лицъ, готовыхъ работать съ нимъ для одного и того же дѣла, т. е. сектантской пропаганды. Люди эти были находкой для Симона Буднаго, какъ и онъ для нихъ, — вполнѣ справедливо замѣчаетъ проф. Малышевскій. Знакомство съ московскими еретиками и ихъ западно-русскими послѣдователями могло навести Симона Буднаго на мысль о широкой пропагандѣ антитринитаріанства и среди русскаго православнаго населенія Литвы. Московскіе еретики могли служить хорошимъ орудіемъ для Симона Буднаго при распространеніи антитринитаріанства среди простого народа посредствомъ печати. Русскій Катихизисъ Буднаго долженъ былъ подготовить русскій народъ къ болѣе крайнимъ религіознымъ воззрѣніямъ. Вотъ почему Будный вводитъ въ свой Катихизисъ обширные трактаты, направленные противъ иконопочитанія, молитвеннаго обращенія къ святымъ, молитвъ за умершихъ и другихъ пунктовъ, которые, хотя отвергаются кальвинскимъ исповѣданіемъ, но не помѣщаются въ кальвинскихъ катихизисахъ въ такомъ видѣ и объемѣ, какъ это сдѣлано въ Несвижскомъ катихизисѣ Буднаго. Вскорѣ послѣ изданія этого катихизиса Симонъ Будный выпустилъ въ свѣтъ другое свое сочиненіе, въ которомъ уже, какъ можно догадываться со словъ старца Артемія, заключались чисто-антитринитаріанскія заблужденія. Въ лицѣ западно-русскихъ сектантовъ и московскихъ еретиковъ эти книжки нашли, вѣроятно, первыхъ читателей, хотя и назначались „для всѣхъ благовѣрныхъ христіанъ славяно-русскаго народа". Очень возможно, что московскіе еретики, или нѣкоторые изъ ихъ западно-русскихъ послѣдователей, даже оказывали Симону Будному и его товарищамъ такую или иную помощь при изданіи ими сектантскихъ книгъ на русскомъ языкѣ, хотя, впрочемъ, на это нигдѣ нѣтъ указаній. При посредствѣ же этихъ еретиковъ книжки распространялись въ русскомъ народѣ, дѣлались сильнымъ орудіемъ сектантской пропаганды, и служили большимъ подспорьемъ для пасторовъ и проповѣдниковъ русско-сектантскихъ общинъ, каковы, напр., полоцкая, витебская и др. [1]).

---

[1]) И. И. Малышевскій, письмо Ив. Смеры, въ Тр. Кіев. Дух. Акад. за 1876 г. II, 537.

Въ это же время, въ половинѣ 60-хъ годовъ XVI вѣка появилось замѣчательное произведеніе антитринитаріанской пропаганды — подложное *письмо половца Ивана Смеры* къ св. равноапостольному князю Владиміру, составленное Андреемъ Колодынскимъ изъ Витебска. Въ составленіи этого подложнаго письма главное участіе принималъ Симонъ Будный, которому принадлежитъ главная работа и ученая подделка этого письма подъ древне-историческій памятникъ. Составители его, очевидно, преслѣдовали ту цѣль, чтобы создать сильный документъ противъ того общаго и крѣпкаго вѣрованія православныхъ русскихъ, что та вѣра, которую они держатъ со времени Св. Владимира, есть истинная и правая вѣра. Сектанты хотѣли подорвать эту вѣру посредствомъ подложнаго историческаго документа, привязавши его къ лѣтописному сказанію, якобы сложившемуся въ народное преданіе [1]), совсѣмъ неблагопріятное для греческой вѣры. Такимъ образомъ, Симонъ Будный пропагандируетъ среди русскаго населенія литовско-русскаго края сначала кальвинскія заблужденія, а потомъ и антитринитаріанскія, главнымъ образомъ, при посредствѣ московскихъ сектантовъ и ихъ западно-русскихъ послѣдователей, скрываясь за ними, какъ бы за ширмами. Поэтому, хотя Симонъ Будный былъ собственно главнымъ двигателемъ литовско-русской пропаганды антитринитаріанства, доставляя ей могущественное орудіе въ своихъ книжныхъ изданіяхъ, но въ сознаніи тогдашнихъ православныхъ полемистовъ, какъ напримѣръ Зиновія Отенскаго, значеніе сектантской дѣятельности Симона Буднаго среди русскаго народа является второстепеннымъ; главное значеніе въ этой пропагандѣ, по словамъ Зиновія Отенскаго, принадлежало великорусскимъ сектантамъ—Ѳеодосію Косому съ его товарищами [2]).

Эта дѣятельность Симона Буднаго относится къ послѣднимъ годамъ пребыванія его въ качествѣ пастора при Клецкомъ зборѣ. Обуреваемый религіозными сомнѣніями Будный уже въ началѣ 1562 года обратился съ особымъ письмомъ по вопросу о догматѣ Св. Троицы къ швейцарскому бого-

---

[1]) Н. И. Малышевскій. Въ его изслѣдованіи подробно и обстоятельно рѣшается вопросъ объ авторѣ подложнаго письма, цѣли его и т. д.

[2]) О значеніи Ѳ. Косого въ Литвѣ Зиновій Отенскій такъ выражается: „поистинѣ, какъ Магометъ развратилъ своимъ ученіемъ Востокъ, Лютеръ—Западъ, такъ Ѳеодосій—Литву".

слову Буллингеру. Въ этомъ письмѣ, написанномъ изъ Клецка 18 апр. 1563 г., Будный сообщалъ ему о своихъ сомнѣніяхъ по поводу этого догмата, навѣянныхъ на него разногласіями восточной и западной церквей въ ученіи объ исхожденіи Св. Духа. Будный писалъ, что за разрѣшеніемъ этихъ своихъ сомнѣній они съ Лаврентіемъ Крышковскимъ обращались уже весной 1562 г. къ сеніорамъ и проповѣдникамъ Виленскаго збора, но послѣдніе не пожелали сообщить имъ своего мнѣнія. Въ письмѣ къ Буллингеру Будный уже высказывалъ критическія замѣчанія по поводу ученія его о Св. Троицѣ (въ проповѣдяхъ на Апокалипсисъ), хотя и прибавлялъ, что высказываетъ ихъ единственно въ видахъ большого своего отъ него вразумленія [1]). Въ половинѣ 60-хъ годовъ Симонъ Будный уже открыто заявляетъ себя послѣдователемъ антитринитаріанства и обнаруживаетъ уже стремленіе порвать всякую связь съ кальвинствомъ. Н. Радивилъ Черный въ это время не могъ уже зорко слѣдить за своими пасторами и удерживать ихъ отъ увлеченія новымъ религіознымъ направленіемъ, такъ какъ въ это время онъ долженъ былъ посвятить себя веденію войны съ московскимъ царемъ Иваномъ Грознымъ. Въ 1563—4 гг., когда изъ его типографіи выходили сочиненія въ антитринитаріанскомъ духѣ, онъ находился въ войскѣ подъ Витебскомъ въ качествѣ главнокомандующаго. Вскорѣ затѣмъ послѣдовавшая смерть Николая Радивила Чернаго (въ 1565 г.) открыла полный просторъ антитринитаріанскимъ увлеченіямъ его пасторовъ и подчиненныхъ. Симонъ Будный тотчасъ же прекращаетъ всякую связь съ кальвинствомъ и переходитъ въ лагерь приверженцевъ и покровителей антитринитаріанства.

Послѣ смерти Николая Радивила Чернаго Симонъ Будный пріобрѣтаетъ себѣ могущественнаго патрона въ лицѣ Яна Кишки, покровителя антитринитаріанства. Кишка былъ потомокъ старинной литовско-русской фамиліи, сынъ витебскаго воеводы Ст. Кишки, умершаго въ 1552 г.; Кишка получилъ образованіе за границей и рано склонился къ антитринитаріанству. Послѣ смерти отца онъ наслѣдовалъ громадныя имѣнія въ нынѣшнихъ губерніяхъ Виленской, Ковенской, Минской и другихъ съ 70 мѣстечками и 400 дерев-

[1]) Merczyng, 26—29 (письмо напечатано у Wotschke, Der Briefwechsel der Schweizen und der Polen, 1908).

нями. Онъ не щадилъ средствъ для успѣховъ покровительствуемой секты, задавшись тщеславною мыслью быть для литовскихъ антитринитаріевъ тѣмъ же, чѣмъ былъ Николай Радивилъ Черный для кальвинистовъ. Онъ собиралъ къ себѣ учителей этой секты, образовывалъ антитринитаріанскія общины, основывалъ въ своихъ владѣніяхъ типографіи для изданія антитринитаріанскихъ сочиненій. Такія типографіи появились въ Лоскѣ, Любчѣ и Заславлѣ [1]). Перейдя къ новому патрону, Симонъ Будный жилъ попеременно то въ Заславѣ, то въ Лоскѣ, занимаясь пропагандой антитринитаріанства путемъ литературы. Въ это время, въ началѣ второй половины 60-хъ годовъ сектантская дѣятельность Симона Буднаго обнаруживается въ участіи его въ антитринитаріанскихъ соборахъ, созывавшихся съ цѣлью соглашенія между антитринитаріями разныхъ оттѣнковъ. Изъ этихъ соборовъ болѣе замѣчательны—соборъ въ Венгровѣ въ 1565 г., соборъ въ *Ланцутѣ*, въ перемышльской землѣ, въ 1566 г. и соборъ въ *Скриннѣ*, городѣ Малой Польши, въ 1567 г. На Венгровскомъ соборѣ Будный принадлежалъ къ большинству, не признававшему силы за крещеніемъ, совершеннымъ въ дѣтскомъ возрастѣ.

Когда Ланцутскій соборъ, созванный для объединенія антитринитаріевъ разныхъ оттѣнковъ и соглашенія между ними, не привелъ къ желанной цѣли, былъ объявленъ новый соборъ на 1567 г. въ Скриннѣ. Этотъ соборъ отличался многочисленностью собравшихся. По словамъ Любенецкаго, сюда явилось до 110 министровъ слова изъ Польши и Литвы; кромѣ того собралась большая толпа народа обоего пола съ сосѣднихъ мѣстъ.

Предсѣдателемъ собора общею подачей голосовъ былъ избранъ Филипповскій, человѣкъ благочестивый, благоразумный и скромный, какъ говоритъ Любенецкій. Соборъ состоялъ главнымъ образомъ изъ двухъ партій антитринитаріевъ: *умѣренныхъ* и *крайнихъ*. Первая партія учила, что Слово Божіе, или Сынъ Божій существовалъ ante Matrem, и съ Отцемъ создалъ небо и землю, т. е. приближалось къ ученію древнихъ аріанъ. Вторая же партія,—партія край-

[1]) Лоскъ—Виленской губ., Ошмянскаго уѣзда. Любчъ—мѣстечко Минской губ. Новогрудскаго уѣзда. Заславль—въ настоящее время село въ 12 верстахъ отъ Минска.

нихъ,—утверждала, что Сынъ Божій, Слово и рѣчь, какъ выразитель воли отцовской, не существовалъ до созданія міра, а получилъ свое начало въ опредѣленное время, въ правленіе императора Октавія Августа. Для порядка въ преніяхъ каждой сторонѣ было предложено избрать колліокуторовъ для веденія преній, и сдѣлано напоминаніе, чтобы пренія велись cum bona venia loquentis. Партія умѣренныхъ избрала слѣдующихъ ораторовъ для веденія преній: Яна Казановскаго, Фарновскаго, Яна Нѣмоевскаго, М. Чеховича, Н. Житнаго, Д. Бѣлинскаго, а нотаріями—*Лаврентія Крышковскаго* и Ѳ. Свежховскаго. Партія же крайнихъ антитринитаріевъ ораторами избрала слѣдующихъ лицъ: Георг. Шомана, Г. Паули, Яна Секуринія, М. Альбина, Яна Батиста изъ Литвы, М. Кровицкаго, *Симона Буднаго* и Я. Калиновскаго. Соборныя пренія не привели къ соглашенію. Но для сохраненія единства и силы секты положено: не прерывать мира и общенія между членами разныхъ партій; въ ученіи о Св. Троицѣ держаться выраженій Св. Писанія, предоставляя каждому разумѣть ихъ по своему. Такая же вѣротерпимость объявлена и по другимъ пунктамъ вѣроученія. Съ примирительнымъ настроеніемъ, говоритъ Любенецкій, разъѣхались антитринитаріи Скринскаго собора, давшаго имъ возможность замѣтить многочисленность и распространенность секты по разнымъ областямъ Польши, Литвы и Западной Руси. Изъ списка ораторовъ-колліокуторовъ на соборѣ мы видимъ, что въ это время Симонъ Будный разошелся съ своимъ товарищемъ Лаврентіемъ Крышковскимъ. Въ 1568 г. Будный (бывшій тогда пасторомъ въ Холхлѣ возлѣ Лоска) игралъ большую роль на соборикѣ крайнихъ антитринитаріевъ, отрицавшихъ предвѣчное рожденіе Іисуса Христа, происходившемъ въ м. Ивьѣ (Ошмян. повѣта). Но на этомъ же соборикѣ Будный опровергалъ крайности соціальнаго и политическаго характера во взглядахъ нѣкоторыхъ антитринитаріевъ польскихъ [1]) *).

Прот. **В. Плиссъ.**

---

[1]) Lubieniecius, Hist. reform., 217—219; Merczyng, 30—40. Хотя уже въ 1567 г. Будный возставалъ противъ крещенія младенцевъ, но самъ онъ вторично крестился (въ Лоскѣ) лишь въ 1578 г. (Merczyng, 91).

*) Окончаніе слѣдуетъ.

Отвѣтъ „христіанину-теисту“.

Въ іюньскихъ книжкахъ журналовъ — петербургскаго „Миссіонерское обозрѣніе“ и московскаго—„Голосъ Церкви“ появилась — за подписью „Христіанинъ-теистъ“—критическая замѣтка, посвященная разбору моей диссертаціи „Лейбницъ и Спиноза“, Спб. 1914. Авторъ замѣтки—или его издатель—безспорно заботился о возможно широкомъ ея распространеніи, такъ какъ, не удовлетворившись одновременнымъ напечатаніемъ замѣтки въ двухъ журналахъ, пустилъ въ обращеніе еще отдѣльные оттиски ея (изъ журнала „Голосъ Истины“).

Критикъ, скрывающійся подъ псевдонимомъ „Христіанинъ-теистъ“, совершенно не касается научныхъ недостатковъ или достоинствъ моей книги. Его интересуетъ исключительно вопросъ о пригодности моего сочиненія въ качествѣ диссертаціи на богословскую степень. Разсматривая сочиненіе только съ этой стороны, мой критикъ приходитъ къ весьма неблагопріятному для меня результату. До чего выводы автора замѣтки безотрадны, видно изъ того скорбнаго восклицанія, какимъ онъ ее оканчиваетъ: „И за это (г. Бѣляевъ) получаетъ степень магистра не пантеизма и не анти-христіанства, а богословія православной Церкви“.

Я долженъ прежде всего успокоить моего критика, что степени магистра богословія еще не получилъ, такъ какъ до сихъ поръ не утвержденъ въ оной Св. Синодомъ. А затѣмъ, если бы это даже и произошло, то не думаю, чтобы совершилась ужъ очень большая несправедливость. Я не теряю надежды убѣдить въ этомъ и моего суроваго критика, такъ какъ мнѣ кажется, что онъ добросовѣстно заблуждается и дѣйствуетъ изъ чистыхъ побужденій религіозной ревности.

Почему же авторъ замѣтки признаетъ мое сочиненіе недостойнымъ степени магистра богословія? Соображенія его могутъ быть сведены къ слѣдующему положенію: сочиненіе Бѣляева недостойно степени магистра богословія потому, что большая часть этого сочиненія не имѣетъ богословскаго значенія, а та часть, которая это значеніе имѣетъ, грѣшитъ противъ истины православнаго ученія и заключаетъ многія неправыя мнѣнія.

Повидимому, первое обвиненіе меня могло бы и не озабочивать особенно: не велика бѣда, если нѣкоторые отдѣлы сочиненія забракованы, какъ не богословскіе; остальное содержаніе сочиненія можетъ ему обезпечить богословскую цѣнность. Но не таковъ мой критикъ, чтобы можно было утѣшать себя возможностію такого выхода. Онъ держится правила, что коли бить, такъ ужъ съ плеча, и старается наносить только смертельные удары. Разсматривая различные отдѣлы моего сочиненія съ точки зрѣнія ихъ богословскаго значенія, мой строгій критикъ выбрасываетъ за бортъ, по крайней мѣрѣ, $^6/_7$ моего сочиненія, соглашаясь безъ всякихъ оговорокъ признать богословскій характеръ лишь за $^1/_7$ его частью. Понятно, что послѣ такой опустошительной операціи мои дѣла должны оказаться совсѣмъ плохими, такъ какъ мудрено претендовать на ученую степень съ брошюркою въ 50 страничекъ въ рукахъ. Но, на мое счастіе, строгость сужденій моего критика находится въ далеко неполномъ соотвѣтствіи съ ихъ основательностію. Авторъ замѣтки, очевидно, слишкомъ увлекся критическимъ настроеніемъ и, желая меня во что бы то ни стало уничтожить, впадаетъ въ такія крайности, которыя недостойны просвѣщеннаго и разсудительнаго человѣка. Взять хоть бы то понятіе богословія и богословскаго сочиненія, которымъ авторъ при этомъ орудуетъ. Это понятіе отзываетъ такой „святой простотой", что его какъ то странно встрѣчать въ замѣткѣ, претендующей на авторитетныя научно-богословскія сужденія. Повидимому, авторъ думаетъ, что если ты богословъ, такъ имя Божіе не должно сходить съ твоихъ устъ, и если ты пишешь богословское сочиненіе, то каждая строка твоего сочиненія должна непремѣнно имѣть богословское содержаніе. Этотъ взглядъ очень нелѣпъ, но, очевидно, авторъ именно имъ руководится. По крайней мѣрѣ, иначе я отказываюсь понять всѣ направленныя противъ меня разсужденія. Авторъ за-

мѣтки какъ будто никогда не держалъ въ рукахъ ни одного богословскаго сочиненія. Неужели ему неизвѣстно, что чуть не въ каждое богословское сочиненіе неизбѣжно входятъ отдѣлы такого свойства, которые, не представляя сами богословскаго содержанія, однако, имѣютъ неоспоримое богословское значеніе, *давая основаніе* для утвержденій безусловно богословскаго характера? Неужели мой критикъ не знаетъ, что могутъ быть цѣлыя изслѣдованія, посвященныя вопросамъ хронологіи, географіи, филологіи, не имѣющія непосредственнаго богословскаго содержанія и, однако, не возбуждающія никакого сомнѣнія относительно своего богословскаго характера? Вѣдь, если „методъ" автора замѣтки примѣнить къ самымъ уважаемымъ богословскимъ работамъ, то многія изъ нихъ пришлось бы опустошить наполовину, а иныя совсѣмъ зачеркнуть отъ первой страницы до послѣдней. Все это совершенно не приходитъ на умъ моему почтенному критику, и онъ съ легкимъ сердцемъ объявляетъ одинъ за другимъ отдѣлы моей диссертаціи „не имѣющими богословскаго значенія" только потому, что непосредственное богословское содержаніе въ нихъ или отсутствуетъ, или имѣется въ небольшомъ размѣрѣ. Такъ, авторъ однимъ взмахомъ выводитъ изъ строя всю первую часть моего сочиненія: „Былъ ли Лейбницъ когда-либо спинозистомъ?" заявляя, что она „имѣетъ слишкомъ ничтожное отношеніе къ богословію" (стр. 3 [1]). Дѣйствительно, эта часть не имѣетъ богословскаго значенія сама по себѣ, поскольку не представляетъ богословскаго содержанія, но разсматривать ее отдѣльно нелѣпо, такъ какъ она находится въ органической связи съ главною частію, а за этой послѣдней и самъ критикъ признаетъ богословскій характеръ. На значеніе этой части моего сочиненія для основной задачи темы (богословская цѣнность этой задачи критикомъ не оспаривается, см. стр. 3) ясно указывается во введеніи. Здѣсь, на стр. XVI, можно прочесть: „Задача этого сочиненія состоитъ въ томъ, чтобы освѣтить систему Лейбница, какъ систему теистическую, противоположную пантеизму Спинозы. Но на пути къ выполненію этой задачи мы встрѣчаемся со странной, парадоксальной, но весьма давней и живучей мыслію о спинозизмѣ

---

[1]) Замѣтка „Христіанина-теиста" цитируется мною по отдѣльному оттиску изъ журнала „Голосъ Церкви".

Лейбница, съ мыслію о зависимости его системы отъ философіи Спинозы или, по крайней мѣрѣ, о близости ея къ послѣдней. Совершенно очевидно, что прежде чѣмъ говорить о теистическомъ характерѣ философіи Лейбница, необходимо свести счеты съ этою мыслію. Пока этого не будетъ сдѣлано, мы, собственно, лишены права говорить о Лейбницѣ, какъ представителѣ теистической философіи. И только разсѣявъ призракъ спинозизма, мы получаемъ твердую опору для выполненія нашей основной задачи".

Кажется, ничего нельзя возразить противъ правильности такого рода соображеній, но автору замѣтки было угодно совершенно не обратить вниманія на эти строки и объявить всю первую часть моего сочиненія совершенно ненужною. Впрочемъ, это нисколько не удивительно, такъ какъ мой критикъ повидимому плохо читалъ то сочиненіе, о которомъ такъ увѣренно судитъ. По крайней мѣрѣ только малымъ знакомствомъ съ моей книгой я могу объяснить рѣшительное, какъ всегда, заявленіе автора замѣтки, что I глава второй части моего сочиненія, трактующая о гносеологическихъ воззрѣніяхъ Спинозы и Лейбница, „написана совершенно не на тему" (стр. 5—6). Въ моей книгѣ доказывается, что различіе гносеологическихъ воззрѣній обоихъ философовъ лежитъ въ основѣ различія ихъ міровоззрѣній, въ частности, ихъ ученія о Богѣ и отношеніи Бога къ міру. Можно эту мысль оспаривать, можно признать мою аргументацію слабой, но утверждать, что находящаяся въ такомъ отношеніи къ послѣдующему глава „написана совершенно не на тему", это значитъ расписываться въ непониманіи предмета, о которомъ идетъ рѣчь. Не менѣе рѣшительно отрицаетъ авторъ замѣтки за этимъ отдѣломъ и его богословское значеніе. Но утверждать это можно опять, только не читая этой главы. Не говоря уже о томъ, что она, какъ и первая часть моего сочиненія, находится въ органической связи со всѣмъ цѣлымъ сочиненія, эта глава *непосредственно* заключаетъ въ себѣ важное богословско-философское содержаніе. На мой взглядъ, разсматриваемая глава для выясненія отношенія теизма къ пантеизму имѣетъ даже большее значеніе, чѣмъ глава вторая, въ богословскомъ характерѣ которой мой критикъ не сомнѣвается. Излагаемыя въ 1 главѣ воззрѣнія Лейбница, по моему мнѣнію, даютъ весьма глубокое и оригинальное преодолѣніе натурализма и фатализма Спинозы,

представляя въ то же время строго философское обоснованіе теистическаго ученія о Богѣ, какъ разумномъ и нравственномъ Виновникѣ условнаго бытія (см. особ. §§ 23, 24, 25 и 26 этой главы). Но знакомясь съ сочиненіемъ „по оглавленію“, мой критикъ, разумѣется, ничего этого не усмотрѣлъ.

Я сказалъ, что за II главой второй части авторъ замѣтки признаетъ богословское значеніе. Я долженъ поправиться; безусловно это авторъ дѣлаетъ лишь въ отношеніи 2-го отдѣла этой главы, трактующаго о воззрѣніяхъ Лейбница на Бога и міръ. Что же касается перваго отдѣла ея, трактующаго о соотвѣтствующихъ воззрѣніяхъ Спинозы, то мой критикъ этимъ отдѣломъ также недоволенъ, находя, что „трудно признать этотъ отдѣлъ богословско-философскимъ (!?) изложеніемъ пантеистической системы Спинозы“ (стр. 6). Признаться сказать, я не совсѣмъ понимаю, какъ это можно „богословски“ (критикъ разумѣетъ, конечно, христіанское богословіе) излагать воззрѣнія анти-христіански настроеннаго мыслителя. Если авторъ замѣтки имѣетъ въ виду здѣсь изложеніе критическое, соединенное съ выясненіемъ несостоятельности воззрѣній Спинозы, то я не понимаю, почему онъ тогда мною недоволенъ, такъ какъ я именно такъ Спинозу въ данномъ случаѣ и излагаю (245—263). Къ послѣдней, III главѣ, второй части моего сочиненія, говорящей о психологическихъ и нравственныхъ воззрѣніяхъ, авторъ замѣтки отнесся болѣе милостиво, чѣмъ къ первой; онъ не призналъ ее „написанной не на тему“, а ограничился лишь пренебрежительнымъ замѣчаніемъ, что „богословско-философскаго матеріала здѣсь мало“ (стр. 13). Между тѣмъ въ этой главѣ трактуются такіе вопросы, какъ о субстанціальности души, ея неразрушимости и безсмертіи, свободѣ воли, началѣ нравственной дѣятельности, о любви къ Богу и ближнему. Какъ видятъ читатели, моего критика не легко удовлетворить!

Кажется, авторъ замѣтки могъ бы удовлетвориться уже нанесеннымъ мнѣ ударомъ. Ударъ съ его точки зрѣнія долженъ быть признанъ смертельнымъ, разъ оказывается, что изъ всей диссертаціи на богословское значеніе могутъ претендовать всего какихъ-нибудь 50 страничекъ. Нѣтъ, мой критикъ строгъ до жестокости. Онъ продолжаетъ наносить удары своему поверженному во прахъ противнику и удары самые тяжелые, доказывая, что и на уцѣлѣвшихъ отъ его опусто-

шительнаго нашествія 50 страничкахъ ничего не заключается, кромѣ всякихъ нечестивыхъ заблужденій. Авторъ замѣтки и здѣсь, конечно, вѣренъ себѣ. Онъ пускаетъ въ ходъ самое тяжелое и самое сильное оружіе. Онъ обличаетъ меня и въ пантеизмѣ, и въ дуализмѣ, и въ проповѣди натуралистической морали; заявляетъ о моемъ кощунствѣ, цинизмѣ, „дерзновеніи“, и подъ конецъ находитъ возможнымъ обвинить даже въ антихристіанствѣ. Но и здѣсь меня Богъ хранитъ отъ страшныхъ ударовъ моего противника, такъ какъ на дѣлѣ они поражаютъ воздухъ или вѣтряныя мельницы его собственныхъ измышленій.

Разсужденія, при помощи которыхъ авторъ замѣтки обличаетъ меня во всякихъ ересяхъ, не основательнѣе тѣхъ, при помощи которыхъ онъ „разъяснялъ“ небогословскій характеръ моего сочиненія. Авторъ замѣтки истолковываетъ мои мысли самымъ произвольнымъ образомъ и усматриваетъ въ моихъ разсужденіяхъ то, чего въ дѣйствительности они не содержатъ. Причиною этого страннаго обстоятельства, по моему мнѣнію, служитъ та же, можетъ быть, благочестивая, но не вполнѣ разумная ревность, которая вообще побудила автора къ полемическому противъ меня выступленію. Про моего почтеннаго критика можно сказать, что онъ страдаетъ преувеличенною ересебоязнію. Во всякомъ философскомъ разсужденіи на религіозную тему ему ужъ чудится тяжкое заблужденіе.

Это, напримѣръ, случилось съ моими разсужденіями о твореніи міра изъ ничего. Моему критику отъ этихъ разсужденій становится не по себѣ и онъ готовъ въ нихъ видѣть даже нѣчто „чудовищное“. Онъ не сумѣлъ разобраться въ томъ, что я отстаиваю совершенно ту же мысль, какъ и онъ, но у меня при этомъ принимаются во вниманіе и требованія разума, отъ которыхъ здѣсь трудно отдѣлаться.

Мои разсужденія о твореніи міра довольно просты. Они разсчитаны на то, чтобы, во-первыхъ, обосновать теистическую формулу творенія ex nihilo и одновременно разъяснить ея подлинный смыслъ, а съ другой стороны, показать естественность и законность нѣкоторыхъ приблизительныхъ представленій, облегчающихъ для нашей мысли пониманіе этой непостижимой истины.

Обоснованіе теистическаго тезиса о твореніи ex nihilo у меня ведется діалектически. Я указываю на то, что этотъ

тезисъ естественно получается, разъ пути пантеизма и дуализма будутъ признаны невозможными (невозможность ихъ въ моей книгѣ подробно выясняется). Если міръ образованъ ни изъ Божества, ни изъ сущности, отличной отъ Божества, то, значитъ, онъ изъ ничто. „Ничто“ въ данномъ случаѣ и замѣщаетъ эти двѣ возможности. Такимъ образомъ, получается не только діалектическое обоснованіе теистическаго тезиса, но и его разъясненіе: чрезъ подстановку на мѣсто „ничто“ тѣхъ конкретныхъ возможностей, которыя здѣсь исключаются, устраняется неизбѣжно навязывающееся представленіе о „ничто“, какъ какомъ-то матеріалѣ. Наша мысль и нашъ языкъ находятся во власти матеріальной причинности, и освободиться отъ нея можно не иначе, какъ цѣною значительнаго усилія мысли. Это и преслѣдуется въ моемъ разъясненіи. Кромѣ того, данное у меня діалектическое выведеніе теистическаго тезиса представляетъ еще ту выгоду, что, разъясняя его смыслъ, оно въ то же время обосновываетъ его непостижимый характеръ. „Такимъ образомъ, можно прочесть въ моей книгѣ, наша мысль въ этомъ пунктѣ, повидимому, упирается въ тупикъ: ни по одному изъ двухъ возможныхъ путей (т. е. путей пантеизма и дуализма) идти нельзя. Иными словами: въ данномъ случаѣ, очевидно, передъ нами такой вопросъ, при рѣшеніи котораго мы вплотную подходимъ къ границамъ нашего познанія. Теизмъ и заключаетъ въ себѣ это признаніе. Его ученіе о твореніи ex nihilo и есть прежде всего такое ignoramus... Теизмъ сознательно и принципіально признаетъ въ происхожденіи условной реальности отъ Безусловнаго элементъ непостижимаго“ (стр. 274—5).

Подчеркнувъ непостижимый характеръ теистическаго ученія о твореніи, я далѣе отмѣчаю тѣ приблизительныя представленія, при помощи которыхъ мы получаемъ возможность мыслить эту непонятную саму по себѣ истину. Эти приблизительныя представленія имѣютъ нѣчто общее какъ съ пантеизмомъ, такъ и съ дуализмомъ, и состоятъ въ допущеніи, съ одной стороны, того, что Богъ въ актѣ творенія какъ бы нѣчто сообщилъ міру изъ того, что принадлежитъ Ему, именно часть Своихъ совершенствъ, а съ другой, того, что Богъ при сотвореніи міра, какъ бы имѣлъ предъ Собою нѣчто положительное, именно „ничто“, которое, такимъ образомъ, какъ бы истолковывается въ положитель-

номъ смыслѣ. Я повторяю, что всѣмъ этимъ представленіямъ у меня придается несобственное, приблизительное значеніе и о нихъ я говорю, имѣя въ виду нѣкоторыя понятія нашего богословія и даже Свящ. Писанія.

Вотъ и вся моя теорія творенія, если только ее такъ можно назвать. Кажется, никакихъ ужасовъ она не заключаетъ. Однако, моему критику, какъ мы видѣли, она показалась чѣмъ-то чудовищнымъ. Это случилось, конечно, потому, что онъ ея не понялъ и истолковалъ самымъ неправильнымъ образомъ. До чего превратно меня понимаетъ авторъ замѣтки, лучше всего свидѣтельствуетъ то, какъ онъ истолковалъ мое діалектическое выведеніе теистическаго тезиса. Онъ у меня усмотрѣлъ здѣсь ни болѣе ни менѣе, какъ генетическое выведеніе теизма изъ пантеизма и дуализма, и упрекаетъ меня въ примѣненіи къ религіи эволюціонной точки зрѣнія. „Только при признаніи чисто человѣческой религіозной эволюціи, увѣреннно заявляетъ мой критикъ, возможно допустить сужденіе г. Бѣляева объ ex nihilo. Но такое признаніе не согласно съ христіанскимъ міровоззрѣніемъ, по которому пантеизмъ и дуализмъ являются уклоненіемъ отъ первичной формы религіи — богооткровеннаго монотеизма“ (стр. 8). Я долженъ обратить вниманіе моего почтеннаго критика, что моя мысль вращается въ области идей, а въ области идей нѣтъ перваго и послѣдующаго; наука, въ идеальномъ смыслѣ, представляетъ собою вѣчную и неизмѣнную, замкнутую систему истинъ. Можетъ быть, мой просвѣщенный критикъ меня лучше пойметъ, если я здѣсь прибѣгну къ сравненію: обвинить меня, на основаніи моихъ разсужденій, въ историческомъ выведеніи теизма изъ пантеизма и дуализма такъ же нелѣпо, какъ упрекать въ извращеніи дѣйствительныхъ причинныхъ отношеній человѣка, заключающаго по наличности тѣни о присутствіи соотвѣтствующаго предмета.

Смутило автора замѣтки и слово ignoramus, которое встрѣчается въ вышеприведенномъ отрывкѣ. Кажется, изъ контекста ясно, что этимъ словомъ я хотѣлъ выразить непостижимый характеръ творенія изъ ничего. А мой критикъ, сосредоточивъ все свое вниманіе на этомъ словѣ, разсуждаетъ по его поводу слѣдующимъ образомъ: „Но откуда же авторъ взялъ, что теистическое ex nihilo тождественно съ ignoramus? Вѣдь ignoramus можетъ допускать все и ничего не утверждать.

А теистическое ex nihilo рѣшительно утверждаетъ и тѣмъ даетъ положительный отвѣтъ, что Богъ силою Своего всемогущества создалъ міръ изъ ничего. Для человѣка это невозможно и непостижимо, а для Бога возможно" (стр. 8). Я долженъ поблагодарить критика за этотъ урокъ Закона Божія по программѣ приготовительнаго класса, но рѣшительно заявляю, что въ немъ я не нуждаюсь. Если бы авторъ замѣтки дѣйствительно читалъ мою книгу, а не просматривалъ только ея заголовки, то онъ бы убѣдился, что мысль о произведеніи міра силою Божественной воли у меня не только высказывается, но и *обосновывается философски* и это дѣлается какъ разъ въ той I главѣ второй части, которая критикомъ была безъ дальнихъ разговоровъ признана за „написанную не на тему". И въ данномъ случаѣ, когда я выясняю непостижимый характеръ ученія о твореніи, я эту мысль, разумѣется, предполагаю. Мое ignoramus относится не къ зависимости міра въ своемъ происхожденіи отъ Божественной воли, а именно къ моменту отсутствія соотвѣтствующаго матеріальнаго субстрата. Мой критикъ меня, точно школьника, поучаетъ насчетъ непостижимости акта творенія. Но онъ, повидимому, и не подозрѣваетъ о томъ, что мало толковать о непостижимости, нужно эту непостижимость обосновать, нужно убѣдить въ ней умъ, показать, что здѣсь дѣйствительно мы наталкиваемся на границы нашего познанія. Однимъ изъ дѣйствительныхъ средствъ для этого, по моему мнѣнію, является вскрытіе антиномій, когда предъ нашею мыслію намѣчаются два взаимно-исключающихъ другъ друга пути и когда доказывается, что ни по одному изъ этихъ путей идти невозможно. Этотъ методъ я и примѣнилъ для обоснованія непостижимаго характера теистическаго положенія о твореніи ex nihilo, доказывая, что ни одинъ изъ двухъ открывающихся предъ человѣческою мыслію путей для объясненія происхожденія условнаго изъ безусловнаго источника—именно, ни путь пантеизма, ни путь дуализма—не можетъ быть принятъ. Такимъ способомъ богословское положеніе у меня получало *философское разъясненіе*, что, я думаю, для всякаго просвѣщеннаго богослова должно быть признано какъ нельзя болѣе желательнымъ.

Но это еще не горшее изъ недоразумѣній моего критика. Особенно въ неловкое положеніе попадаетъ онъ, когда обращается къ обвиненію меня въ пантеизмѣ и дуализмѣ одно-

временно. Мой критикъ настолько невнимателенъ къ ходу своей мысли, что даже и не задумался надъ тѣмъ, какъ это можно заразъ исповѣдывать два противоположныхъ воззрѣнія. Встрѣтивъ въ моихъ сужденіяхъ эти два страшные для него термина, мой критикъ торопится меня обвинить въ обоихъ заблужденіяхъ нисколько не считаясь съ моею мыслью. У меня ясно и не разъ указывалось, что пантеистическія и дуалистическія представленія мною берутся въ несобственномъ, приблизительномъ смыслѣ. Допуская такія представленія, я вездѣ подчеркиваю такое ихъ пониманіе самымъ способомъ выраженія, употребляя союзы: какъ бы, какъ будто и т. п. Но авторъ ко всему этому слѣпъ и глухъ и повторяетъ только, что я дуалистъ и пантеистъ.

Какъ я уже указывалъ, такія представленія для нашей мысли совершенно необходимы и они встрѣчаются и въ богословіи, и въ твореніяхъ отцовъ, и даже Свящ. Писаніи. Поэтому съ своими обличеніями по моему адресу мой критикъ попадаетъ въ весьма неудобное положеніе, что, конечно, имъ не замѣчается. Обличая мой пантеизмъ, неосмотрительный критикъ пишетъ: „Откуда авторъ взялъ, что, по ученію теизма, „Богъ нѣчто сообщилъ міру изъ того, что принадлежитъ ему, именно часть своихъ совершенствъ?“ Вѣдь, такъ, дѣйствительно, учитъ пантеизмъ, обожествляющій міръ посредствомъ эманаціи, истеченія или излученія Божескаго существа въ міръ“ (стр. 2). Какъ видитъ читатель, авторъ замѣтки совершенно не считается съ моими заявленіями, что пантеистическія представленія я принимаю въ несобственномъ, фигуральномъ смыслѣ. Но поразительно, какъ это мой критикъ, начертывая выше приведенныя строки, не вспомнилъ хотя бы христіанскаго ученія объ образѣ Божіемъ въ человѣкѣ и его богоподобіи. Не означаетъ ли это ученіе какъ разъ того, что Богъ сообщилъ человѣку нѣкоторыя изъ Своихъ совершенствъ и именно не вполнѣ, а только отчасти? Этакъ автору и 1 главу Бытія придется заподозрить въ пантеизмѣ.

Если не болѣе эффектенъ, то еще болѣе элементаренъ промахъ, который допускаетъ мой критикъ, обличая меня въ дуализмѣ. „Откуда авторъ взялъ, что теизмъ признаетъ ex nihilo въ смыслѣ нѣчто положительное, въ смыслѣ реальнаго ничто, ограничивающаго Божественныя силы и совершенства? Такъ учитъ дуализмъ“ (стр. 9). Неосмотрительный

критикъ и не подозрѣваетъ, что онъ самъ допускаетъ это приблизительное пониманіе, всякій разъ какъ говоритъ о твореніи ex nihilo. Какъ уже ранѣе указывалось, реализація „ничто" неизбѣжно здѣсь вкрадывается въ наше сознаніе, и нужно усиліе и спеціальная работа мысли, чтобы отъ этой реализаціи освободиться. Но авторъ замѣтки, какъ намъ извѣстно, свою мысль не любитъ безпокоить и потому самъ не могъ возвыситься надъ тѣмъ приблизительнымъ представленіемъ, которое обличаетъ у меня.

Обнаруживъ такимъ путемъ мои многочисленныя заблужденія, авторъ замѣтки дѣлаетъ имъ такое краснорѣчивое резюме, дающее исходъ его негодованію. „Нечего сказать, пишетъ онъ, извратить христіанскій теизмъ до неузнаваемости, лишить христіанское міровоззрѣніе значенія Богооткровенной религіи и превратить его въ чисто человѣческую спайку пантеизма съ дуализмомъ, вызванную-де стремленіемъ религіозно-эволюціонирующаго человѣческаго сознанія примирить эти два противоположныя міровоззрѣнія,— и еще съ рѣдкимъ цинизмомъ заявлять, что „ничего въ этомъ нѣтъ компрометирующаго для теизма". На это рѣдкій изъ философовъ-циниковъ согласился бы пойти" (стр. 9). Предшествующія разсужденія достаточно показали, какъ нелѣпы всѣ эти обвиненія. Никакого „извращенія" теизма у меня нѣтъ; напротивъ, основной теистическій тезисъ является у меня въ подлинной его чистотѣ. Вопроса о происхожденіи христіанскаго міровозрѣнія я не касался, а лишь сдѣлалъ попытку обосновать тезисъ теизма діалектически. Мой „пантеизмъ" и „дуализмъ"—всего на всего приблизительныя представленія, которыя можно находить даже въ Св. Писаніи. А критикъ съ негодованіемъ говоритъ о моемъ цинизмѣ, въ которомъ я будто бы превосхожу даже философовъ-циниковъ!

Обличая меня въ неправыхъ мнѣніяхъ, авторъ замѣтки не менѣе энергично протестуетъ противъ того, что я признаю Лейбница типичнымъ представителемъ теизма. Это ему кажется удивительнымъ насиліемъ надъ истиной, „при наличности у Лейбница пантеистически-дуалистическаго возрѣнія на твореніе міра" (стр. 10). Но что же мнѣ было дѣлать, разъ Лейбницъ дѣйствительно не менѣе строгій теистъ, чѣмъ, напримѣръ, мой критикъ? Какъ же мнѣ было не признать Лейбница теистомъ, когда онъ совершенно опредѣленно

учитъ о твореніи міра изъ ничего (см. подтверждающія это цитаты на стр. 281 моего сочиненія)? Моего критика смущаетъ „наличность у Лейбница пантеистически-дуалистическаго воззрѣнія". Но вѣдь я же многими аргументами доказываю, что пантеистическія и дуалистическія выраженія Лейбница имѣютъ приблизительный характеръ, понимаются имъ въ несобственномъ смыслѣ. Казалось, если бы авторъ хотѣлъ меня оспорить и обвинить Лейбница въ пантеизмѣ, то ему нужно бы было первымъ дѣломъ обратить вниманіе на эту аргументацію и постараться ее опровергнуть. Между тѣмъ онъ этого не дѣлаетъ и даже самую мысль мою о томъ, что пантеистическія представленія Лейбница нужно принимать въ несобственномъ смыслѣ, совершенно *игнорируетъ.* И пусть бы мои доказательства по этому поводу основывались на какихъ-нибудь отвлеченныхъ, туманныхъ соображеніяхъ. Тогда еще столь пренебрежительное отношеніе къ нимъ автора замѣтки было болѣе или менѣе понятно. Но ничего подобнаго нѣтъ. Свою мысль о томъ, что пантеистическія представленія Лейбница нельзя принимать въ серьезъ, я основываю на собственныхъ разъясненіяхъ Лейбница. Въ моей книгѣ, между прочимъ, приводится такое мѣсто изъ Лейбница: „И у насъ иногда принято говорить, что душа есть часть Бога, divinae particula aurae. *Но подобныя выраженія нуждаются въ смягчающемъ истолкованіи.* Богъ не имѣетъ частей, и когда говорятъ, что душа есть *истеченіе* Бога (émanation de Dieu), то нельзя представлять дѣло такъ, что душа есть частица, оторвавшаяся отъ Него и долженствующая снова въ Него возвратиться, какъ капля воды въ океанъ, ибо это означало бы дѣлать Бога дѣлимымъ. Это нужно понимать въ томъ смыслѣ, что душа есть непосредственное произведеніе Бога... Нельзя сказать, что душа *истекла* изъ субстанціи Бога такимъ образомъ, который даетъ Богу части; *она можетъ быть произведена лишь изъ ничего*" (стр. 285). Ну можно ли послѣ всего этого подозрѣвать Лейбница въ пантеизмѣ и можно ли сколько-нибудь считаться съ сужденіями критика, пренебрегающаго такими свидѣтельствами?

Чуть ли не болѣе еще негодуетъ авторъ замѣтки по поводу моихъ сужденій объ ученіи Лейбница о Божественномъ промышленіи. Если мои мысли о твореніи критикъ находитъ „чудовищными", то отъ моихъ сужденій о Божествен-

номъ промышленіи ему становится „страшно". Но чего же испугался малодушный критикъ? Словъ, терминологіи! впадая и здѣсь въ недоразумѣніе относительно моей дѣйствительной мысли. Дѣло въ томъ, что, говоря о Божественномъ сохраненіи твореній, Лейбницъ квалифицируетъ его какъ creatio continua. Какъ извѣстно, въ схоластическомъ богословіи это—весьма распространенная идея и ничего „страшнаго" въ себѣ не заключаетъ. Ее даже слѣдуетъ признать весьма глубокою концепціею дѣйствія Божественнаго сохраненія въ мірѣ. Дѣйствительно, вдумываясь въ существо этого дѣйствія, соглашаешься, что его трудно представлять иначе, какъ въ видѣ второго творенія, ибо сохранять вещи для Бога значитъ именно возводить ихъ изъ ничтожества, въ которое онѣ, даже по признанію отцовъ Церкви (см. напр. соотвѣтств. цит. изъ Аѳанасія Вел. и Кирилла Александ. въ „Прав. догм. богосл." митр. Макарія, т. I, стр. 52), иначе бы обратились. Я думаю самъ мой суровый критикъ не осудилъ бы меня за все это, не назови я ученія о Божественномъ сохраненіи „пантеистическимъ элементомъ въ теистическомъ міровоззрѣніи" и „правдою" пантеизма. Я имѣлъ въ виду этимъ отмѣтить, что въ ученіи о сохраненіи теизмъ имѣетъ нѣчто общее съ пантеизмомъ, поскольку тѣмъ и другимъ устанавливается нѣкоторое *постоянное* отношеніе Бога къ міру. Вѣдь сходство можетъ быть между самыми несходными предметами и устанавливать это сходство ни для кого не запрещено. Конечно, отмѣчая сходство между теизмомъ и пантеизмомъ, я ни на минуту не терялъ изъ виду раздѣляющихъ ихъ различій и, думается, достаточно ясно показалъ, что и Лейбницъ эти различія имѣлъ въ виду (см. напр. § 13, стр. 283). Чтобы устранить возможныя недоумѣнія, я даже, говоря о пантеистическомъ элементѣ въ теистическомъ міровоззрѣніи, ставилъ слово „пантеистическій" въ ковычкахъ, желая тѣмъ показать, что беру это слово въ нестрогомъ смыслѣ. Но всѣ эти предосторожности оказались напрасны. Для моего критика достаточно было встрѣтить въ моихъ сужденіяхъ это криминальное выраженіе, чтобы по своему обыкновенію вознегодовать. Особенно авторъ возмущается по поводу приведеннаго у меня изреченія ап. Павла изъ его рѣчи въ аѳинскомъ ареопагѣ: „мы Имъ живемъ, и движемся, и существуемъ" (Дѣян. 17, 28). Я справедливо назвалъ это изреченіе классическимъ

выраженіемъ „пантеистическаго“ элемента въ христіанскомъ міровоззрѣніи. Изъ предшествующихъ моихъ разсужденій довольно ясно слѣдуетъ, что „пантеистическій“ элементъ у меня=ученію о Божественномъ сохраненіи твореній. Кажется, ясно, что никакихъ неправыхъ мнѣній у меня здѣсь нѣтъ и негодовать на меня не за что. Если ужъ авторъ хочетъ быть строгимъ и имѣетъ потребность обличать, то онъ могъ бы, самое большее, пожурить меня за употребленіе несоотвѣтственныхъ выраженій, хотя, по моему, бояться словъ не слѣдуетъ. Но авторъ замѣтки отнесся къ дѣлу совершенно иначе. Не понявъ моей мысли, онъ вообразилъ, что я превращаю апостола Павла въ „классическаго пантеиста“, и придя въ крайнее раздраженіе, начинаетъ говорить о моемъ „кощунствѣ“, „дерзновеніи“ и т. п. (стр. 11).

Мой „отвѣтъ“ нѣсколько растянулся, и я, чтобы не надоѣсть читателю, долженъ его закончить. Я далеко не исчерпалъ еще всѣхъ обращенныхъ ко мнѣ моимъ критикомъ упрековъ. Но, во-первыхъ, удѣльный вѣсъ моего критика, я думаю, уже достаточно обнаружился, а во-вторыхъ, то, что осталось еще не разобраннымъ, или представляетъ собою повтореніе стараго, или же явно неосновательныя обвиненія. Дѣло въ томъ, что подъ конецъ мой критикъ сверхъ всякой мѣры увлекся своимъ полемическимъ настроеніемъ и готовъ обвинить меня въ какой-угодно ереси даже безъ всякой тѣни основанія. Такъ, очевидно, чтобы пополнить коллекцію приписанныхъ мнѣ заблужденій, авторъ замѣтки обвиняетъ меня, между прочимъ, въ „проповѣди натуралистической морали“ и для этой цѣли даже поправляетъ мой текстъ. У меня въ книгѣ сказано: „психологія и мораль всегда сохраняютъ значительную независимость отъ метафизики“. Авторъ почему-то категорически приказываетъ вмѣсто слова „значительную“ читать „полную“ (стр. 13).

Въ заключеніе приведу тѣ слова, какими авторъ заканчиваетъ свою замѣтку и какими онъ наноситъ мнѣ, что называется, coup de grâce. „Г. Бѣляевъ, пишетъ мой критикъ, ископаетъ философа XVII вѣка—Лейбница, всѣми неправдами облачаетъ его въ плащъ христіанскаго философа-теиста и выпускаетъ его на бой съ старымъ Спинозовскимъ пантеизмомъ, при томъ такъ, что пантеизмъ вырисовывается во всей своей несокрушимой-де красѣ, а теизмъ и все христіанское міровоззрѣніе принижается и опошляется до человѣче-

скаго компромисснаго конгломерата. Такимъ путемъ г. Бѣляевъ извлекаетъ изъ философскаго архива стараго и злостнаго врага христіанства и, подновивъ и воспѣвъ его, бросаетъ его на бой съ христіанствомъ, въ помощь безчисленнымъ современнымъ врагамъ Христа и Его Церкви" (стр. 14—15). Мнѣ не хочется спорить съ моимъ критикомъ относительно взгляда на Лейбница, какъ на ископаемое и на счетъ устарѣлости пантеизма Спинозы. Споръ этотъ не обѣщаетъ быть поучительнымъ. Равнымъ образомъ я не стану протестовать противъ того, будто я „всѣми неправдами облачаю Лейбница въ плащъ философа-теиста". Это значило бы повторять предыдущее. Я позволю себѣ остановиться лишь на заявленіи критика, будто пантеизмъ у меня „вырисовывается въ своей несокрушимой красѣ", „подновляется" и „воспѣвается" мною. Помимо того, что это совершенно не вяжется съ содержаніемъ моей книги, это нисколько не соотвѣтствуетъ даже тому, что говорится о моихъ сужденіяхъ въ самой замѣткѣ автора. Онъ вездѣ старался доказать, что я искажаю теизмъ, составляя его изъ элементовъ пантеизма и дуализма. Но что я воспѣваю пантеизмъ и реставрирую его, на это авторъ замѣтки не сдѣлалъ и намека. Напротивъ мое изложеніе пантеистической системы Спинозы, съ философской и литературной стороны, моего критика, повидимому, совсѣмъ не удовлетворяетъ: онъ называетъ его туманнымъ и лишеннымъ цѣлостности (стр. 6). Всѣ же эти рѣчи на счетъ моего тяготѣнія къ пантеизму, очевидно, появились исключительно затѣмъ, чтобы какъ можно эффектнѣе кончить и какъ можно вѣрнѣе поразить.

В. Бѣляевъ.